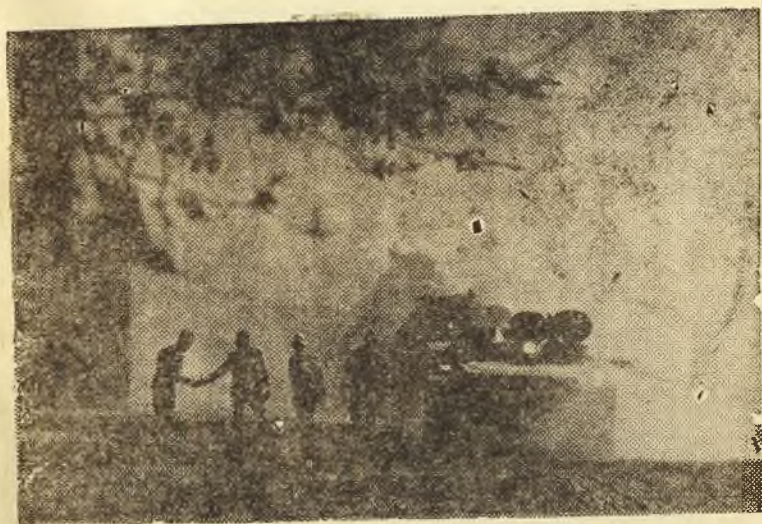

Вспомним,
товарищ...

Вспомним, товарищ...

Душанбе
«Ирфон»
1991

ББК 68.68+84P7-5

В 85

Составители *В. Латышев, В. Кудрявцев*
Вступительная статья и биографии авторов
стихотворений *Ю. Шипулина*
Фото *Г. Кравца, Г. Ратушенко, В. Кужеля, А. Гольцева*
Художник *С. Логинов*, Редактор *А. Руденко*

В 85 **Вспомним, товарищ...** Душанбе: Ирфон, 1991.
208 с.

Для поколения, выросшего после Великой Отечественной войны, школой чести, доблести и отваги стала служба на афганской земле. В книгу «Вспомним, товарищ...» вошли три сборника: «Заграничная застава», «Мужество», «На южной границе» — это авторские песни и стихи, написанные воинами-интернационалистами, о мужестве советских пограничников находящихся в Афганистане, рассказы и очерки о нелегкой их службе вдали от родины.

Адресуется массовому читателю.

В $\frac{4702010201-}{501(12)-91}$ — без объявл.

ББК 68.68+84P7-5

ISBN 5-667-00484-4

ВСПОМНИМ, ТОВАРИЩ...

Художественный редактор **В. Нелюбов**
Технический редактор **Л. Шашкова**.
Корректор **С. Лаврентьева**

ИБ № 2468. Сдано в набор 17.07.90. Подписано в печать 27.05.91. КЛ Г-354300. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,075. Уч.-изд. л. 12,45, Тираж 30000. Заказ 71. Цена 1 р. 80 коп.

Издательство «Ирфон», 734063, Душанбе, ул. Айни, 126.
Душанбинский полиграфкомбинат Госкомпечати Таджикской ССР.

734063, Душанбе, ул. Айни, 126

© Издательство «Ирфон», 1991

ВЫПОЛНЯЯ ВОИНСКИЙ ДОЛГ

Ещё проходя срочную службу, не успев надеть новенькое солдатское «хэбэ», мы в свободные минуты передавали из рук в руки так называемый «дембельский» блокнот, переписывали в него стишки на армейскую тематику или авторские песни уважаемых нами сослуживцев. Таким образом, эти стихи и песни не уходят вместе с породившим их временем, а остаются, волнуют и тревожат солдатские сердца. Что-то есть в их нехитрых словах и простых звуках загадочное, от чего полнится душа, томясь и ликуя, радуясь и скорбя, стремясь выплеснуть наболевшее, заветное и дорогое.

Мне, как о ому работнику, по долгу службы не раз приходилось встречаться с военнослужащими, выполнявшими нелёгкий солдатский труд на «горячей» земле Афганистана. Но, где бы я ни был, в рейде или засаде, на привале или на «точке», в курилке, не раз приходилось слышать пение или едва слышимый напев из песен, уже ранее встречавшихся мне рождённых в солдатских буднях.

Для воинов-интернационалистов их служба — особый период в жизни. Этот период дал всплеск для самодельной солдатской песни, выхода её со страниц «дембельских» блокнотов на большую концертную арену. Всем хорошо известны такие ансамбли, как «Каскад», «Голубые береты», которые начинали свой творческий путь в боевых подразделениях и частях. И сейчас нет такого солдата, который не знал бы песен этих ансамблей. «Голубые береты», например, стали лауреатами премии Ленинского комсомола. Большой популярностью пользуются выпущенные издательствами «Молодая гвардия» и «Воениздатом» сборники песен, рождённых на земле Афганистана, «Когда поют солда-

ты», «Время выбрало нас». А сколько ещё солдатских песен, не получивших широкого распространения, но любимы теми, кто их слышал. Пишут их не только рядовой состав, пишут их и офицеры. Так будучи в одном из подразделений, в стенгазете прочитал строки песни:

И пусть сегодня будет жарко,
Но нам известно наперёд,
Коль в бой ведёт товарищ Марков —
То, значит, нас победа ждёт...

Эта песня о бывшем командире этого подразделения Борисе Ивановиче Маркове, написана офицером-политработником. А вот просматривая блокнот теперь уже бывшего секретаря бюро ВЛКСМ ефрейтора В. Рязановича, обратил внимание, что много стихотворений у него о сапёрах. Я спросив его: «Чьи это стихи? — Он ответил: — «Майора Ивана Баннова, он много строк посвятил сапёрам, ведь он сам кавалер ордена Красной Звезды и не по наслышке знает о горячей земле Афганистана».

«А если банды били из засады, —
Они ползли в стальную круговерть
И, обнаружив мины заряды,
Взрывали затаившуюся смерть.
Я видел их идущими в атаку.
Они не подведут — я твёрдо знал.
И видел как сапёр, обняв собаку,
Её от пуль, осколков прикрывал».

Если бы эти строки прочитали сержанты Владимир Гук, Анатолий Касенков, Василий Будённый, Андрей Никитин, младший сержант Мухтар Мадаминов, рядовой Олег Желтухин, они бы сказали: «Точно. Это про нас», но они все погибли в жестоком бою. Погибла вместе с ними и собака по кличке Рада, спутавшая душманам, сидевшим в засаде, все планы. Когда она с лаем кинулась к засаде, нервы одного из врагов не выдержали, и он скосил собаку автоматной очередью. Но и себя выдал... Не могут строки этих стихотворений не растрогать сердце Виктора Лебединского и Николая Концова, вышедших живыми из этого боя.

В самодеятельных строках стихотворений и песен

как у авторов, так и у слушателей на первый план всё же выходит — что сказано, а уж потом — как сказано. И гитара, та самая гитара, под которую мы так часто любили слушать песни о любви, о молодости, «блатные» напевы, в настоящее время, рассказывает о проявленном мужестве ребят в Афганистане, рассказывает сдержанно и проникновенно.

Приходится заметить, что исполнитель самодеятельной песни никогда не бывает в одиночестве, вокруг него всегда собирается много желающих послушать сокровенные строки. И в этом вижу возросшее пристальное внимание к самодеятельной песне, особенно в последнее время.

Конкурсы, фестивали самодеятельной солдатской песни прошли в Москве, Душанбе, Ашхабаде, Виннице и других городах, т. е. солдатская песня с каждым годом притягивает к себе всё больше и больше поклонников.

Многие участники и зрители этих конкурсов и фестивалей сделали себе записи на магнитные ленты. Прошло немного времени, а уже во всех концах нашей необъятной Родины, звучат записи этих песен. И ещё долгие годы будут звучать, напоминая слушателям о нелёгких солдатских буднях. Живи, самодеятельная песня!

О популярности самодеятельных песен хочу привести один пример. Речь пойдёт о песне «Заграничная застава». Эта песня долгое время «немевшая» автора. Вот, что рассказал в одной из своих статей военный журналист Сергей Дугалев: «Когда капитан Сергей Кахович случайно в «Полевой почте» «Юности» услышал «Заграничную заставу» (это было в период вывода Советских войск из Афганистана), даже растерялся. Знакомое до последнего слова:

Если Родина приказ
Вдруг отдаст нам необычный,
Как и в прошлом есть у нас
Опыт службы заграничной.
Защищать страны покой
Нет на свете выше права.
До свиданья и прощай,
До свиданья и прощай,
Заграничная застава.

Кажется, эти строки должны были родиться именно сейчас, когда уходили из Республики Афганистан советские воины-интернационалисты. Тем не менее, написаны слова песни почти десять лет назад, когда всё ещё только начиналось.

Срок непродолжительной служебной командировки в Афганистан летом восьмидесятого года подходил к концу. Вот тогда-то он и сочинил эту песню. Пел её, как правило, сам, в кругу своих боевых товарищей, сослуживцев. Однажды кто-то при этом нажал на клавишу магнитофона. Как сейчас оказалось, ещё с тех пор сохранилась запись «Заграничной заставы» среди других «афганских» песен у прапорщика Владимира Емелина, с которым Сергей тогда вместе находился в Кабуле. Офицер Кахович — политработник, выпускник Львовского военно-политического училища. Эта песня стала как символ популярности самодеятельной песни среди молодёжи. Поэтому один из сборников вошедших в книгу назван «Заграничная застава». В сборник вошли многие песни и стихи, которые любимы воинами-интернационалистами. Но, к сожалению, вошли не все. Также как и не все, которые смогут прочитать их, хотя многие из этих страниц посвящаются им...

Никогда из памяти не вычеркнуть горькие минуты прощания с павшими, с теми, кому предстояло вернуться домой в «Чёрном тюльпане».

О них, погибших и «живых» героях слагают песни и стихи...

22 декабря 1987 года при обстреле душманами объекта Кирези-Ильяс миномётный расчёт, в состав которого входил Сергей Волков, вёл ответный огонь.

Наводчик миномёта Сергей Дольников рассказывает: «Одна из ракет взорвалась недалеко от нашего расчёта, на несколько секунд мы припали к земле, а когда снова встали, Волков Сергей встать уже не мог. Он получил два сквозных ранения в голову и живот, живым он оставался ещё 45 минут, скончался на руках своих боевых друзей».

Ушёл из жизни Сергей, но жива память о нём. Его друг, тоже Сергей, Борисов посвятил ему одно из своих стихотворений:

Над Афганом солнце тихо встало,
В Кирези-Ильяс приходит новый день.

Снова с нами одного не стало,
Эх, Серёга, как же мы теперь...

Ну как же так, ведь он вчера был рядом
Сидел, курил и тихо говорил:
«Ты знаешь, ведь меня ждѣг дома мама,
Я ей бы всё на свете подарил».

Но как же так, Серёга, слышишь!
Не верю я, что вдруг тебя уж нет,
Но поздно, он уже не слышит
И я один иду встречать рассвет.

За перевалом уж замолкли взъывы,
В Киризи-Ильяс настала тишина.
Вставай же, милый друг, очнись же,
Не верил я, что здесь идѣг война.

Зарыдает мать твоя, когда узнает,
Что тебя на свете больше уже нет.
Но, Серёга, почему же так бывает,
А у тебя ведь дома выпал белый снег.

Земля Афганистана... Она усыпана осколками, гильзами, разорвавшимися «эрэсами», минами хвостовиками. Она полита кровью наших солдат. О тех, кто прошѣл по пыльным дорогам Афганистана, о тех, кто поднимался в полный рост под огнѣм противника для того, чтобы прикрыть своего товарища, о них, советских воинах, помогавшим строить на древней земле новую жизнь и её защищать, об эсгафете мужества, переданной в надёжные руки, о героизме и отваге тех, чьими делами и поступками сегодня пишется социальный портрет советских воинов 80-х — посвящён сборник «Мужество».

Для тысяч парней Афганистан стал школой мужества, горнилом нравственной закалки. Народ глубоко уважает своих сыновей, тех, кому довелось выполнять интернациональный долг. Навсегда сохранится у нас память о тех, кто погиб смертью храбрых, кто прямо со школьной скамьи шагнул под яростный огонь пулемѣтов, навстречу бессмертию.

Но из всего того, о чём мы слышим,
И из того, что мы вершим пока,
Солдатский подвиг я считаю высшим
И самым бескоростным на века

Фазу Алиева

15 февраля 1989 года вошло в историю днем, когда последние подразделения Ограниченного континента Советских войск в Афганистане вышли на родную землю.

Ушли войска из Афганистана, а граница осталась. И вся тяжесть по охране и обороне её легла на воянов в зелёных фуражках. Сложна и противоречива обстановка на южных рубежах, об этом и пойдёт речь в сборнике «На южной границе».

Юрий Шипулин

Заграничная
застава

В Афганистане.

Николай Троян

Николай Петрович Троян не один год вел свою «Афганскую тетрадь», а начинается она со следующих слов: «Сердце человека, хотя бы раз побывавшего в Афганистане, не может не взорваться стихами. Для поколения, выросшего после Великой Отечественной войны, школой чести, доблести и отваги стала служба на афганской земле. Сколько замечательных ребят прошло эту школу и встречаться с ними мне приходилось в каждую из шестидесяти двух заграничных командировок: в Куфабе, Мармоле, в окрестностях Имам-Сахиба, в зоне Балха, по дороге на Меймене, в гарнизонах, расположенных у стыка трех границ. Там же рождались стихи и первыми слушателями были воины, их вызвавшие. Спадало напряжение, уходила усталость, светлели лица.

Солдаты снова рвались в бой. А значит, мои скромные возможности использованы не напрасно».

РУСТАК

С неба месяц сползает усталый,
Навалился всей тяжестью сон.
За спиной моей спит гарнизон,
Мне до смены немного осталось.

Я товарищей не подведу
И присяги, что дал, не нарушу,
На посту не засну и не струшу,
Трусом не было в нашем роду.

А иначе гореть мне в аду,
Поседеет безвременно мать
И друзьям мне руки не подать,
Если я на посту подведу....

(1983 г.)

ПЕСНЯ ДЕСАНТНО-ШТУРМОВОЙ

Зовут нас все ДэШа,
Нас выбросить спешат
Туда, где завязался жаркий бой.
Уверенность в успех
Вселяем мы во всех.
Зовут недаром нас десантно-штурмовой!

(2 раза)

За несколько минут
Борты нас заберут,
Перенесут хоть к чёрту на рога,
И пусть потом назад
Снимать нас не спешат.
Нам главное добраться до врага.

(2 раза)

Пусть нам пустой живот
Холодный ветер жжёт,
Мы всё равно душманов можем быть.
Когда из пулемётов,
Когда из миномётов,
А иногда и просто придушить.

(2 раза)

Отважен наш эНШа,
Наш замполит-душа,
А командир заботлив как отец.
Пока такой расклад
Мы верим во сто крат
Душманов, несомненно, ждёт конец.

(2 раза)

(октябрь 1983 г.)

ДЕСАНТ

Десант-надёжная работа,
На взлёт команду ждут не зря.
Два неразлучных вертолёт
И тридцать три богатыря.

Взлетят, как сказочные птицы,
А через несколько минут
Подсядут там, где их не ждут.
От них душманам не укрыться.

Десант — нелёгкая работа,
Но, коль застать врага врасплох,
По всем статьям он будет плох
С ним можно справиться в два счёга.

Секундой, воин, дорожи,
Ведь кровь твоя ценнее пота,
Десант — опасная работа.
Но без неё нам не прожить.

Десант и враг зажат в лощине:
Десант и наша высота.
Я снова слышу: «От винта!»
Пусть кровь душманов в жилах стынет.

ТОВАРИЩ МАРКОВ

Лицом к лицу рассвет встречая
И тишину вокруг круша,
Ворты над целью висаю,
На блок становится ДШ.

И пусть сегодня будет жарко,
Но нам известно наперёд,
Коль в бой ведёт товарищ Марков,
То, значит, нас победа ждёт.

Душманы в страхе бьют тревогу,
Залаял с крыши пулемёт.
Его сейчас с землёй смешает
Из ПТВ гранатомёт.

Смешает и ударит снова,
Смотри, солдат, не подведи.
За командира, за Машкова
Точней по цели наводи.

Точней, да будет им понятней,
Пока сердца стучат в груди —
Мы ни за что соседей — братьев
Врагам в обиду не дадим.

И пусть сегодня будет жарко,
Но нам известно наперёд,
Коль в бой ведёт товарищ Марков
То, значит, нас победа ждёт.

Над нами солнце будто знамя
Сияет радужным огнём,
Кишлак под вечер будет занят,
В том слово твёрдое даём.

И пусть сегодня будет жарко,
Но нам известно наперёд,
Коль в бой ведёт товарищ Марков
То, значит, нас победа ждёт.

(1986 г.)

НАВАБАД

Закружилась речка в пляске,
Уходя за горизонт.
По приказу, без огласки
Встал на сопке гарнизон.

Небольшой, зато советский,
«Шурави» здесь говорят.
А советский довод веский
В том, что жизнь пойдёт на лад.

Все лощины перекрыты
И иного нет пути.
Здесь душманы будут биты,
Если вздумают пройти.

Убегает речка в пляске,
Далеко за горизонт.
По приказу, без огласки,
Встал на сопке гарнизон.

(шоль 1983 г.)

ИМАМ-САХИБ

Имам-Сахиб. Под благодатным небом
Цветенье роз почти что круглый год.
Кто никогда в Имам-Сахибе не был
В других местах такого не найдёт.

В Имам-Сахибе сказочные парни...
Но о другом нам вспомнится не раз
Какие замечательные парни
Там выполняли Родины приказ.

Какая дружба крепла под Киргизом,
Не будь её, сегодня нам не жить.
Поверьте, парни, это будет низость —
Такою дружбой да не дорожить.

И пусть всегда под благодатным небом,
Там, где стоит советский гарнизон,
В достатке будет ярких роз и хлеба,
Пусть каждый будет дружбой осенён.

(г. Имам-Сахиб — 1984 г.)

ЧАКАВ

Нам не время судить, кто был прав, кто не прав,
В том ещё предстоит разобраться.
Мы вошли по приказу в мятежный Чакав.
А сейчас нам приказ возвращаться.

Как военный народ мы ответили: «Есть!»
В ночь последнюю что-то не спится.
Мы уходим домой, но останется здесь
Нашей юности гордой частица.

«По машинам!» — услышим и вздрогнет строка,
Сердце птицей в груди вдруг забьётся,
Мы исполнили долг. До свиданья, Чакав,
Пусть тревога к тебе не вернётся.

(июль 1988 г.)

ЧЕШМА-ИНДЖИР

Мой талисман — письмо твоё в кармане,
И за плечами словно два крыла,
Я потому служу в Афганистане,
Чтоб на планете меньше было зла.

Я здесь давно уже проверен боем,
Не раз бывал с друзьями под огнём.
Вернусь живым, встречай меня героем,
А коль погибну, вспоминай добром.

И пусть вода три раза на неделе,
Враги коварно бьют из-за угла.
Считай, что пули мимо пролетели,
Мне б только ты и Родина была.

ПРОЩАНИЕ С КАЙСАРОМ

В подразделении оживление, суета, волнение,
Как бывает только дважды в год.
Ведь завтра увольнение, поймите, увольнение,
Ах, только не подвёл бы вертолёт.

Парадки не запятнаны, под целофаном спрятаны,
А совесть и тем более чиста.
Простимся мы с ребятами, надёжными ребятами,
Сменившими вчера нас на постах.

И что бы там ни стало, куда бы ни бросала
К нам в целом благосклонная судьба
Нам не забыть Кайсара, тревожного Кайсара.
С разбитым минаретом и пылью на зубах.

(май 1988 г.)

Сергей Иванов

Офицер Сергей Иванов стихами увлекается с детства — любил стихотворения С. Есенина, Ю. Лермонтова. Сам начал писать стихи на IV курсе военного училища. Первое его стихотворение было посвящено пограничникам, которые отразили 8 апреля 1987 года вооруженное вторжение душманов на советскую территорию.

БОЙ НА ГРАНИЦЕ

На границе СССР с Афганистаном
Совершён был бандой переход.
И советских пограничников душманы
Захватить пытались в обход.

Но уловка банде не удалась
Их заметил вовремя наряд.
Битва там у камней завязалась
Вдруг напомнив чем-то Сталинград.

И как лев там дрался Куркин Лёша —
В третий раз смертельно ранен был.
А Рамиль Ямилов землю нашу
От врагов собою заслонил.

Там другие парни наши дрались.
Артаманов Саша, чем он не грой?
И душманы у скалы остались,
Там, где этот состоялся бой.

Больше двух часов оборонялись,
Выполняя Родины приказ.
Те солдаты — пограничники держались,
Враг не выдержал; бежал и в этот раз.

Вся страна о подвиге узнала,
Самых лучших сыновей своих.
Вечной памятью она их окрыляет
И поэты воспоют о них.

Чтобы мирной жизнь была на Пяндже.
Ими принят был последний бой.

Кто-то здесь, на землю нашу ляжет,
От беды закрыв её собой.

Так всегда, так было есть и будет,
Отстоим мы мир на всей земле
Пусть враги на лбу себе зарубят,
Что их ждёт на нашей стороне.

(апрель 1987 г)

ПАМЯТЬ

Светлой памяти Александра Корявина, который погиб в 20 лет, закрыв собой своего командира, посвящается.

Вот поступит команда «Вперёд!»,
БМП наша с места рванёт.
Гул и рёв будет долго стоять,
Мы пойдём басмачей добивать.

Здесь стреляют, как и прежде-война,
Мирным людям она не нужна.
Мы в обиду Афган не дадим,
Ценою жизни его от беды защитим.

Возвращались на базу весной,
Впереди шёл дозор боевой.
Лейтенант сидел на броне,
А напротив солдат, чуть-чуть в стороне.

Вдруг душман огонь открыл по броне,
Лейтенанту он метил в спину...
Но врага наш солдат опередил,
Он собой командира закрыл.

Бой затих, басмачи не ушли.
Кто был жив, сдались в плен все они.
Лейтенант у машины сидел,
После боя он совсем поседел.

Шопот долго в ушах всё стоял,
Тот солдат лейтенанту шептал:
«Передайте в Союзе привет,
Мама пусть не скучает по мне».

Так погиб молодой наш герой.
Награжден был Звездой золотой.
Он прожил лишь всего 20 лет,
Но в Афгане познал много бед.

В это время, в родном краю,
Где скворцы свои песни поют,
Мама сына два года ждала
И не знала о горе она.

А узнав, губы крепко сожмет,
По щеке вдруг слеза потечет.
Это был ведь единственный сын,
Горячо и так нежно любим.

Мама, вытри глаза и не плачь,
Не уйдет от суда тот палач.
Он ответит за муки людей
Им убитых на афганской земле.

Пролетят незаметно лета
И афганистан расцветает навсегда.
Будет мирно цвести карагач
И никто не услышит там плач.

А при въезде в Кабул, словно рать,
Будет памятник вечно стоять.
И цветы там живые лежат
В честь погибших советских солдат.

(июнь 1987 г.)

АФГАН

Подумаешь лишь только об Афгане
И жаром вновь всю душу опалит,
Там служат наши парни на Шерхане,
Но я поеду на Имам-Сахиб.

Здесь все просто, каждый день стреляют,
Война идет за жизнь Афган-страны.
И каждый день здесь кто-то погибает
В объятьях необъявленной войны.

Недавно доложили нам с объекта,
Что на Кундузе экипаж погиб,
Басмота, погрязшая в своих делах как секта,
Стреляет, режет, вешает и мстит.

Душман — бандит и нет ему прощенья,
За тех парней, которых он убил,
Идем мы в бой, набравшись вновь терпенья,
А там уж кто-то... «первый, первый задымил!»

«Огонь, броня!» — послышалась команда,
Враг не уйдет от кровного суда.
Сжав зубы, все строчу из автомата,
Чтоб зло ушло отсюда навсегда.

(май 1988 г.)

СОЛДАТ РОССИИ

На Имам-Сахибе день и ночь стреляют,
Басмачи сарбозов зверски убивают.
Мы стоим броней, за дувал — стеною
И всегда готовы крепкий дать отпор.

Часто здесь в Афгане парни погибали,
Вот шальная пуля мегит и в меня.
Смерти не боюсь я, в мыслях обнимусь я
С милой у березки и вернусь сюда.

Пуля пролетела, у виска пропела,
Звон ее я буду долго вспоминать.
Вспомню о ребятах, взрывах и раскатах,
И почтим мы память тех, кто здесь лежат.

Нет надежней брата, нашего солдата,
Он придет на помощь при любой беде,
И огнем поддержит вмиг из автомата,
Позабыв о жизни, о своей судьбе.

Может, на гражданке встретимся когда-то,
Выпавшим на долю вместе воевать.
Поглядим в глаза мы — сразу все понятно,
А потом присядем, будем вспоминать.

(март 1988 г.)

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Шла колонна быстро по дороге,
Пыль стояла долго позади.
Подожди ты лишь еще немного,
Там граница ждет нас впереди.

Возвратимся мы домой в Россию,
Обласкаем взором тополя.
Милая, любимая Россия,
Дай за всех я обниму тебя.

Кто на века там лежать остался,
На афганской пыльной стороне.
Кто в атаку первым поднимался
Вспоминал так часто о тебе.

Милая, любимая Россия,
Что так шепчут тихо тополя?
Посмотри на головы седые,
Дай за всех я обниму тебя.

(Февраль 1989 г.)

КРОВАВЫЙ ПЕСОК

Последнему солдату, получившему
увечье на земле Афганистана, Сергею
Еремееву, посвящается.

Подразделение, где служил Серега,
Возвращалось из Афгана навсегда.
Как там парням нашим было трудно
Ведь об этом знают не всегда

Что рассказ, да разве все расскажешь
И поверит ли тот, кто не был там?
Иногда в засады попадали
К изуверам, гадам — басмачам.

Много выпало на нашу долю —
Кто-то уж дожился до седины.
И часто я во сне бегу по полю,
А в глазах все тот же серпантин.

Вспоминаю путь далекий к дому:
Проходили город Хайратон.
И беда настигла вдруг Серегу...
Толчек, паденье, стон... ноги лишился он.

Родом сам из-под Новочебоксарска,
Воевал по чести делово.
Вот теперь и на песке афганском
Увеличилось кровавое пятно.

Это было тихим светлым утром,
Когда солнце всем светило нам
Кровь застыла красным перламутром,
Обагрив «варшавку» по краям.

А в Союзе мама сына ждала
И не знала страшной беды той,
Может в фильме часто и видала
Искалеченных ребят войной.

Сколько горя, слез война приносит,
Сколько жизней унесла от нас.
И, не веря в бога, мама просит,
Чтобы сын остался жить сейчас...

(март 1989 г.)

Андрей Лопанов

Перед выходом подразделения, в котором служил рядовой А. Лопанов, из Афганистана ребята сочинили на память о нелегкой службе пожелание Андрею и записали его на магнитную ленту, читал его Сергей Кравцов:

«Андрей! Мы понимаем твое сегодняшнее настроение, скоро ты вернешься домой, встретишься с родными и близкими. В этот день мы желаем, чтобы никогда в твоей жизни не было больше войны. Чтобы твои дети и внуки жили под мирным небом. Чтобы им не пришлось испытать то, что испытали мы. Никогда не забывай своих боевых товарищей, с кем глотали вместе едкую пыль афганских дорог, ходили в бой, мерзли на блоке зимой, делили пополам сухой паек и сигарету. Держи

марку «афганца» прежде всего своей скромностью, культурой и доброжелательностью по отношению к старшим...»

С гордостью Андрей слушает эти пожелания. Вспоминает при этом жестокий бой под Малакулями, где погиб его друг Али Алиев, невернувшегося с задания Игоря Камышова. Им и еще многим тысячам погибших советских парней посвятил он строки песен «Обелиск», «Другу», «Самодетельная песня», а также стихи «Скоро домой», «Письмо к любимой».

ОБЕЛИСК

Постой, прохожий, обернись.
Ты посмотри на обелиск.
Шершавый камень и металл,
Который нам постелью стал.

На нас, на тех, кто не дошел,
На тех, кто дом свой здесь нашел
Сегодня здесь перед тобой
Мы все стоим одной толпой.

Мы тоже верили в мечту,
В гражданской жизни красоту.
Возможность жить почти сто лет,
Не зная бед, не зная бед.

Вели беседы у костров
И свято верили в любовь.
И вот мы здесь, мы ниже вас —
Настал и наш последний час.

Афган — не шутки, не игра,
Не вечеринки до утра.
И потому не просто так
Те песни — яростней атак.

Гитара словно бы в тисках,
В твоих мозолистых руках
Поет о жизни и друзьях,
Что полегли в чужих краях.

Здесь много нас и без прикрас
Свершались подвиги не раз.
Взводами в бой последний шли,
В Афгане свой приют нашли.

И если плиты нам поднять,
Да выйти к вам и рассказать,
Я верю: вы могли б понять,
Как это страшно — умирать.

(ноябрь 1988 г.)

ДРУГУ

Я забываюсь день за днем
Жестокой памятью афганской.
Убитый друг лежит ничком,
Навзничь в траве с пробитой каской.

Неловко руки разбросав,
Укрыв собой кусочек поля,
Недолюбив, недообняв,
Зато узнавший много горя.

Холодный ветер ворошит,
Клочек волос под сталью каски.
И друг мой до сих пор лежит,
Как витязь, словно в древней сказке.

А где-то в синей вышине
Уныло журавли курлычут,
Спускаясь медленно к земле
Они его призывно кличут.

Багровый мак как капля крови
У изголовья сбросит цвет,
Ведь где-то ждут его с любовью,
А он покинул этот свет.

Я забываюсь день за днем
Жестокой памятью афганской,
А пред глазами убитый друг лежит ничком,
Навзничь в траве, с пробитой каской.

(ноябрь 1988 г.)

СКОРО ДОМОЙ

Оботру пот со лба, отложу автомат,
В опаленную лягу траву.
И забуду на миг,
Что сейчас я солдат,
Что в далекой стране я служу.
Вспомню дом и друзей,
С кем все детство почти
По земле босоногим мальчишкой...
Кто же знал, что по ней
В бой придется идти,
О войне я читал только в книжках.
Я с войною столкнулся впервые лишь здесь,
Видел трупы своих и врагов.
Моих детства друзей привозили домой
В цинках паяных, море венков.
И тогда я вдруг понял,
Что это война, что здесь все
Не на жизнь, а на смерть.
И что выживает тот,
Кто отдаст все сполна.
Будет биться, чтобы не умереть.
Я открою глаза и возьму автомат,
В опаленной траве схоронюсь.
Грусть для дома оставлю,
А здесь я солдат, хоть и скоро
Домой я вернусь.

(январь 1989 г.)

САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

От равнины до гор,
Сквозь снега, дождь и пыль,
Сквозь безлунную ночь
И бурлящие реки,
Словно выстрел в упор
Словно страшная боль,
Боль, гонящая прочь
Разводящие веки.
Это боль, это крик,
Это призрачный сон,

Смертью сдавленный хрип
И отчаянный стон.
Это слезы мужчин,
Это скорь матерей,
Это тысячи жизней
Советских парней.
В ней бессонная ночь
Без лишних прикрас,
Выполняющих чей-то
Жестокий приказ.
Это пот, это кровь
Вечно ноющих ран,
Это памяти боль,
Это страшный Афган.
Это песни, которые здесь родились
И умчались как птицы
В небесную высь.
Словно пули, которых уже не догнать.
Пусть их любит солдат,
Пусть их слушает мать.
Пусть все стихнет, как только
Аккорд зазвучит.
Пусть все слушают молча, а песня кричит.
Ей дано это право, нам души терзать.
Об убитых парнях вечно напоминать.
(февраль 1989 г.)

ПИСЬМО К ЛЮБИМОЙ

Здравствуй, милая.
Здравствуй, родная.
Извини, с опозданием пишу.
Каждый раз я тебе отвечаю,
Первым делом прощенья прошу.
Что поделаешь, это не Сочи,
Задержались из рейда чуть-чуть.
Знаешь, как сейчас хочется очень
Мне в глаза твои просто взглянуть.
Чтобы теплой волною накрыло,
Чтоб, как раньше
Один только взгляд мне сказал,
Что уже извинила, забыла,

О том, что я виноват.
Нас погода не жалует солнцем.
Уже месяц дожди и дожди.
И немного уже остается.
Я прошу тебя, только ты жди.
Легче жить, если знаешь, что где-то,
Вдалеке от афганских границ,
Кладет девушка в белый конвертик
Пару легких, но нужных страниц.
Вот и все, жду ответа с надеждой,
Что приеду из рейда и варуг,
Меня ждет уже белый конвертик
С твоим именем, милый мой друг.
(февраль 1989 г.)

Сергей Игнатьев

Рядовой Сергей Игнатьев. Его песни остались в стрюю среди боевых друзей. Хотя сам он уже давно уволился в запас и уехал в родную Свердловскую область. Командиры и младшие боевые товарищи помнят Сергея и поют его песни. Вот две из них.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛЫХ ДНЯХ

Помню, это было как вчера —
Зарево пожарищ над Сахибом
И борты, моторами ревя,
Раненых спасали от могилы.

Было нам тогда лишь 20 лет,
А для пули это безразлично.
Есть у духов в тактике секрет,
Мы его усвоили отлично.

Жизнь нас научила воевать,
Рыть в песке землянки и окопы,
Как друг друга надо выручать
И встречать родные вертолеты.

Что такое дружба у солдат?
Это неразлучные понятия.
Ведь солдат без друга не солдат,
Жизнь наложит на него проклятье.

Помню, как делились мы водой
Той, что сосчитаешь лишь на пробках,
И письмо читали всей толпой
На привалах и на остановках.

Вместе мы мечтали о житье
Том, что ожидает после службы.
Вспоминали дом в родной стране,
А любимых вспоминать не нужно.

Им воспоминанья не нужны
Им бы наши письма полевые,
Чтобы между строчек той войны
Были наши чувства фронтовые.

Знаешь, что солдат в любом бою
Защищает имя твое свято,
А за тех, кому не суждено —
Мы напишем пару строк, ребята.
(сентябрь 1987 г.)

КТО МЫ ТАКИЕ?

Кто мы такие и зачем сегодня здесь?
Я знаю твердо — защищаем нашу честь.
Все мы родные, все мы братья как один.
Афганистан нас породнил.

П р и п е в:

Вновь заработал твой суровый АКС,
Руки играют отработанную роль свою на славу,
А пули свищут и ласкают нервов нить,
Это никак нельзя забыть.

Ночные горы словно жуткий, страшный сон,
Ветер срывает пыльный твой комбинизон.
Вдруг из-за сопки выплывает рваный «мяч» (луна),
Ты от победы нас не прячь.

Припев:

Солнце пустыни, едкий пот течет в глаза.
Снова в дороге, впереди Урус-Бача.
Мускулы сводит, горло сохнет как песок,
Нужен еще один рывок.

Припев:

Скоро наш вывод, мы покидаем этот край,
Но почему-то расставаться сердцу жаль.
Сколько осталось нас на этой стороне,
Жизнь не вернет их уж к себе.

Помните, люди, не забудьте никогда
Этих ребят, что пали раз и навсегда.
Не ради славы.

Черная лента скроет лица их скорбя,
Пусть будет пухом им земля,
Помните, люди, их всегда.

(январь 1989 г.)

ПИСЬМО ИЗ ДОМА

Долго письма идут в эту богом забытую землю,
Развевая с приходом своим тоску и печаль.
Так сидел шурави, прислонившись спиной к БТРу,
Гладил белый конверт и о чем — то мечтал.

Наконец, надорвав, он достал пару легких страничек,
А меж ними, о боже, нет, видно, не зря он мечтал...
Ах, Танюшка, родная, спасибо, спасибо, спасибо,
Фотографию сына к широкой груди он прижал,

А Танюшка писала, что дома как прежде спокойно.
Подрастает их сын, много ест и растет крепышом.
Что назвали Сережкой, как папу, что ей неспокойно,
Пока служит он там — в сердце страх и тревога о нем.

А весна будто маревом нежным всю землю покрыла,
И пески Кандагара цветами покрылись вокруг.
Улыбался солдат, прижимая к груди фото сына,
Не волнуйтесь, родные, три месяца быстро пройдут.

А на утро был бой кровавый жестокостью страшный.
Был приказ: перекрыть все ущелье, не дать им уйти
И саперы, отлично сработав, ужаснейшим взрывом,
Перекрыли ущелье — теперь даже не проползти.

И ребята как тигры дрались, но их было немного,
И скала уж вся в трупах и кровь ручейком по камням.
Будто плакали скалы о тех, кто погиб в это утро,
О ребятах-солдатах, которым будь пухом, земля.
(октябрь 1988 г.)

Александр Гудымов

Офицер Александр Гудымов после окончания военного училища проходил службу на Камчатке, Дальнем Востоке. В начале 1988 года был направлен командиром одного из подразделений выполняющего интернациональный долг в Афганистане.

Игрой на гитаре увлекался в школе. Первые свои песни начал писать, когда учился в военном училище, посвятил их своему отцу Ивану Андреевичу — участнику Великой Отечественной войны, кавалеру двух орденов Красной Звезды, орденов «Великой Отечественной войны» I и II степеней.

Они, первые его песни, были о войне, о нелегкой военной службе. Первые строки об Афганистане родились под стук железнодорожных колес, которые несли офицера Гудымова выполнять интернациональный долг...

ВОИНАМ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАМ

Не был я в долинах Шибергана,
И не в меня стреляли басмачи —
Защитники «ислама» и «корана»,
Наемные убийцы-палачи.

Не видел я горящие машины,
Когда от боли плавится металл.
И как седеют на глазах мужчины,
Кто из машин горящих вылезал.

И не мои израненные руки
В смертельных судорогах сжимали автомат,
Когда в прорыв пошли озлобленные «духи»
Под дождь свинцовый и разрыв гранат.

Не я лежал, глотая кровь и слезы,
У древних стен чужого кишлака,
И грезилась не мене тогда березы
И мамина прохладная рука.

Не был я в долинах Шибегана,
Но в этом не моя, увы, вина,
Что вновь везет «тюльпан» из Афганистана
Уже ненужные героям ордена.

(январь 1988 г.)

БОЕВЫЕ ОРДЕНА

Мы получали ордена
Не на учебных полигонах,
А от того и седина,
Хоть звезд больших нет на погонах.

Спинны не гнули, не тряслись
В больших просторных кабинетах
И на газетной полосе
Вы наших не отыщите портретов.

П р и п е в:

Афганистан, учитель наш,
Нам не забыть его уроков.
Палящий зной, колонна, марш
И мины, мины, мины на дорогах.
Афганистан нас испытал,
Мы стали проше, тверже, строже.
И только тот, кто здесь бывал
меня поймет и песню сложит.

Мы получали ордена
Не потому, что нам так лучше,
А просто здесь идет война
И мы с тобой, дружок, здесь служим.

Сбя от пуль не берегли,
Сердце и нервы не жалели,
А по-другому не смогли,
А по-другому не сумели.

П р и п е в:

Мы получали ордена
Кто перед строем, кто посмертно,
Но память наша не мертва,
Она поверь, дружок, бессмертна.

Нам третий тост не обойти
За всех ребят в Афганистане,
Кто с орденами на груди
На Родину отправлен был в «тюльпане».

П р и п е в:

(июнь 1988 г.)

ПИСЬМО СЕРЕГЕ

Другу Харькову Сергею...

От Сереги письмо, полстранички всего.
Пишет, что не забыл и письмо от меня получил.
Вышли блок сигарет, от Наташки привет.
Будь здоров, старик, времени нет,
Черкани пару строчек в ответ.

Напишу я Сереге письмо,
Пусть короткое будет оно:
«Жив, здоров и письмо получил,
Помню все, ничего не забыл».

П р и п е в:

Ах, Серега, неужели все забыто,
Что прошли Афганистан и не убиты.
Ах, Серега, не награды лечат раны.
Забывать друзей мы стали что-то рано.

А ведь сколько ребят не вернулось назад.
Сколько верных друзей там погибло,
Ты вспомни, Сергей...

Выслал блок сигарет,
И Наташке, конечно, привет.
Будь здоров старик, времени нет
Черкани пару строчек в ответ.

П р и п е в:

Ах, Серега, неужели в самом деле,
Мы прошли Афганистан и уцелели?
Ах, Серега, неужели все забыто,
В 30 лет с тобой мы стали ветераны.

В суете будних дней мы теряем друзей,
Но землянок уют строчки писем вернут.
Я конверт опушу и друзей разыщу —
С кем делил полный срок, свой афганский паек.

П р и п е в:

Ах, Серега, неужели все забыто,
Неужели все, что было, шито-крыто?
Ах, Серега, не дадут забыть нам раны,
Что на память оставили душманы.

(октябрь 1988 г.)

ПРОЩАЙ, АФГАНИСТАН

Прощай, чужой Афганистан
Тебя я больше не увижу
За девять лет не стал ты ближе,
Но не жалею, что был там.
Сквозь пот и кровь ковалась воля,
У наших мальчиков-солдат.
И ты не бросил автомат,
Когда был вынесен из боя.

П р и п е в:

Ты вспомни, друг, как все вокруг
Сметал огонь свинцовых вьюг.
Как вертолеты шли на круг,
И дрожь в руках, и сердца стук.
Тогда был бой, жестокий бой:
Разрыв гранат, ЭрЭСов вой.
И пуль шальных пчелиный рой
Нас прижимал к земле чужой.

Надеюсь, нас простит аллах
За то, что было и не было,
Что память наша сохранила
В твоих расстрелянных горах.
Прощай, чужой Афганистан,
Мы не вернемся, я ручаюсь
И навсегда с тобой прощаюсь,
Но не жалею, что был там.

(февраль 1989 г.)

Алексей Денисенко

На проходившем конкурсе самодеятельной солдатской песни в декабре 1988 года в г. Душанбе, песни написанные Денисенко Алексеем, имели большой успех. Так за исполнение его песен «Высадка в горах» и «Неинтересно всем, что ты устал», Евгению Деменеву был вручен главный приз.

Сам о себе Денисенко Алексей рассказывает просто: «Родом из Таганрога, член ВЛКСМ с 1979 года, с 1982 по 1984 год проходил службу в пограничных войсках на заставе. По окончании срочной службы, остался на сверхсрочную с просьбой отправить меня в Афганистан. Просьбу мою удовлетворили, направили служить в одно из десантных подразделений, командиром боевой группы. Как мы себя еще между собой называли «Заграничный десант». Здесь в десантном подразделении научился играть на гитаре. Каждый раз, возвращаясь с операции, солдаты брали в руки гитары и пели. Песни были самые разные: о доме, о России, о тех, кто ждал и не ждал, но особенно были нам дороги и близки наши «афганские».

Цели перед собой писать песни не ставил. Было у меня несколько «сырых» заготовок по 1—2 куплета. Однажды пропел эти куплеты ребятам, они попросили меня завершить их до конца. Но оказалось, завершить намного труднее, чем начать.

Самой трудной для меня была песня, которую я посвятил своему лучшему другу Ване Рахмонову, героически погибшему 8 апреля 1988 года в бою под кишлаком Сар-Рустак. Назвал эту песню «Горе». Нашим доблестным вертолетчикам, с которыми мы воевали бок о бок, посвящена песня «Краснозвездный вертолет». Своим друзьям, чьих имен нет в тексте, но мно-

*гие строки посвящены им, это: А. Чайке, И. Максимо-
ву, Е. Бычкову, Е. Демневу, В. Смирнову, И. Мышко
и многим другим».*

ГОРЕ

Памяти друга Ивана Рахмонова.

Неправда, что чужого горя не бывает
И чужая рана сердце нам не жжет.
Не верьте, десантники не умирают,
Они просто уходят в свой бесконечный полет.

Возвратились не все, просто хочется в это не верить,
Вот еще одного не сумели спасти от беды.
Где-то в списках запишут «одна боевая потеря»,
Только сердце сожмется от горького чувства вины.

Кто нас простит, кто нас поймет,
В тот бой мы шли не ради славы.
Где не было «За Родину, вперед!»
И не было Москвы за нами.

Кто виноват, а кто там прав —
Нас не поймут, здесь не сказать словами.
В душе остался вечный шрам
Как память об Афганистане.

Не всегда умирают, когда погибают в бою
До конца убивают, когда навсегда забывают.
Не забудем, я верю и, значит, не зря я пою,
Только знаю, надежнее слов может быть только память.

Хорошо рассуждать о войне где-то в теплой квартире,
На словах быть героем у девочек юных в глазах,
Говорить: «Слышал я, что в ДШ подорвались на mine,
Что возьмешь с них, то «смертники» лезут, незная куда».

Что, мол, я сам там воевал,
Мол видел смерть, с штыком ходил в атаку,
В бою десятки пленных брал,
Да я... и рвал с плеча рубаху.

Героям честь, но не таким,
А тем, кто молча и без крика

Пошли вперед, чтобы других спасти,
Но самому погибнуть.

Да, мы шли всегда туда, куда нас посылали.
С вертолетов бросались бывало в такие места,
Только вам все равно, вы по-разному нас называли.
А желающих так было мало, чтоб с нами слетать.

И теперь, когда друг наш погиб, все не скажешь
словами.
Только хочется будущим всем лжегероям сказать,
Что не смертником был он, не смертником был, он —
десантник,
В заграничном десанте ему довелось воевать.

Ну что сказать, не знаю сам,
Тот, кто погиб, тот вечно с нами.
Будь проклят тот Афганистан,
Где горы с минными полями.

Прости, что мы тебя тогда
Не сберегли родным и близким.
Осталась память, но она
Гранитных тверже обелисков.

Неправда, что чужого горя не бывает,
И чужая рана сердце нам не жжет.
Не верьте, десантники не умирают,
Они просто уходят в свой бесконечный полет.

(сентябрь 1988 г.)

КРАСНОЗВЕЗДНЫЙ ВЕРТОЛЕТ

Несется «борт» — корабль наш,
Петляя между скал.
Ревет мотор, винты гудят,
Вгоняя в дрожь металл.

Пусть в этот раз нам повззет,
А там поможет друг,
А краснозвездный вертолет
Свой курс берет на юг.

Союз остался за спиной,
Уходит в бой ДШ.
Не скоро прилетим домой —
Ведь здесь Афганистан.

Рукою машет нам пилот,
Площадка под «бортом»
И красноезвездный вертолет
Сел перед кишлаком.

Открылась дверь и прыгай вниз,
Настал и твой черед,
Ведь от тебя зависит жизнь
Тех, кто покинет «борт».

Наш красноезвездный вертолет
Надежды пять винтов,
Сквозь пыль взлетев, уйдет в полет
И курс возьмет домой.

Арык, дувал, а там за ним
Бьет глухо автомат.
Ну что ж, вставай, вперед пошли,
Тут некуда назад.

«Зеленка» как волшебный сад
Щедра на чудеса,
Но нам совсем не нужен клад —
Мы ищем ДШК.

Чтоб красноезвездный вертолет
К ним не попал в прицел.
С пробитым, вспоротым бортом
Не падал вниз к земле.

Войне конец — пора домой,
Свернулись, будем ждать.
Наш временный аэродром
Площадка — пять на пять.

Садится «борт» и пыль в глаза,
А ветром валит с ног.
Спасибо, летчик, что сказать...
Ты сделал все, что мог.

Наш краснозвездный вертолет,
Тебе, заграндесант,
Спасибо скажет, нас поймет,
Кто испытал все сам.

(сентябрь 1987 г.)

НЕ ИНТЕРЕСНО ВСЕМ, ЧТО ТЫ УСТАЛ

Не интересно всем, что ты устал.
ДШ идет вперед по склонам ввысь,
Где смерть витает среди вечных скал
И ищет встречи, чтобы сбросить вниз.

Надежда на себя и автомат,
На тех ребят, что следом за тобой.
Скала, обрыв и горная тропа,
Вперед, вперед, а там стрельба и бой.

И там не принимается в расчет,
Что дома мать, отец и есть друзья
Что есть она и даже она ждет,
Хотя все меньше в это верю я.

Четвертый час жжет дикая жара,
Насквозь пропитан потом масхалат.
Дымится раскаленный автомат,
А нам вперед, а нам нельзя назад.

Опять ползем, лишь несколько шагов
Чуть пробежим и падаем ничком
Вот, наконец, их пулемет умолк,
Теперь подняться нужно в полный рост.

Как трудно встать, когда кругом свистит,
Летит свинец и целятся в тебя.
Но ты встаешь, лишь вспомнилось на миг
Родимый дом и старые друзья.

И покачулся синий небосвод
Мир стал другим, мир стал красив и прост.
А пуля — дура, вдруг не попадет,
Ведь ты сумел подняться в полный рост.

И вид как сквозь оптический прицел:
Ты здесь, кругом свои, но дальше враг.
И в ненависть вложилась каждый нерв:
Стучал затвор и бил в плечо приклад.

Закон один — или ты или тебя.
Другого нет, другого не дано.
Наверно, это объяснить нельзя. —
Кто не был там, тот это не поймет.

Наверно, это объяснить нельзя:
Как ценят жизнь, когда гуляет рядом смерть.
Кому смешно — хотел бы я, друзья,
Как там бы вы смеялись посмотреть.

Как ни скажи, вам просто не понять,
Как нагло снайпер бьет из кишлака.
Как хочешь в землю закопать себя,
Как страшно сделать просто два шага.

Где лишний шаг и ты уже убит,
А мертвым безразлично где лежать.
Здесь есть наука — жизнью дорожить,
Наверно это всем вам не понять.

(ноябрь 1987 г.)

ЗАГРАНИЧНЫЙ ДЕСАНТ

Заграничный десант — непривычное слово для многих,
Звучит новый приказ и на юг вертолеты уходят.
Мы оставили здесь свой уют, ожидают нас сопки и
горы.
Мы вернемся, если нас помнят и ждут, если о нас еще
помнят.

Что такое ДШ — нет вопроса труднее и легче —
Это трудно дышать, когда ранец врезается в плечи,
Это спальник промокший и снег, тихо бьющий по рваной
палатке.
Надоевший «сухпай» в казане на костре, колыбельные
песни сигналки.

И обидно порой, лишь немногие знают об этом:
Нас не снимут в кино и про нас не напишут в газетах.

Как, оставив Союз за спиной, серым облаком пыли окутав,
Зависают «борты» над афганской землей, в бой бросая десантную группу.

Заграничный десант — это просто надежные руки.
Снова ждут где-то нас и в едином сливаются звуки —
Лопастей вертолетных напев.
Сопки в блистере, желтом от солнца,
Проплывают назад и качается тень от «борта» по
безжизненным склонам.

Заграничный десант — в двух словах объяснить бесполезно.
Здесь не просят наград, просто так на рожон не полезут,
Трусов нет и предателей нет — есть простые советские
парни.

Пройдет время, останется память тех лет
И о нас — заграничном десанте.

(сентябрь 1988 г.)

Василий Гула

В течение четырех лет выполнял интернациональный долг Василий Гула в Афганистане в должности старшины десантного подразделения. Сам участвовал почти во всех боевых операциях. А поэтому так сокровенны стихи написанные Василием.

* * *

Слепая ночь, слепая смерть
Вокруг кружилась и визжала.
И тяжкий бой среди диких гор
Короткий, как клинок кинжала.
И в скоротечном том бою
Меня ты прикрывал как брата.
Спина к спине, из автомата.
Ты вдруг упал — спас жизнь мою.
Звезда сползла слезой за небосклон,
Пришла нам помощь, «духам» же — расплата.
И нес тебя я, боевого брата
Туда, где вертолет наш сел на склон.

Я нес тебя, сочилась кровь из ран
Через бинты и землю орошала.
Я клял душманов, клял Афганистан,
А больше — совесть мне не разрешала.
Мы вместе добровольцами пришли
И для Афгана сделала немало.
Да и сейчас хлеб для людей спасли,
Ну, а война в тебя вонзила жало.
Я нес тебя, ты крепко зубы сжал,
Загар афганский на лице растаял,
Но вот в «борту» мы, корпус задрожал...
Держись, братишка, мы уже взлетаем.
И принял нас обоих медсанбаг:
Я был контужен, ты изранен весь.
На оперстол тебя, меня в кровать —
И бой за жизнь по новой вспыхнул здесь.
Врачи и сестры, нежность их рук
Тебя спасли от смерти, воскресили
И мы с тобой, братишка, милый друг,
Еще годок в Афгане колесили.
Но час настал, пора лететь домой,
И попрощались мы с отцом — комбатом,
Прощай, Афган, и твой палящий зной.
Мой друг мне стал седьмым родимым братом.

* * *

О, жаркое солнце Афгана!
Дороги, атаки и раны...
И боль, что как камень на сердце,
И миг между жизнью и смертью.

Нам не хватало досуга,
Мы верили в дружбу и друга
О Родине дальней скучали,
Но не поддавались печали.

И все нам стало в привычку:
БТР заменил электричку.
Пассажирского флота заботы
Взяли на себя вертолеты.
Нас они на задание носили,
При нужде и душманов косили.
И поэтому верим мы свято
В мать-Отчизну и друга-солдата.

* * *

Мне сейчас не до песен —
Боль, тупая в груди,
Отпусти мое сердце,
На минуту уйди.
Трое с нашей десантной
Пали нынче в бою.
Не поется мне песен,
Боль утихнет — спою.
Вася, Федя, Серега...
Гарь смывает слеза,
Спазмы горло сжимают
И туманит глаза.
Боевые ребята, боевые друзья —
Друг сменил в бою брата,
Все мы вместе — семья.
Горечь этой утраты
С нами будет всегда.
Друг в бою станет братом
На века, на года.
Не поется мне песен —
Сердце давит скалой
Боль тяжелой утраты
Под Сарайн — Калой.
Пересилю — спою я,
Чтобы помнили все
Те, кто к дому вернулись
И прошлись по росе,
Провожая любимых
На рассвете домой.
Как погибли ребята
Той афганской зимой.

Виктор Гуринович

Закончив учебное подразделение по специальности артиллериста, Виктор Гуринович, попал служить в Афганистан. В течение почти двух лет пришлось ему выполнять интернациональный долг в провинциальных центрах Таликан и Кундуз. Его нелегкая служба отмечена боевыми медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Вот что о нем рассказывает офицер Юрий Волков,

который вместе с ним прослужил все два года: «Виктор был честный, отзывчивый товарищ. Не случайно его комсомольская организация рекомендовала в партию. На партийных собраниях при приеме кандидатом, а затем в члены КПСС, все коммунисты голосовали единогласно.

При боях под Кундузом Виктор проявил хладнокровие, смелость. Выполняя обязанности наводчика реактивной установки, все цели поражал в кратчайшие сроки с наименьшим расходом боеприпасов. Причем, огонь вели под артиллерийско-минометным обстрелом противника. Именно здесь, при выполнении боевой задачи, Виктор проявил личное мужество с риском для жизни. Благодаря решительным и умелым действиям подразделения, в составе которого он выполнял боевую задачу, мятежники вынуждены были отказаться от своих намерений, отступили и понесли большие потери в живой силе и технике. За этот бой Гуринович Виктор был награжден медалью «За отвагу». Это только один из эпизодов нелегкой и опасной службы Виктора, как воина-интернационалиста».

Свои песни Виктор начал писать еще до армии, но лучшие все же он считает, написал в Афганистане. Среди них «Сто дней», «Кудук», «Караваны».

КУДУК

Еще не раз мы вспомним это,
Когда, сжимая автомат,
В окопах ждали мы рассвета,
Сидя у спальников ребят.

Как утром ранним во мгле туманной,
Варили кашу в котелке
И вспоминали дом и маму,
Рассказы деда о войне.

Никто из нас не мог представить,
Что слово краткое «Кудук»,
Печать в памяти оставит,
А кто-то станет лучший друг.

Кому-то из наших вдруг придется
Домой вернуться при орденах.

А кто-то раненый вернется
С седою прядью на висках.

Навек запомним ночные стрельбы,
С коротким гулом миномет
Потом в эфире: «Эх, правой бы»,
«Быстрее, банда уползет!»

Как на площадках в дождь и слякоть
С водою ели сухари.
И каждый знал — нельзя заплакать
И крикнуть: «Мама! Забери!»

(апрель 1988 г.)

СТО ДНЕЙ

Средь гор Афганистана
Его лавина не снесла,
Спасла гранитная стена.
Осталось сто коротких дней
И сто ночей,
А он погиб от рук афганских басмачей.
(2 раза)

Он не свою, чужую землю защищал,
Он за тебя и за Россию погибал,
А ты в тот миг цветы другого приняла.
Ушла любовь, спала желтая листва.
(2 раза)

Старушка-мать с Афгана сына все ждала,
И каждый раз во сне его звала.
Нет, не пришел, и в этот поздний час...
Он умирал в кругу заплаканных друзей.
(2 раза)

Горел закат,
Злой ветер тучи в небе гнал.
Кто был живой — погибших вспоминал.
(2 раза)

(июль 1988 г.)

КАРАВАНЫ

Опять идут караваны,
По ущельям и по барханам.
Все везут из Пакистана
Оружие для душманов.

Оперданные поступают,
Но бандиты об этом не знают.
Вычислители быстро считают,
Минометы наши стреляют.

Снова «борты» летают,
Базы «духов» уничтожают.
До Союза не все долетают,
«Стингерами» их сбивают.

Оперданные поступают,
Вычислители снова считают,
К бою нас поднимают.
Тулуканцы опять стреляют.

Сколько ушло караванов,
С пленными из Афгана.
Сколько ребят наших гибнет
В лагерях Пакистана.

Оперданные поступают,
Вычислители снова считают,
К бою нас поднимают,
Тулуканцы опять стреляют.

Опять идут караваны
По ущельям и по барханам.
Все везут из Пакистана
Оружие для душманов.

(май 1988 г.)

Александр Клейков

АФГАНСКИЙ СНЕГ

Афганский снег напомнил мне о доме,
Он выпал и растаял через час.

Земля, впитавшая так много крови,
Сухой травой не приласкает нас.

И на глаза мне навернулись слезы,
Когда же я увижу край родной,
Где зеленеют русские березы
И пахнет свежевспаханной землей.

Пускай назад не суждено вернуться,
Я жизнь свою отдам в чужом краю,
На дно окопа, не успев пригнуться,
Захлебываясь кровью, упаду.

Сумею вспомнить в смертный миг последний,
Отца, братишку и родную мать.
Страну, милей которой нет на свете,
Не охватить ее и не обнять.

Надеемся на лучшее мы будем,
Уйдем, когда замену нам найдут.
Афгана никогда мы не забудем,
И раны наши никогда не заживут.

(февраль 1988 г.)

Александр Ковалев

РАЗГОВОР

Снова солнце ушло в мир, неведомый нам,
В царство сна, царство гор.
Бледно-розовой ватой предзакатная дымка
Прикрыла «зеленый» ковер.

Пять ребят на посту, словно ратников пять,
Заступивших в дозор всю страну охранять,
Чтобы сон не сморил, чтобы время убить,
Еле слышный в ночи завели разговор.

Любопытно тебе о чем будет рассказ,
Что ж, слушаем их, так как это про вас...

«У меня вот подругу Маришкой зовут»,
Пишет: «Пашка, родной, я дождусь!».
«Нет, братва, как вернусь — на свободу плевать —
День-другой отдохну и женюсь».

«Ну ты, Пашка даешь! Как большое дитя,
Ведь потом будешь очень жалеть.
Нет, братва, я женюсь год-второй погодя,
Я хочу на страну посмотреть».

«Бабы, стервы», — вдруг хмуро сказал Николай, —
«Грош цена им — дешовки и мразь,
Верность, женственность, нежность и святость любви,
Все безжалостно втоптанно в грязь».

«По одной обо всех рассуждать ты не смей», —
Сигаретой дымя, тихо Сашка сказал, —
Обманула — плевать, «стервы» проще сказать,
Ты найди и влюбиться сумей.

Ночи тьму рассекая, шипят трассера,
Гроыхнул миномет и зажег «светлячка».
Спит тревожно Афган, лишь не спят пять ребят,
На посту, на краю кишлака.

Ты парней не суди — не тебе их судить,
Жизнь рассудит сама — кто был прав, кто чудил.
Не игрушка война — огрубели они,
Растопи лед в сердцах, нежность в души вдохни.

О ПАРНЯХ ИЗ ДШ

Вновь звучит привычное: «Тревога!»,
Оружейка снова оживет.
Предстоит нам дальняя дорога,
Эх, братан, бери свой пулемет.

Нас провезут по улицам поселка,
Сон жителей встревожит «Урал»,
Грохотом нас встретит вертолетка,
Жаль, что ты опять не доиграл.

Припев:

А над головой у нас не купол парашюта,
Только мощный рев движка и равномерный шум
винтов,

Прыгают ребята в зеленых масхалатах,
В смерч огня на землю из бортов.

Вот уж в небе первая двадцатка,
Скоро нам с тобой лететь, братан.
Руки словно слились с автоматом,
Ждет нас впереди с тобой Афган.

За иллюминатором борта
Беспокойное «зеленки» море плещет.
Как нас встретит там эта земля?
Я вам не скажу — ведь я не вещий.

Припев:

Высадка — вот песнь огня и славы,
Взрывы и свист пуль над головой.
Так сожжем, братишка, крепче зубы,
Нелегко придется нам с тобой.

Поступает новый нам приказ —
Окапываем занятую площадь.
Прав был капитан, когда сказал:
«Десантник пять минут «орел», а в остальном он
«лошадь».

Только все ведь это знает каждый,
Память все стирает не спеша,
Но свои два года штурмовые
Не забудут парни из ДША.

Отзвучат когда-то передраги,
Отгремит и наш последний бой.
И тогда мы на скамье в курилке
Мелом четко выведем — Домой!

(март 1988 г.)

13 февраля 1989 года с объекта Бешколы снималось «домой» на родную землю подразделение, которым командовал офицер Толкогунов Н. К. Павел Попов посвятил строки стихотворения «Нам не забыть» всем тем ребятам, кому одними из последних ограниченного контингента Советских войск в Афганистане пришлось покинуть «горячую» землю.

НАМ НЕ ЗАБЫТЬ

Вот и кончилось все.
Ночь стоит у порога.
Заглушили моторы «борты».
Не поднимут уже нас с тобой по тревоге,—
Значит, больше не будет войны.

Больше не испытать переходов далеких.
Завтра сдам старшине свой родной АКС.
Как-то поет душа и не верится, что-ли,
Что мы здесь — на родной стороне.

И не слышно уже кананады далекой,
Не снуют в полутьме трассера.
Будет где-то грустить звон гитары далекой,
А не вой шакаля до утра.

Нам с тобой не забыть ни крутых перевалов;
Ни объятых огнем кишлаков.
Не забыть нам и тех, кого сегодня нет с нами,
Не пришедших с войны мужиков.

Вот и кончилось все, ночь стоит у порога,
Заглушили моторы «борты».
Не поднимут уже нас с тобой по тревоге,—
Значит, больше не будет войны.

(март 1989 г.)

Офицеру Сергею Васильеву не раз приходилось слушать самодельные песни. А вот свою песню он написал после событий 28 марта 1986 года, когда подразделение, в котором он служил, попало под кишлаком Гуржак в засаду. Вспоминая через несколько дней этот неравный бой, Сергей написал следующие строки:

Мне не забыть той долины,
БТРы в серой пыли
И ДШК бьют нам в спину,
Чтобы мы уйти не смогли.

А впереди из засады
Бьют в упор РПГ.
Чтобы прорваться из ада,
Открыли огонь БМП.

Сверху огонь с автоматов
Бегло ведут басмачи,
Видно, советник из Штатов
Их в Пешеваре учил.

Только запомните гады,
Вам нас напролом не взягь
И духи, конечно, не рады,
Что можем мы метко стрелять.

Тропа как ленточка вьется,
Горная речка бежит.
Кто-то обратно вернется,
А кто-то погибший лежит.

Припев:

Ветер тихонько колышит,
Гнет барбарисовый куст.
Парень «уснул» и не слышит,
Песни сердечную грусть.

Справа обрыв, слева скалы,
Сверху летит град камней.
Что же, собаки, вам мало
Крови российских парней?

Припев:

Сделали мы все как надо,
Земля под ногами горит.
Бандитская сбита засада,
И путь нам на точку лежит.

И где бы мы не были, знаем,
Что в свете вечерней зари,
Радостно всех нас встречает,
Дом наш «родной» — Мазари.
(апрель 1986 г.)

ВЫХОД НА ЗАДАНИЕ

Сверкают над объектом звезды.
Плечо оттянет автомат,
Опять в засаду ночью поздней
Уходит горсточка солдат.

Припев:

Гуляет ветер по ущелью
И может быть лишь через миг,
Из них вдруг кто-то станет целью
И выстрел перехватит крик.

Вздохнет правит, рванет граната,
Пропахнет порохом трава,
Но что поделаешь, ребята,
У смерти странные права.

Взмахнет безносая косою,
Затихнет кто-то из ребят.
Молю, чтобы не вспыхнуть бою,
Чтобы вернулись все назад.

Шаги затихли осторожно.
Окуржи брошены, чадят.
Озноб перебирает кожу,
Уходит горсточка солдат.

Припев:

(январь 1987 г.)

СНЕГ

Снежинки таяли на лобовом стекле,
Сплетаясь складывали снежные узоры.
Здесь редкость снег и иней на стекле,
Не ходят здесь в привычные дозоры.

Припев:

А снег летел, сбивая нас с пути,
Такой родной, из дома прилетавший,
Колонну заставлял вперед идти,
Окутывал мой автомат вспотевший.

Здесь между рейдами мы ходим на посты
И, сидя на броне, что пылью бархатной сера,
Колючим взглядом провожаем мы борты,
Что привезли привет со школьного двора.

Припев:

А в будущем привычный дождь пролетит
Ведро воды на новую «варшавку».
В фонтанах трассеров ты вспомнишь тот снежок,
На пыль и ветер делая поправку.

Холод окопа вновь окутает тебя
И, на песок облокотившись осторожно,
Ты вспомнишь милую, родные тополя
Ах, как врага во тьме увидеть сложно.

Припев:

(февраль 1989 г.)

Павел Мартынов

ЖУРАВЛИ

Идет по песочку рейд
С броней раскаленной,
И с жаждой, пей — не пей,
Неутоленной.

А за барханом опять бархан
И все как на пляже.
Когда же страна Афган
Прощай нам скажет?

И мы как журавли
Потянемся к границе.
Последний раз в пыли
С улыбками на лицах.
Потянемся в Союз
Колонной, караваном,
Потянемся на Русь,
Затягивая раны.

Колеса шуршат-шуршат
По пыли афганской.
Болит под бронезелетом душа,
Болит голова под каской.
А за барханом сидит душман
Он — дитя Востока
Прости мне, Афганистан,
Мою жестокость.

Мы так хотим домой
Живыми возвратиться,
Но вновь уходим в бой
В далекой загранице.
И верим, будет час —
Мы выйдем из огня.
И дома встретят нас,
Ни в чем не обвиняя.

(май 1988 г.)

ПАМЯТЬ

Меня спросила мама:
Что ты смотришь под ноги, сынок,
Что потерял, быть может, знаю я?
Я пошутил тогда,
Я сердце слабое сберег.
Зачем ей знать, как плавится земля...

Припев:

Но мы с тобою знаем,
Мы с тобою помним
Как командир сломался на бегу.
И я с тех пор
Ни пьяным и ни сонным
Смотреть под ноги отвыкнуть не могу.

Пройдут года, наверно,
Мы забудем многое с тобой:
Тревожный сон, усталость, боль утрат,
И Гиндукуш в снегу,
И номер почты полевой,
И перевал, и камнепад, и медсанбат.

Припев:

(июнь 1988 г.)

Юрий Петров

НА ПЕРРОНЕ

А поезд подходит к перрону, а люди так шумно галдят,
Иду я тихонько к вагону, медали все ярко горят,
А солнышко греет приятно и снег серебристый лежит,
Вдруг вижу пейзаж непонятный, у лавки старушка
стоит.

— Молодой ты какой, да красивый, — бабуля мне
говорит
— Но медали надел ты напрасно, никто на тебя не
глядит,
Лишь только позоришь ты память, ты память судьбы
фронтной,
Медали сумел ты напялить, а войны, не видал таковой.

Но, что мне ответить ей старой, меня ей никак не
понять,
Видел я афганские горы, приходилось и мне убивать,
Терял я друзей побратимых и бегал по грозным горам,
Хоронил друзей я близких и дважды ранен был сам.

Смотрю ей в глаза я со злобой, но вида ей не показал.
Лишь только о доме я вспомнил, ни слова я ей не

сказал.

Но сколько таких вот людишек, как только их держит
земля,

Калечат все судьбы парнишек, которым лишь честь и
хвала.

(апрель 1987 г.)

Сергей Кахович

«Писать начал по необходимости. Волей случая, по служебной необходимости был в таких условиях, когда откровение под гитару среди друзей, простое и ненавязчивое было нужно, как воздух. Конкурсной основы не было. Пели и играли многие мои товарищи. И то, что через много лет, сначала на магнитофонных записях, а потом по радио, на дисках я услышал свои песни — стало для меня откровением.

Преклоняюсь перед хорошими бардами, были и попытки подражать им, но ничего не получилось. Наверное поэтому у меня мало песен тех, которые можно петь долго. Как правило это песни-зарисовки, что называется с натуры. Они понятны тем людям, которые были в тех условиях, в то время и в том месте. Честно говоря, никогда не стремился к обобщениям, большим или малым, просто фиксировал в рифмах то, что обожгло сознание, оставило след в душе. То, что мои соперничавания происходящему близки моим слушателям — конечно радует.

Приходилось, и не раз, слышать предложения записать свои песни, писать больше, петь чаще. Всего этого, увы, не получается. Работать для слушателя не могу — пишу в основном для себя. Безмерно счастлив, если я, такой, как есть, кому-то интересен, кому-то интересны мои песни».

О НИХ...

Хотелось бы проще и без перевода,
Чтоб не пришлось доказывать боле,
Кто жизнями близких платил за свободу,
Стрелять не станет по доброй воле.

Не переставить, не переименовать,
Хотелось бы проще, но слово в строчку,
Был радостью светлой тот день этот начат.
Закончился хлесткой разрыва точкой.

Эмоциям время еще не настало
Газеты потом объяснят и расскажут,
За спинами взрывы, в окопах заставка
И что это значит здесь понял каждый.

Не надо подробностей, не для цензуры,
Секреты военные — в этом ли дело.
У планки прищела, перед амбразурой
Любовью возвращенная ненависть зрела.

На телеэкранных мостах и подмостках
Улыбки дарящее лиц многоцветье.
В окопе моем, по бетонному жестком,
Сидели, молчали, не плакали дети.

Я видел в их лицах вопросы немые.
Глаза матерей, как святое причастье.
Так что же мы медлим с ответом? Не мы ли
Клялись защитить на земле этой счастье?

Слепые посланники смерти — снаряды.
Идеологии им не припишешь.
В окопах друзья, на границе наряды,
Готовы мы к бою. Ты, Родина, слышишь?

Ты знаешь, Отчизна, мы дали присягу,
В бою трусов нет, только сильные духом.
Они не пройдут по границе ни шагу,
Лишь нам бы увидеть в глаза этих «духов»!

Пусть деньги чужие в избытке шуршат,
Карманы в кошель перелицивая.
Я все не забуду как ты хороша.
Далекая заграница моя.

Там русским пропитано потом жнивье,
Березки зимою все белые.
Там бьется, родное мне, сердце ее,
Гадая о том, что я делаю.

Не надо гадать, здесь работа проста,
Невелика и нагрузка.
Глаза мне нужны, чтобы ночью не спать,
Рука — автоматному спуску.

Мне крыша квартирой, квартира — мечтой,
Забочусь о чем-то покое,
Забыв, что есть где-то, родной мне покой
И что-то еще мне родное.

Назначенный срок свой сполна оглистав,
Родными и близкими письмами.
Вернусь я домой и признаюсь — устал,
Надеждою путь к дому выстелив.

ЗАГРАНИЧНАЯ ЗАСТАВА

Скоро трап нам подадут
И моторы скажут зычно:
Вот и кончился уж срок
Вашей службы заграничной.
Чтобы скрыть свою печаль,
Я смотреть стараюсь браво.
До свидания, прощай,
До свидания, прощай,
Заграничная застава.

Здесь сдружились мы навек,
Словно братья фронтовые.
Не забыть нам никогда
Эти будни боевые.
Сколько видели мы здесь,
На душе вдруг горько стало.
Здесь друзей моих не счесть,
Здесь друзей моих не счесть,
Заграничная застава.

Дней тревожных и ночей
Здесь не считаны границы.
Бдить покой страны своей
Мы должны в чужой столице.
И пускай седых волос
На висках чуть больше стало.

Уходить мне жаль до слез,
Уходить мне жаль до слез,
Заграничная застава.

Нет приказа, чтобы жить,
Может быть в бою придется,
Другом как не дорожи,
Все же чья-то кровь прольется,
Утро будет для живых,
Ну а павшим честь и слава.
Будь мне памятью о них,
Будь мне памятью о них,
Заграничная застава.

Знать, что где-то есть уют,
Тот, который сердцу дорог,
Лишь бы знать, что — где-то ждут,
Как бы ни был путь наш долог.
Честным буду я с тобой,
Не дано солгать мне права,
Где-то ждут меня домой,
Где-то ждут меня домой.
Заграничная застава.

Если Родина приказ
Вновь отдаст нам необычный,
Опыт в прошлом есть у нас,
Опыт службы заграничной.
Защищать страны покой —
Нет на свете выше права.
Низко кланяюсь тебе,
В пояс кланяюсь тебе,
Заграничная застава.

(1980 г.)

Александр Новобранный

Сержант сверхсрочной службы Александр Новобранный родился в Сумской области на Украине. Стихи начал писать с первых дней срочной службы. Свои строки он посвящал дружбе, любви и, конечно же, не легкой солдатской службе.

По окончании срочной службы поступил в пединсти-

тут, но в 1988 году переводится на заочное отделение и поступает на сверхсрочную службу. Попросился выполнять интернациональный долг, просьбу удовлетворили...

ОДНОКЛАССНИКИ

Ровестникам, выполнявшим интернациональный долг в Афганистане.

Беды изведать пришлось по горло
Тебе в неполные двадцать лет
В Афганистане высокогорном,
Где за ошибки прощенья нет.

Где злые «духи» за каждым камнем
Тебя пытались поймать в прицел,
Но, к счастью, был ты везучим парнем —
Домой вернулся седой, но цел.

И вспоминаешь теперь с волнением
Свист пуль бандитских над голсовой,
Когда в разведку шел с отделением,
А возвращался один живой.

Вновь видишь ночью, во сне тревожном,
В долине смерти последний бой,
Где с магазином, уже порожним,
Тебя Серега закрыл собой.

Вчера, ругаясь богом и чертом,
Со смертью дрался он, жизнь любя,
Ну а сегодня — в «Тюльпане черном»
Он улетает вместо тебя.

И, расставаясь с любимым другом,
Кусая губы — ты слезы лил.
Земля качнулась, пошло все кругом,
Ведь этот парень так жизнь любил...

Домой вернулся, закончив службу,
Пришел к Сереге с букетом роз.
Твой одноклассник, ценивший дружбу,
Лежит в могиле среди берез.

(октябрь 1988 г.)

СУРОВЫЕ БУДНИ

Посвящается воинам-пограничникам, несущим службу на афганской границе.

Суровые будни афганской границы,
Нелегкая служба досталась нам, друг,
Но мы охраняем свет мирной зарницы,
Покой матерей, друзей и подруг.

И пусть в небе солнце печет беспощадно,
Пусть треснули губы, забыв о воде...
Но словом хорошим нас вспомнят площадки,
Коль мы перекроем дорогу беде.

Поэтому снова уходят наряды,
Сжав крепко в ладонях приклад и цевье...
А наши родители будут нам рады,
Если сыны их вернутся живьем.

(декабрь 1988 г.)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы покидаем этот край,
Где столько жизней отдано,
Возьми гитару, друг, сыграй —
Ведь нас встречает Родина!

Вот мост заветный «Хайратон»,
За ним война кончается...
И друга низкий баритон
С той стороны прощается.

Поет он, сидя на броне,
Печальным тихим голосом
Став ветераном в той стране,
С седым вернувшись волосом.

А ведь ему лишь двадцать лет,
Жизнь только начинается...
Но, не закончив свой куплет,
Мой друг с войной прощается.

Он не услышит впредь в ночи
Команды хлесткой: — К бою!
Ведь эти злые басмачи
Остались за рекою.

И бросим мы прощальный взгляд
На сторону ту южную,
О, сколько не пришло назад,
Ведя войну ненужную...

(февраль 1989 г.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ

День за днем проносится куда-то,
Скорый поезд жизни мчится вдаль.
На перрон взгляд бросив виновато.
Я стоп-крана не сорву педаль.

А перрон тот — это мое детство,
Мяч футбольный, берег у реки,
Где мы с другом, жившим по соседству,
Бегали, запретах вопреки.

То юность, первое свиданье
Робкий поцелуй, взгляд милых глаз.
Искреннее, честное признание
Так бывает в жизни только раз.

...Вспоминая прошлое, вдруг слышу
Подъезжаем, — кто-то мне сказал.
Вывеску читаю я на крыше:
«Взрослый жизни встретил вас всказал».

И, сойдя на этой остановке,
Я увидел мир совсем иной:
Ложь, жестокость, хитрые уловки,
Словно ждали встречи здесь со мной.

В этом мире все идет по блату,
Нижнее белье, работа, ВУЗ...
Честный же, за скромную зарплату,
Надрываясь, тянет двойной груз.

А в почете ходят подхалимы,
Кому «За!» кричать не надоест.
Почему такими стать могли мы?
Почему кто не работает — тот ест?

Почему о правде мы забыли?
Почему не в моде совесть, честь.
Сказочки кругом, а где же были,
Которых до сих пор нам не прочесть?

Мне снова хочется порою
Взрослых в детство поездом вернуть,
Может, в школе им глаза огкроют
И укажут в жизни верный путь.

Пусть, где нет места для обмана
Где в почете дружба и любовь.
Где нельзя жить только для кармана,
Пряча туда деньги вновь и вновь.

День за днем проносится куда-то,
Скорый поезд мчится вдаль.
На детей смотрю я виновато:
Мне за взрослых перед ними жаль.

(ноябрь 1988 г.)

ДРУГУ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ты сидишь за столом с легким чувством волнения,
Среди близких друзей и подруг.
Они все поздравляют тебя с днем рожденья,
Разреши же и мне сказать слово, мой друг.

Разреши пожелать тебе счастья, удачи,
Силы, воли и духа в борьбе.
Не делай того, от чего люди плачут,
И плакать тогда не придется тебе.

Умей постоять за себя и за друга.
Ошибки прощай, но измен — никогда.
Пусть рядом любимая будет подруга,
О покое ее беспокойся всегда.

И пусть в этой жизни нас крутит и вертит,
Но если случится — попал ты в беду —
Дай весточку мне: позвони, иль в конверте —
И я к тебе, друг мой, на помощь приду.
(сентябрь 1988 г.)

КРИК СЕРДЦА

Мое сердце рвется от обиды,
От непонимания кричит...
А прохожий с безразличным видом
Мимо по своим делам спешит.

Его боль чужая не тревожит,
Посмотрел, не видя, и ушел...
Тщательно все дома подытожил,
Что потерял сегодня, что нашел.

В этой гонке за обогащением
Соперников все больше — и они,
Глядя друг на друга с огвращением,
Торопятся, попробуй догони...

Люди, я прошу — остановитесь!
Пропасть ведь вдали уже видна...
Искренне и нежно улыбнитесь
Вспомните, зачем вам жизнь дана?!

Ведь она дана не для наживы,
Не для ссор, обид и суеты...
А чтоб лучше черты в нас были живы,
Так не жалейте, люди, доброты!!!

(август 1988 г.)

ВОЙНА НЕ ДОЛЖНА ПОВТОРИТЬСЯ

У Братской могилы среди берез,
Где были бои когда-то,
Плачет она, не скрывая слез
Старая мать солдата.

И пусть прошло уже много лет,
Но горю нельзя забыть.

И с болью в сердце твержу я: — Нет!
Война не должна повториться!

Пусть над землею встает рассвет,
И пусть от счастья смеются дети...
Войне мы твердо скажем: — Нет!
Нет войне на Земле-планете!

(июнь 1986 г.)

О ТЕХ, КТО «МЕЛЬЧАЕТ»

К концу подходит наш XX век,
Мы многого достигли в этом мире...
Но изменился почему-то человек,
Закрывшись на замок в своей квартире.

Там все удобства, там комфорт, уют.
И за коврами стен почти не видно.
Хозяева по комнатам спуют:
Но почему их три всего? обидно...

Не слышно в доме голосов друзей,
За чашкой чая не сидят с соседом.
И, не дай бог, ребенок-ротозей,
Прольет на скатерть с ложки за обедом...

Мне это все покоя не дает,
Нет, не от зависти, а просто от презренья:
Обидно, что мельчает наш народ
И заражает этим наше поколение,

(июль 1988 г.)

КТО ПРАВ, КТО ВИНОВАТ

Ты вышла замуж, отказавшись вдруг,
От всего, что было между нами...
А я считал — ты настоящий друг
И чувства наши не убить годами.

Так думал я... Но ты теперь чужая...
И не привыкну к мысли я такой,
Что будет у меня совсем другая,
Что больше мы не встретимся с тобой.

Кто прав, кто виноват — судить не стану.
Так было выгодно, наверное, судьбе...
Но сердце, что стучит так неустанно,
Все время будет помнить о тебе.

(январь 1984 г.)

Анатолий Ребанов

ОСМОТР ВРАЧЕЙ

Военным врачам Алексею Адамову
и Андрею Никифорову, посвящается.

Наш русский врач уже не раз,
Спасал афганцев от зараз.
А вот еще один рассказ
На ту же тему.

Наш Саша Шариков привез
Девчонку красную от слез.
Примчались, доктора зовут,
Андрей с Алешей тут как тут.

Девчонка та Ильяса дочь
И просит он ему помочь.
Надежда вся на сархади.
Иначе радости не жди.

Девчонке, — Свете, скоро два,
Но у всех кругом голова.
Не ест не пьет, истощена
В слезах семья вся и она.

Не хочет соску: молоко-и то
впихнуть ей не легко.
Так, только ложкой пару раз,
Когда закончится намаз.

Андрей с Алешей, как допрос,
Ведут родителей опрос:
Что, где, когда, какой симптом,
Как ела раньше и потом?

«Да, кашель есть и жидкий стул»,
Андрюха, хитро подмигнул...
Но что хотите вы друзья,
Ведь без кормежки жить нельзя.

Сердечно в норме, хрипов нет,
Развитие для этих лет.
Вот заключение докторов:
«Ребенок полностью здоров».

А чтоб диагноз подтвердить
И аппетит восстановить,
Решили выслушать и мать,
И ей рецепты прописать.

Андрей решил — диета «шесть»,
Где творог чаще надо есть,
Побольше фруктов, овощей
И пресных множество вещей.

Жиры и соль свести на нет,
Забыть острот и вкус, и цвет.
И пусть все это не легко,
Но вкусным будет молоко.

И вот закончили прием,
И благодарственным огнем,
Согреты души и сердца
У матери и у отца.

Как будто случай рядовой,
Советский врач — всегда такой.
Как завещал им Гиппократ,
Любому пациенту рад.

И долго помнят в кишлаках,
Как детей качали на руках,
Что жизнь спасали им шурави,
Во имя дружбы и любви,

(май 1987 г.)

Офицеру Владимиру Абрамитову пришлось выполнять интернациональный долг, как говорится, «от звонка до звонка». С 1979 по 1982 годы он непрерывно находился в Афганистане, с 1982 года по февраль 1989 года часто вылетал в командировки на заграничные объекты.

Впервые написал серию стихов в 1987 году, находясь на заграничном объекте Имам-Сахиб.

ОБСТРЕЛ ПЯНДЖА

О событиях, происходивших 8 марта 1987 г. во время обстрела пограничного города Пяндж афганскими мятежниками.

Хоть память наша совершенна,
События мы забываем иногда.
Но этот день — 8 марта
Уж забудем никогда!

День получился необычным:
Погода баловала нас.
И, кто подумать мог, что нынче
Враг обстреляет город Пяндж!

Нам ярко солнышко светило,
Кто не был занят — отдыхал,
И на площадке волейбольной
Наш взвод с саперами играл.

Согласно плана выходного
Работы много провели.
А вечером нас к клубу строем
Концерт послушать привели.

Враг в это время был у реки
С названьем одноименным Пяндж.
Готовил пушки он к атаке,
Чтоб был обстрелян берег наш.

Концерт прослушав, отдохнувши,
Готовы встать мы были в строй,

Чтобы дежурный как обычно,
Мог провести скорей «отбой».

Когда же темнота сгустилась,
То бандглаварь отдал приказ;
И из орудий безоткатных
Подверг обстрелу город наш.

Мы все свидетелями стали,
Как среди ночи в город Пяндж
Снаряды вражеские пали,
Покой и сон нарушив наш.

Стремглав к казарме мы бежали
И, взяв шинель и автомат,
Мы молча каски надевали,
И черт нам был не брат.

В мгновение ока, как учили,
Мы развернули миномет.
И, лишь команду получили,
Как провели стрельбы расчет.

Огонь был яростным и грозным,
И долго слышалось вокруг:
Разрывы мин и свист снарядов,
Как все внезапно смолкло вдруг.

Когда мы вышли из окопов,
То посчитали сей же час,
Кто ранен был, а кто от взрывов
Немного хуже слышать стал.

А жены наши боевые,
Едва заслышав взрывов звук,
Детей собрали тихо, молча,
Неразберихи не создав.

Спустились вниз и у соседск
Переждали вой и свист.
А уж на завтра на окошки
Повесили затемненья лист,

(апрель 1987 г.)

РУССКАЯ БАНЯ В АФГАНИСТАНЕ

Вот вновь суббота — банный день,
А мы сейчас с тобой в Афганистане,
Кто этого не понял — не поймет:
Нас Саша «приводил» к присяге в бане!

Ту баню строили тайком
И у комбата досок попросили,
И лишь, когда готов был дом,
На нем — «Сушилка» надпись наеписали.

А в бане этой словно клад:
Парилка русская — труба с камнями.
И посещать ее сегодня рад
Тот прапорщик, что с пышными усами.

А в той парилке Саша, словно бог,
Просил лишь изредка: «А ну, еще поддай!»
И шапочку усиленно сдвигал на лоб,
И веник бешенно в руках его мелькал.

Он то бока обдаст парком,
То веник прислонит к плечам.
Березы дух струится из трубы —
Я за него всю жизнь отдам!

То хлещет так, что мочи нет,
Уж хочется и плакать и кричать
Но миг пройдет-и боли нет,
И просит он еще поддать.

Так идет за часом час
У него не пропадает вдохновенье.
А я пишу в который раз
И вспоминаю чудные мгновенья!

А перед баней дружно, разом
Мы головы в порядок привели (подстриглись),
Что наш начман с суровым взглядом
Стремленье наше сразу оценил.

А в это время, в тот же час,
Испытывая страшно нетерпенье

Наш взвод вареники лепил —
И все мы предвкушали наслажденье!

Пока мы парились и мылись,
Наш повар воду вскипятил,
Вареники уже дымилась
И мятный дух от них валил.

А после бани, по Петра заветам,
Кальсоны проданы, но вместо пития
Мы цедим чай и кушаем галеты —
И не страдает дружная семья!

(апрель 1987 г.)

ГИМН ЮНЫМ

Тут розы и свинец, огонь и пламень!
И сотни юных лиц тверды как камень.
Откуда б юным им познать те муки —
Их деды не хотели, чтоб терпели внуки.

Но вот пришлось и им принять неравный бой
И друга заслонить в бою собой.
Откуда в них взялась мужская гордость,
Под пулями врага стоять не горбясь.

Покинув отчий дом, родные стены,
Пошли они помочь афганцам бедным.
Превозмагая страх и напрягая очи —
Отчизну берегут и коротают ночи.

(май 1987 г.)

Петр Овчинников

ПРИВЕТ ВЕТЕРАНОВ

На границах огнем опаленных
Наш отряд шестьдесят славных лет,
Вам солдатам в зеленых фуражках
От седых ветеранов привет.

Днем и ночью вы службу несете
Охраняя отчизны покой,
И сейчас вы неслышно идете
По границе дорожной тропой.

Где с врагами вел бой Самохвалов,
Где волнами сплелись Пяндж и Вахш.
И в горах под угрозой обвалов,
Пролегает нелегкий путь ваш.

Путь петляет по кромке Шаркуля,
И хоронит были тех дней,
Как клинок и солдатская пуля,
Настигали незваных гостей.

Путь лежит через реку Бешкашинку,
Невеличку средь множества рек,
Где в двадцатых со смертью в обнимку
Защищали солдаты Чубек.

Не скажу, что сегодня вам легче,
Не скажу, что светло за рекой,
Ведь сегодня вам надо покрепче
Дверь отчизны прикрыть собой!

(октябрь 1988 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ

На век запомнилась граница,
Где нас хлестал свинцовый град,
Мы сохранили свои лица,
Мы пережили этот ад.

Мы в самом пекле устояли.
Под опаленною Москвой.
В Победу верили, не ждали,
Не ждали участи другой.

Пусть мир клокочет в новожденьях
Мы не забыли боль утрат.
Солдаты павшие в сраженьях
«Живыми» возле нас стоят.

Стоят как памятник бессмертья,
Свободе, Радостям, Весне,
Как символ жизни на столетья
На нашей Матери Земле.

(май — 1988 г.)

ПАМЯТЬ

Пограничникам-ветеранам, кто про-
шел по дорогам Великой Отечествен-
ной войны, посвящается.

Сбылась — ли та пора желанная,
Чего так ждал и торопил,
Была — ль в тот день заря багряная,
Иль — дождь кровавый морсил?

Мне снится время то жестокое,
Где день за месяц проходил,
Где наша юность синеокая,
В огне прошла проверку сил.

Прошел и я то поле бранное,
Народ которым проходил,
И помню время ураганное,
Все помню, капли не забыл.

Я помню юность опаленную,
И гром разрывов на заре,
Страну свою полусожжённую,
Но не сгоревшую в войне.

В бою и молодо — не зелено,
И рядом с мыслью уцелеть.
Я помнил то, что было велено,
На рубеже стоять на смерть.

Я помню время ураганное,
И не забудется беда,
Мы запахали поле бранное
И запахал и навсегда!

За все, что солнцем озаренное,
За мир и труд и за мечты,
За жизнь, за поле обновленное,
В ответе Я! В ответе Ты!

(октябрь 1987 г.)

Юрий Шипулин

В ПАМЯТЬ О ТОВАРИЩАХ

Сержанту Виталию Юровскому —
командиру минометного расчета, погиб-
шему от пуль душманов, посвящаю
эти строки.

В Афганистане дороги злые,
А в похоронке слова скупые.
Как объяснить родным и близким,
Что нет Виталия во взводных списках.

Сколько жизней отдано,
Сколько судеб сломано.
В этой необъявленной,
Ненужной нам войне.

Ну, а мы ребята,
Те кто жив остался,
Будем помнить вечно
Боевых друзей.

Вспомним мы товарищей,
С кем видели пожараща.
И напишем книгу,
«Память о войне».

Пусть младшие братишки,
Читают о ней в книжке,
И по рассказам нашим,
Рассудят о боях.

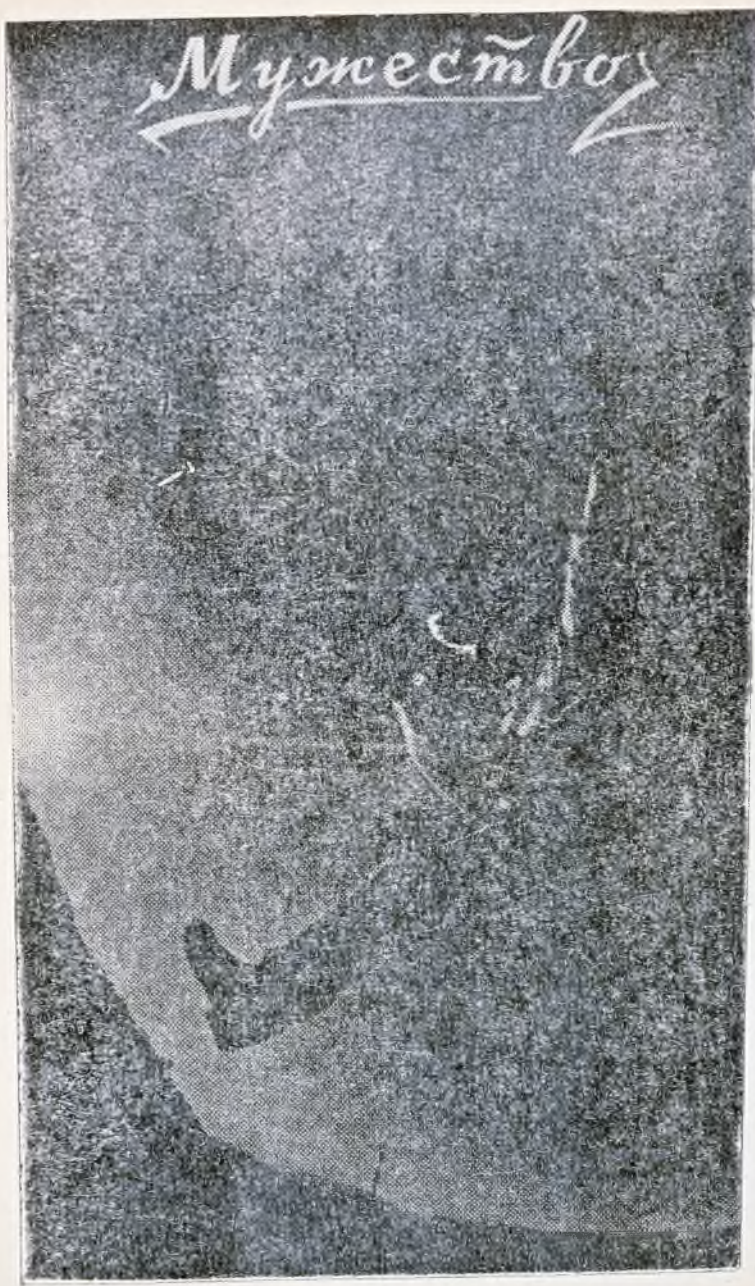
О том Афгане страшном,
Куда нас посылали,

О тех ребятах павших,
На чужой земле.

И выйдем в день победы,
Мы вместе с ветеранами.
И на центральной площади
Скажем «Нет!» — войне.

(1989 г.)

Мускетъ

Кто участвовал и знал - вспомнят, а кто не знал,
для них как было не изложишь...

О. Бучнев, С. Дугалев,
А. Панкратьев, Ю. Шипулин,
Ю. Жуков

ЖИЗНЕННЫЙ ВЫБОР

Часто нам в жизни приходится делать выбор. Сделал его и Виктор Капшук, когда на мандатной комиссии по выпуску из школы сержантского состава его спросили:

— Где бы ты хотел служить?

Ответ последовал незамедлительно.

— В Афганистане.

Ему говорили, что служба там трудная, опасная. Но он стоял на своем. И просьбу его удовлетворили...

Принял сержант Капшук отделение. А вскоре объявили, что через три дня начнутся боевые действия.

Сначала Виктор держался поближе к Володе Поршнёву, так советовал ему командир подразделения, учился хладнокровию, умению экономно расходовать патроны даже в самом жарком бою.

Пришло время и Володя уволился, уехал в Белоруссию. Виктора назначили вместо него командиром боевой группы. Боевая группа — это уже два отделения, значит и ответственность возрастает вдвойне.

Особенно памятен Виктору 1985 год. Многие пришлось пережить...

В конце июня их подразделение получило приказ помочь афганским товарищам в ликвидации крупной банды душманов, терроризирующих население горных кишлаков. Бандитская база находилась в ущелье и была хорошо укреплена. Душманы занимали выгодные позиции — господствующие высоты, имели безоткатные орудия, несколько опорных пунктов, все подступы к базе были заминированы.

После десантирования подразделения, которым ко-

мандовал старший лейтенант Юрий Лапушко, заняло позиции. Стали вести наблюдение. Виктор Капшук спустился ниже и, осторожно выглянув из-за скалы, заметил двух человек, прятавшихся среди камней. Доложил командиру.

— Отрезайте им дорогу справа, берите живыми, — распорядился Лапушко.

Владимир Матухно, Александр Хохол и Виктор Капшук взяли неизвестных, как оказалось, душманов, но только не двоих, а девятерых.

Пленные рассказали, что ущелье заминировано и показали где проложены провода к фугасам. Саперы перерезали провода, а к их концам подключили лампочки. Во время боя четыре раза пытались взорвать подходы к ущелью. База была взята. Там находилось большое количество боеприпасов, оружия и даже два автомашины.

Однажды боевой группе старшего сержанта Виктора Капшука довелось действовать в отрыве от основных сил подразделения. Ему со своей группой было приказано выдвинуться на одну из высот и перекрыть бандитам возможные пути отхода.

Прибыв на указанное место, воины сразу же приступили к оборудованию позиций. И, как оказалось, не зря. Они едва успели закончить работу, когда старший сержант В. Капшук уловил приглушённый расстоянием шум. Условным сигналом Виктор предупредил товарищей: усилить наблюдение. Оптика сначала приблизила растущее вдали облако пыли, а затем и очертания всадников. «Один, два, три... десять...»

Капшук уже сбился со счёта, а цепочка всадников всё тянулась из-за пыльных барханов. Лошади, верблюды, повозки — целый караван. «Банда», — мелькнуло в голове Виктора. — Пытаются скрытно выбраться из «блока». Ещё несколько минут, и первые всадники будут в ущелье. Обойти его возможности у них нет: из этого каменного мешка выход один — по тропе, которую держали под наблюдением старший сержант В. Капшук и его товарищи. Пропускать душманов через ущелье нельзя, уйдут в горы — там настичь их будет гораздо сложнее — это Виктор понял сразу. Значит, нужно будет дать бой здесь, в ущелье. Но наших воинов всего шестеро, а бандитов — несколько десят-

ков, и у каждого — теперь это было уже видно и невооружённым глазом — на плече автомат или винтовка. На повозках громоздятся тюки, и в них, возможно, тоже оружие.

Капшук выждал, когда всадники скучились в ущелье, и нажал на спусковой крючок. Автоматная очередь Виктора разрезала тишину и, многократно усиленная гулким эхом, разнеслась между скал. Тут же заворжало оружие товарищей. Прицельный огонь воинов вызвал панику среди бандитов. Спешились, прячась за выступы горной породы бандиты, открыли отсюда беспорядочную стрельбу по склонам гор. Заметались зажатые в каменном мешке лошади.

Старший сержант В. Капшук по цели передал команду: экономить боеприпасы. Паника среди бандитов продолжалась недолго. По редким очередям с вершины они догадались, что смельчаков, преградивших им путь, всего несколько человек. Знали они и другое: пока «шурави» там, наверху, держат под прицелом своих автоматов тропу — этот единственный выход из ущелья — по ней им не пройти. А если к ним ещё и подоспел подмога — никому не спастись. Обречённость подстигнула душманов, заставила их ползти, карабкаться по скалистым выступам наверх, к вершине, откуда вели огонь советские воины.

В эти минуты разгорячённый боем Виктор Капшук докладывал по радиостанции своему командиру: «Веду бой... Боеприпасы на исходе... Главное — подбросьте боеприпасы». Через шум и треск в эфире до Виктора донеслись слова старшего лейтенанта Юрия Лапушко: «Держитесь, помощь будет. Продержитесь еще немного, ребята...» Связь прервалась. «Продержимся, командир» — эти слова Капшук произнёс уже про себя и снова прильнул к автомату.

— Без моей команды не стрелять, подпустим бандитов поближе. Бить только наверняка. Помощь уже идёт.

Услышав спокойный и уверенный голос командира, воины приободрились.

...Раз за разом, как пауки, со всех сторон подбирались душманы к позициям горстки смельчаков и всякий раз откатывались назад, натываясь на их свинцовый кулак. Отчаявшись, бандиты стали обстреливать этот неггибаемый «пятачок» на вершине горы из гра-

натомётов. Одна граната разорвалась метрах в пяти от Виктора. Он почувствовал сильный удар в голову... Но уже в следующую минуту войны услышали ровный голос старшего сержанта Капшук, отдающего чёткие команды. Ещё несколько атак озверевших в бессильной злобе душманов отбили войны.

Первым, кажется, заметил спешащих на выручку товарищей во главе с лейтенантом Александром Гречановским пулемётчик Игорь Кавунский. В последней ленте его пулемёта оставалось не более десятка патронов...

Пришла помощь и с воздуха. Вынырнувшие из-за скалистых отрогов горбоносые вертолёты не оставили и малейшего шанса банде безнаказанно скрыться.

Виктор Капшук сразу установил связь с «бортами». Бандиты заметались, стали подхватывать трупы и отходить назад. «Голуби», «голуби», я — 01. Нахожусь под вами. Противник впереди меня». «Борты» ответили: «Поняли, сейчас поработаем».

И поработали. Хорошо поработали.

... Капшук доложил командиру: «У нас спокойно. Все живы. Один контужен. И меня немного прихватило». Лапушко ответил: «С приходом «бортов», отправляйтесь на базу».

Сейчас уже сделан подробный хронометраж этой схватки в горах, проанализирована каждая минута из тех пятидесяти, что длился бой. Шестеро советских воинов преградили путь почти двум сотням вооружённых до зубов бандитов, пришедших из-за далёких гор, чтобы вершить зло и насилие. Шестеро воинов встали на их пути непреодолимой стеной, выполняя свой долг. Да, долг. Но, то, что они совершили, выражается одним, одновременно ёмким и лаконичным словом — **подвиг**.

Жизнь прожить — не поле перейти. Языком пословиц, принято считать, говорят прописные истины. А что, если жизнь — это тоже поле? Дорог в нём много, но выбрать свою, основную, главную непросто. Не ошибся человек в этом выборе — зашагает по жизни свободно, размашисто, но пойдёт не по той дороге — начинает спотыкаться. Виктор Капшук идёт по своему жизненному пути уверенно. За боевые заслуги, проявленное мужество и героизм, Родина отметила его званием Героя Советского Союза.

В настоящее время Виктор закончил Высшее военно-политическое училище и попросился служить на южную границу, служит заместителем начальника заставы по политической части на одной из застав Краснойзнаменного Среднеазиатского пограничного округа.
(1989 г.)

ТАКОЙ ХАРАКТЕР

— Помнишь ту легенду о Пигмалионе? Что, скажешь, переборщил, да? Ничуть. Каждый из нас более всего дорожит именно плодами своего труда. В который уже раз провожаю домой отслуживших свое солдат и все никак не могу к этому привыкнуть. Такое чувство, будто что-то очень важное для тебя уходит безвозвратно. В такие моменты любой из этих солдат тебе роднее родных. Сколько труда в каждого из них вложено, сил!

Скульптор, мне кажется, даже в более выигрышном положении. Сделал из сырого материала вещь и вот она, перед глазами у него. Хороша или плоха. А мы из мальчишки делаем в армии мужчину, бойца. А как сложится дальше его жизнь, судьба — тебе неизвестно.

Капитан Петр Николаевич Армизонов делился этими мыслями в тот день, когда прощались с подразделением увольняемые в запас воины. Рядком выстроились неподалеку от вертолетной площадки их поблескивающие на солнце никелированными замками «дипломаты», аккуратно разложены укутанные в целлофановые паруса «парадки» (вот служба: ведь кое-кто за все два года и одевал-то ее пару раз — не больше!)

Петр Николаевич вообще человек эмоциональный, и потому по одному его лицу можно было догадаться о чувствах, которые испытывал он к своим воспитанникам в тот день.

Есть такая форма поощрения — благодарственное письмо. А вот капитан Армизонов довольно часто наблюдает, как такие письма идут в обратном направлении.

Вот, например, письмо из Харьковской области от родителей Вадима Воронкина. В нем — слова горячей признательности командирам за воспитание сына, «низ-

кий поклон от благодарных родителей». Конечно, вправде они гордятся Вадимом, радоваться за него. Неизвестно как бы сложилась его судьба, если бы не служба в Афганистане, под началом капитана Армизонова. Ведь в школе-то учился довольно посредственно, «ветра в голове было много». Вернулся домой другим человеком. А сейчас бывший наводчик-оператор БМП Вадим Воронкин студент Харьковского юридического института, имеет три боевые награды за службу.

Кстати, письмо это, из-под Харькова, пришло тогда весьма вовремя. Армизонов только-только из госпиталя выписался после тяжелой контузии. Два месяца практически не разговаривал, да и после выписки еще занкался сильно. А родительское «спасибо» за сына — это ли не лучшее лекарство!

Письма Армизонову шлют многие уволенные в запас воины. И в каждом — слова благодарности. А некоторые ребята до сих пор за советом, за помощью так и обращаются к нему, своему командиру.

Рядовой Василий Добровольский был в подразделении признанным авторитетом. «Механик-водитель, что называется, от бога, — говорит о нем Петр Николаевич. — В каких переделках побывал!» В таких солдатах Армизонов верит бесконечно: ни при каких ситуациях не подведут. Так, впрочем, было и в тот раз.

Колонна. Засада. Возможности для маневра почти нет. А тут еще пылица от близких разрывов гранат. Василий наполовину вылез из своего водительского люка оглядеться, чтобы не влететь в арык при такой кутерьме, а в этот момент очередь...

Капитан Армизонов услышал по радио свой позывной: «Десятый, десятый у нас на борту раненый». По голосу сразу узнал — Добровольский. Переключился, спрашивает: «Вас понял, вас понял. Кто раненый?» Ответ — короче не бывает: «Я».

«У него, помнишь, пуля в мышцах позвоночника осталась. Боль адская, а он, представляешь, спокойным таким голосом докладывает: у нас раненый. Во, выдержка у парня!», — рассказывал Армизонов.

Потом для рядового Добровольского началась его госпитальная эпопея. А как поправился немного — первым делом написал командиру.

Два года назад Армизонов принимал роту у капитана Люльки. Авторитет тот у подчиненных имел не-

пререкаемый. Солдаты, узнал позже, Люльку даже между собой называли не иначе, как Павел Александрович. Нового ротного приняли, что тоже естественно, настороженно: равноценная ли замена их боевому командиру.

Уже после первого боя с бандой из сорока «духов» бойцы сделали вывод: везет нам на ротных. Тогда душманы потеряли почти треть, остальные сдались. С нашей стороны потерь не было. Интересно о той схватке рассказывал пулемётчик ефрейтор Иван Калугин: «Душманы конные уже так близко подошли, что на бородах седые волосы видно, а командир как железный — спокойно выжидает. Я зубами скреплю от напряжения так, что вот-вот крошиться начнут, а капитан наш невозмутим. Подпустили «басмоту» на максимально близкое расстояние и ударили дружно. Ну, результат сам за себя говорит. А ведь за этой бандой давно кровавый след тянулся. Отпетые были...»

Взаимопонимание в подразделении полное: командир понимает своих бойцов, те — с полуслова офицера. О солдатской службе Армионов знает не понаслышке и наблюдал не только с командирского «мостика». У самого путь к офицерским погонам был совсем не прост. В военное училище поступил с четвертого (!) раза — не каждый, уверен, такой марафон выдержит. Причем, дважды ездил в училище уже из армии. Когда заявился домой в первый отпуск в ладной форме с курсантскими погонами на плечах — вот было радости. Кто-то из знакомых сказал: «Ну и упрямый же ты, Петро. Добился-таки своего. Теперь точно генералом будешь». А отец тогда поправил этого товарища: «Петька наш не упрямый, а упорный. Разницу чувствуешь? То-то».

Упорство, целеустремленность, настойчивость... Об этих качествах командира в роте знают отлично. Раз уж поставил перед собой цель капитан Армионов — обязательно добьется ее выполнения. Такой характер. Этому правилу неотступно следует и в повседневной жизни, и в боевой обстановке.

Как-то воевали в горах. Время идет, а душманье все огрызается. Никкак их не выбить из горных щелей. Вот если бы на ту «горочку», вершина которой уже под самыми облаками, заскочить — тогда другое дело. «Ну что, — глядя на эту высоту, спросил своих бойцов ка-

питан Армизонов, — одолеем?» «Высоковато, вообще-то». «А если очень-очень захотеть?» «Тогда, наверное, надо попробовать». Одолели. И «духов» выбили из гор. Главное — очень захотеть. Это Армизонсв верно подметил.

Или такой случай. Тоже в горах было дело. Решил Армизонов свои «бээмпухи» на удобную позицию пристроить. А позиция та на сопочке. Кругизна, правда... Офицеры из десантного подразделения даже посмеялись тогда над такой задумкой: «Мы куда своим ходом еле-еле дотопали, а ты на БМП хочешь. Хорошая у тебя техника, вот только летать пока не научилась». «Завели» Армизонова. Через полчаса первая БМП была на вершине сопки. Упорство, помноженное на мастерство — дело серьезное.

Еще об одной черте командира рассказывали солдаты его роты. Честность. Всегда и во всем. В словах и поступках.

Об этом рассказывал сержант Вячеслав Иванов. Кстати, тоже не простая армейская судьба у парня. С первых дней службы заработал ярлык «неблагополучного», «склонного»... Словом, поспешили от этого ходячего «ЧП» избавиться в одном подразделении, в другом. Пока не попал к Армизонову. За год службы в роте Армизонова сержант Иванов стал лучшим командиром отделения.

Только один штрих: во время многокилометровых рейдов по горам выкладки у него никак не меньше, чем у любого из воинов, а часто — больше. Да еще в пути помогает кому нужно.

Недавно к медали «За боевые заслуги» прибавился у капитана Армизонова орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

Долго, однако, «искал» орден Петра Николаевича. Повоевать довелось много, но единственную, до недавнего времени, свою медаль получил только после той самой контузии, о которой шла речь выше. В подразделении этот факт сослуживцы прокомментировали так. «Да, язык у Армизонова... За словом в карман, как говорится, не ползет. А такая «разговорчивость» не всем нравится». Может быть и так: эмоциональный и горячий человек Армизонов. Бывает, наверное, и вспыхнет другой раз. Не в том дело. Статус наших боевых

орденов предполагает прежде всего мужество, отвагу, самоотверженность. А этих качеств, никто не отрицает, у Петра Николаевича, в избытке.

Вопрос наградной — вопрос тонкий и деликатный. С ним нужно и обращаться бережно. Поэтому давайте лучше вернемся к герою этого очерка. В конце концов, не только ведь по количеству орденов судят о человеке. Есть и другие ценности, не менее весомые и значимые.

Вот магнитофонная запись, которую на прощание оставил своему другу и командиру капитану Армизону старший прапорщик Сергей Панасенко, уезжавший по замене к новому месту службы. Вот какие слова в этом звуковом письме:

«Может быть, когда-нибудь эту пленку будут слушать, Петр Николаевич, ваши жена и дети. Так пусть знают: они могут гордиться своим мужем и отцом. Так как горжусь дружбой с вами я сам. Пусть знают, что вы — рыцарь. В полном смысле этого несправедливо забытого сегодня слова. Вы это звание заслужили личным мужеством и отвагой. Ведь я вам жизнью обязан, помните...

Желаю, чтобы ваши дети, когда вырастут, были похожи на своего отца. Я вас никогда не забуду, как не забуду и нашей боевой дружбы».

К этим словам старшего прапорщика Панасенко, кавалера ордена Красной Звезды, вряд ли что нужно еще добавлять. Вот такой он и есть, капитан Петр Николаевич Армизонов.

(1986 г.)

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

В госпитале, куда их доставили первыми же в тот день «бортами», Александр Заворотный все порывался чем-то помочь медицинским сестрам и врачам. Настойчиво и дотошно объяснял им всем: «Да я же санитар-инструктор. Опыт имею. Меня ведь учили...» «Куда ты, шальной! — выговаривали строгие медики. — Тебе самому лежать и лежать сейчас надо, сил набираться. Или у тебя голова из другого материала сделана, чем у других. Видишь, все, кто с тобой вместе прибыл, спо-

койно себя ведут, отдыхают, — и добавляли с улыбкой, — как и положено нормальным контуженным. Один ты такой беспокойный больной у нас. Принимал, кстати, витамины? Нет еще? Безобразие! Пей сам и, ладно, что с тобой поделаешь, разнеси драже своим ребятам».

До выписки из госпиталя Заворотний так и не смирился с положением больного. Быстро сошелся со всем медперсоналом: строгими докторами и словоохотливыми сестричками. Как-никак, коллеги. Помогал ухаживать за другими больными. Был полезным. А когда в столовой рассказал женщинам, что его мама тоже работает поваром в районной больнице, и здесь сразу стал «своим». Нет, не подумайте дурного, с питанием в госпитале отменено. В добавке никогда отказа не было. Саша приходил на кухню помогать, без дела просто не привык сидеть. И работу всегда находил. Понравился он здесь всем своей общительностью, веселым нравом, трудолюбием. Разные в палатах были больные, но для каждого у Заворотнего находилось и доброе слово, и совет, и поговорить по душам готов он с каждым. А собеседник он интересный. Много читал, слышал. Память хорошая. С ним легко и свободно.

Их здесь было шестеро, ребят из его взвода. Экипаж бронетранспортера и десант в полном составе. А история получилась тогда вот какая.

Всю воду: и для питания, и для хозяйственных нужд — в подразделении брали из ближнего арыка. Со всеми мерами предосторожности, разумеется. Источник был где-то далеко в горах, а в тех местах нет-нет да и объявятся мелкие группы душманов. От них любой гадости можно ожидать. Или в воду отравы какой-нибудь подсыпят, или вообще русло перекроют — всякие уже случаи бывали. А без воды, как в той песне поется, и ни туды, и ни сюды.

В тот день арык поначалу обмелел заметно, а потом вовсе высох. Вода пропала. На установление причины уйдет по меньшей мере целый день. Командир подразделения принял решение двум водовозкам и несколькими боевым машинам сопровождения выдвинуться к афганскому сторожевому посту, что располагался в нескольких километрах от нашей «точки». Брать воду у них. Другого выхода и нет.

Половину пути прошли быстро. Дорога накатанная, даже пыли немного. Всего пару часов назад здесь прошла афганская транспортная колонна, отправившаяся с грузом продовольствия в дальние кишлаки. Так что никаких неожиданностей быть не должно. Но... Оставалось проехать всего-ничего, вот уже из-за сопки видна и окраина селения. Рядом — пост.

БТР сначала как-то вдруг замер на месте и в следующее мгновение «подскочил». Гулко грохнуло, и у Александра потемнело в глазах. «Подрыв, подрыв, подрыв», — застучало в висках. Еще не улеглись пыль и дым, а Заворотный уже скатился с брони и, подтянув к себе автомат, стал осматриваться. Заняли оборону и товарищи. Но засады, похоже, нет. Тихо. Значит, только наскочили на мину. Мелькнуло: хорошо еще, что наехали бронетранспортером, а не водовозкой... Зашумело в голове. К нему уже подбегали ребята. «Живой?»

Перед тем, как улететь с «точки» в Союз, успел проинструктировать фельдшера рядового Николая Лазуренко: «Справишься один-то? Не подкачай тут. Я постараюсь быстро». И все чертыхался, ощущая непрекращающийся шум в ушах: «Вот угораздило. Надо же как невовремя».

В госпитале все дни считал до выписки, переживал. Было от чего. Его кандидатский стаж вышел как раз в тот день, когда он, получив контузию, улетел в Союз. Ну разве не обидно! Продлил себе стаж. Теперь с приемом в члены партии задержка выйдет. Хоть и по уважительной причине.

Товарищи успокаивали как могли. «Это ж для тебя лучшая рекомендация. Помнишь, как говорят, за одного битого двух небитых дают».

Коммунистом старший сержант Александр Заворотный станет вскоре после возвращения в родное подразделение. За его прием в члены КПСС проголосуют единогласно. Много хороших слов услышит о себе санинструктор, чье мужество и воинская доблесть отмечены высокой наградой Родины. И поймет их, эти слова, правильно: как доверие сослуживцев, которое нужно оправдать всей своей жизнью.

(1986 г.)

КОМУ СВЕТАТ ЗВЕЗДЫ

— Фронтовой опыт был, есть и остается наукой, на которую должен опираться и руководствоваться ею каждый, кто хочет добиться сколь-нибудь значительных результатов в службе, — не уставал повторять курсантам преподаватель тактики артиллерии полковник Дудинов. — В батарее, дивизионе, полку вашими сослуживцами будут офицеры уже послевоенного поколения. А потому, перенимая их знания и навыки, ищите в воспоминаниях, мемуарах ветеранов Великой Отечественной, специальных пособиях крупницы фронтового опыта. Поверьте, ему нет цены. Сродни этому кладезю мудрости, разве что опыт интернационалистов. Возможно, кому-то из вас тоже доведется выполнять воинский долг в Афганистане, и уже ваш богатый боевой опыт будут потом изучать курсанты военных училищ. А пока вернемся к урокам Великой Отечественной.

И преподаватель повел рассказ о том, как батарея «сорокопяток» в суровом бою преградила наступление целой армады фашистских танков, выстояла и не пропустила ее через рубеж обороны. Случай? Исключено. Это и есть военное искусство.

Командир батареи приказал оборудовать огневые позиции и тщательно замаскировать орудия на участке местности, где в значительной мере был затруднен маневр вражеских танков. Огромное поле здесь вдоль и поперек изрезали овраги. Орудия расположили уступом вправо и влево, вывели их на прямую наводку.

Когда танки в четком построении появились на поле, «сорокопятки» открыли по ним прицельный огонь. Орудия били по флангам движения немецких танков. Умелое расположение огневых позиций сильно увеличило сектор обстрела.

Каждая цель была перед артиллеристами как на ладони. Из этого единоборства нацистские воины вышли победителями, буквально расстреляв танки прямой наводкой. Большинство фашистских машин остались догорать на поле боя, и лишь несколькими удалось чудом преодолеть овраги, спастись.

Занятие продолжалось. На макете тактического поля курсанты раз за разом проигрывали весь ход этого боя. Все они старались представить себя на месте того

фронтового комбата и задавали себе один и тот же вопрос: «А как бы поступил я, готовясь к этому бою?» Восхищались командирской мудростью офицера, сумевшего противопоставить многочисленной грозной броне противника точный расчет, принять единственно верное в этой ситуации решение.

Казалось бы, обычное занятие, каких много в четырехлетней курсантской учебной программе. Но именно оно врезалось Сергею Шульге в память и, быть может, стало где-то и отправной точкой в его офицерской биографии. Во всяком случае, именно тогда он понял, что современная армия сильна своей преемственностью, умением опираясь на пережитое, на опыт прошлых поколений шагнуть дальше.

Только некоторые из них были знакомы и раньше. «Артушку», одни ленинградскую, другие тбилисскую, они заканчивали в разные годы. Познакомила и по-настоящему сдружила их совместная служба в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. И не беда, что находились они друг от друга порой за десятки и сотни километров, разделяли их пустыни и скалистые горы. Говорят, мир слухом полнится. Нет-нет, да и придет оказией весточка от «друга — артиллериста», короткая, немногословная, но всегда такая желанная. Или где-то в дороге, на марше встретятся всего на несколько минут, но и этого времени хватает, чтобы вспомнить обо всех. А то и наш вездесущий брат, газетчик, исколесивший, да не обвиняет меня в нескромности, пол-Афганистана, поделится впечатлениями от прошлых встреч с общими знакомыми, друзьями. Вот так и получается, что, беседа с Юрием Блинковым, слушаешь рассказы о его боевом коллеге Сергее Шульге, а приезжаешь в «гости» к Шульге, и он начинает говорить о Блинкове.

Шульга, Блинков, Морозов, Беляков, Перов, Ознобин — это здесь, в Афганистане, боевая артиллерийская гвардия. Все как один отмечены наградами за мужество и воинскую доблесть. Опытные, опытнейшие офицеры. По году-два, а то и больше прослужившие в Афганистане. Прав был преподаватель тактики артиллерии: фронтовой опыт приумножается. Их усилиями, и их самоотверженной службой.

Назвать этих офицеров только друзьями, мне думается, мало. Скорее, они — побратимы. Так точнее.

«Афганское братство» — понятие теперь уже не отвле-
ченное. Это реальность наших дней.

Собраться всем вместе за время службы в Афга-
нистане им довелось лишь раз. То памятная встреча.
На ней и родился «афганский» опыт.

Капитан Ознобин, чья служба проходила в высоко-
горном районе Афганистана, скрупулезно подмечая де-
тали, объяснял особенности ведения стрельбы из ми-
нометов в сложных условиях, когда цель расположена
либо на вершине скалы, над самой точкой прицелива-
ния, либо глубоко в ущелье, на одном из отвесных
карнизов. Не нужно быть большим знатоком в артил-
лерийском деле, чтобы понять, несколько трудные,
подчас, казалось бы, невыполнимые задачи приходится
решать в ходе учебно-боевых действий нашим воинам.
Одной только традиционной тактики артиллерии здесь
уже мало. Новые задачи требуют и новых решений.

Пустыни, горы, так называемая «зеленая зона» —
местность диктует им, артиллеристам, свои условия. На-
учиться мастерски действовать в любой обстановке,
любых ситуациях — нет главнее цели у каждого из них.

Тогда они выступали один за другим, обстоятельно,
не спеша излагали то, чему научились здесь сами, и
что, по их мнению, должны были взять на вооруже-
ние остальные.

Блокнот с этими записями Шульга хранит и сей-
час, хотя наизусть помнит все до последнего слова.
Беглые строчки в блокноте, неказистые рисунки, схемы
в нем теперь отработаны до мелочей на учебных заня-
тиях, стрелковых тренировках. Они — в боевых делах
личного состава батареи. А значит, опыт живет и ра-
ботаает.

— Вот смотри, — Шульга протягивает мне плекси-
гласовый квадратик размером в спичечный коробок. —
Вот эта штукаенция всегда со мной. Для чего? Объяс-
няю. Видишь в ней пересекающиеся линии деления? А
теперь вспомни училищные занятия по топографии, ко-
гда на карте искали заданную точку. Про «улитку» все
знают. Так вот и здесь тот же принцип. Вся соль в
том, что с помощью этого простейшего приспособления
в несколько раз сокращается время для определения
цели по карте после передачи мне на огневую пози-
цию с КП исходных данных о месторасположении про-

тивника. Что значат эти сэкономленные секунды и минуты в реальном бою, ты сам понимаешь.

Шульга расстелил на маленьком столике большую карту и протянул мне секундомер: «Называй район, координаты и засекай время. Сейчас сам все увидишь. Нормативное время...» И в течение получаса он сначала перекрывал отведенные на выполнение команды минуты, затем, потренировавшись, перекрывал уже перекрытое... Убедительно.

Приспособление, с которым не растается Шульга, придумал и первым применил на практике капитан Беляков. А показал коллегам на той самой встрече. Теперь оно есть у всех, служит на пользу дела.

На полке с книгами Шульги я увидел сборник армейских писателей «Офицерские звезды». На странице, где была сделана закладка, прочел такие строки: «Офицер... Гордо звучит это слово, произносишь его, и перед мысленным взором встает человек несгибаемой воли мужества, командир, облеченный высоким доверием Родины, пользующийся безграничным уважением солдат». Думается, в полной мере эти слова можно отнести и ко всем тем офицерам, которые, как старший лейтенант Сергей Шульга, несет нелегкую, но почетную службу на земле дружественного Афганистана.

(1986 г.)

РАССВЕТ В ГОРАХ

Тому дню предшествовали такие события. В местные органы государственной безопасности стала поступать информация о готовящейся переброске в страну на одном из горных участков крупной партии вооружения для бандгрупп. Когда и где? Точного ответа на эти вопросы не было. Одни только предположения.

«Поможем. Можете на нас рассчитывать», — сказал после разговора с одним из командиров афганских подразделений офицер Е. Потехин и начал обдумывать план предстоящей совместной операции. Еще и еще раз внимательно изучал карту местности, предполагал наиболее вероятные пути движения душманов. Афганские товарищи предупреждали: караван обязательно пойдет скрытыми тропами, с соблюдением всех мер предосторожности. «Ночью двигаться они не рискнут—

не те дороги. Ночи сейчас безлунные и в горах особо не разгуляешься. Днем же их легче обнаружить — и об этом они, наверняка, помнят. Значит, остаются утренние и вечерние часы». И начал подготовку к выходу в горы.

Подготовка — дело ответственное. В эти дни и часы сосредоточеннее становятся лица воинов, тщательно подгоняется снаряжение, проверяются оружие, боеприпасы. В этом деле нет мелочей. Важно все: и традиционно — чистый подворотничок на «хэбэ», и то, как уложен в вещмешок «сухпай», и не трет ли в сапоге портянка. Не говоря уже о вещах более серьезных. Готовность каждого к предстоящему выходу всегда проверяет сам командир. Он экзаменатор строгий: и прыгать на месте полностью экипированного бойца заставит, не поленится проверить у новичка фляжку с водой или часам — полна ли?

Беседовал с Евгением Алексеевичем, задал ему вопрос: по какому принципу идет отбор в боевую группу, отправляющуюся на задание? Не каждого, знаю, он возьмет с собой. Ответил: «Отбор самый тщательный. Это если не вдаваться в подробности». И я понял, что командир имеет сейчас право на свои маленькие секреты.

Старший прапорщик Сергей Калугин был, как всегда, спокоен. Для него этот выход в горы — один из многих. Кто-то подсказал мне, что Калугин на любой операции «правая рука» командира. Понимают друг друга с полуслова. Да, и сам Потехин признался, что всегда спокоен за тот участок, где находится старший прапорщик.

А вот старший лейтенант Николай Лепешкин, хотя и выглядел внешне спокойным, ничем не выдавал своих чувств, наверное, все же волновался. Еще бы. Ведь это первое боевое задание, в котором он участвовал. Прибыл офицер-политработник на «точку» недавно, нет еще и месяца.

...Вышли в район, который выбрал для засады командир, ночью. В пути к советским воинам, как и было договорено, присоединились сарбозы. Двигались двумя цепочками, след в след. Более десяти километров по труднейшему маршруту. Основная задача для каждого — не потерять из виду спину впереди идущего: ночь такая, что не видно ни зги.

На место прибыли, когда занимался рассвет. Пер-

вые лучи упали на каменную гряду, когда на ней уже надежно укрылись офицер Е. Потехин и его бойцы. Но пройдут ровно сутки (и солнышко тем хмурым утром так и не выглянет из-за тяжелых облаков), прежде чем, услышав далекие еще отзвуки топота копыт, наблюдатель рядовой Игорь Власов предупредит об этом командира. Потехин моментально прикинул: топот приблизило и усилило эхо. Значит, до каравана еще километр-полтора. Еще раз передал по цепочке: «Без команды не стрелять». Подумал: «Те ли это «гости», которых ждем?»

Сомнения пропали, когда в долину втянулся весь караван. Теперь он был как на ладони. Чуть впереди и чуть позади его — вооруженные всадники, озираются по склонам гор. «Наблюдайте, голуби, наблюдайте. Скоро вы нас и увидите, и услышите». Потехин достал из подсумка гранату.

Взрыв разметал всадников, иступленно заржали лошади, и ущелье наполнилось перестуком очередей. Душманы бросились врассыпную.

Старший лейтенант Лепешкин и рядовой Ефимов одновременно заметили как две белые чалмы, мелькнув на мгновение у высохшего русла реки, скрылись в нем. Ефимов бросил туда гранату. Лепешкин приподнялся из-за укрытия, чтобы спуститься по склону сойки к руслу, и тут же ударила оттуда автоматная очередь. То стреляли те самые «две чалмы». Лепешкин едва успел спрятаться за каменную глыбу. Ефимов метнул туда, где залегли душманы, еще одну гранату. На этот раз бросок был точным.

Другие наши воины вместе с сарбозами уже окружили остальных бандитов, которым теперь не оставалось ничего другого, как сдаться. Долго еще сарбозы отлавливали разбежавшихся по долинам навьюченных лошадей.

Из донесения командованию:

«В результате проведенной совместно с воинами афганской народной армии операции, захвачено большое количество оружия и боеприпасов, в том числе выстрелов к безоткатному оружию, гранатомету...»

Наверное, нет нужды перечислять все то, что находилось в этом караване и предназначалось афганским мятежникам. Скажу только одно: груз этот оценивается в несколько миллионов афгани.

Мне и прежде доводилось держать в руках такие вот миниатюрные книжечки в красной колеенчатой обложке. Внутри сложнейшая вязь чужого языка — заклинания, молитвы Корана. Это своеобразный амулет для верующего, который должен непременно зашитить, спасти в беде, помочь в горе. Хозяин этой святой книжицы вез на свою родину боеприпасы и оружие, что сеют смерть на афганской земле.

Стрелять, так с верой во всемогущего аллаха, резать, так именем всевышнего, призвавшего карать изменников ислама — вот религия насильников и убийц, вот настоящее лицо афганских контрреволюционеров. Но, видимо, уже не хватает «святого дурмана», если все чаще в захваченных душманских караванах находят сильно-действующие наркотические средства. Как в том, что брали подчиненные офицера Е. Потехина.

«Здравствуйте, товарищ замполит! Обращается к Вам ефрейтор запаса Алексей Тепляков. Надеюсь, еще помните?», — офицер Хакимжан Сабиров сразу вспомнил всегда подтянутого, крепко сбитого солдата, которому за несколько дней до увольнения в запас вручили партийный билет. Отличный был солдат. «А у меня к Вам просьба. Решил учиться дальше — нужна рекомендация...» Письма уволенных в запас воинов сюда, на «точку», не редки. Кто-то собирается поступать в институт, кого-то потянуло в дальние морские плаванья, некоторые ребята решили, что армейская закалка, школа Афганистана пригодится в милицейской службе. А многие пишут, не желая терять связей с подразделением, которое стало им близким и родным.

— У меня задумка есть интересная — говорит Сабиров. — А что если организовать от вчерашних воинов звуковые письма сюда, к нам. Чтобы рассказали о своей сегодняшней жизни, дали советы тем, кто сменил их на боевом посту... Получится?

Думаю, обязательно получится. И появится в подразделении еще одна хорошая традиция. И первый, кому бы отправил я письмо с такой просьбой — Юрий Смирнов, ряд рядовой запаса. Его домашний адрес даже розыскивать не нужно. Подскажет его родной брат Леонид, который служит здесь сейчас. История, эта просто удивительная: бывают же в жизни совпадения. То, что двоюродные братья Леонид Смирнов и Борис Тимофеев (они вместе призывались, из одного села) попали служить

в Афганистан, на одну «точку» — это еще куда ни шло. Но когда Леонид через несколько минут после того, как доставил сюда пополнение вертолет, оказался в объятиях родного брата — просто чудо. Ведь дома, в Чувашии так никто и не знал, что служит Юра в Афганистане. Просто здорово! Теперь уже и Леониду Смирнову, и Борису Тимофееву скоро увольняться в запас. Прав замполит: об этой целой семейной династии воинов-интернационалистов обязательно должны знать.

А разве мало сможет рассказать ребятам рядовой запаса Саша Духанов из Челябинска. Он продолжает службу в органах внутренних дел. На «точке» он был заводилой, активно работал в комсомольской организации. Уезжал уже коммунистом.

Или тот же Алексей Тепляков, дальневосточник. Прослужил, как сказал замполит, без сучка, без задоринки. Говорил: «Как я могу плохо служить, если у меня дед все войны прошел: гражданскую и Великую Отечественную. Вернусь, в глаза ему хочу смотреть открыто и честно».

Боевая биография каждого из этих парней весома и место ей в копилке опыта ратных дел воинов-интернационалистов. Нельзя равнодушно читать записи в альбоме, который хранит историю подразделения с первого дня пребывания на территории Афганистана. Первая боевая операция, первая мина, которую сняли на дороге Сергей Волков и Александр Симутенко, памятные встречи с бойцами народной армии — братьями по оружию... Сколько еще страниц предстоит заполнить в этом альбоме замполиту!

«То, что мы здесь увидели и пережили, забыть невозможно», — говорил мне старший сержант Валентин Твердоступ, заместитель командира взвода. «Чувства, которые испытываешь перед увольнением в запас, совершенно особенные. И даже в чем-то противоречивые: с одной стороны, радость от скорой встречи с родными, друзьями, а с другой — ощущение того, что все это уже никогда не вернется. Я сегодня любого из нашего взвода братом назову. И не ради громкого слова или бравады «дембельской». Мы и есть братья, уже потому, что друг дружке обязаны тем, что выжили. А в бою всякое бывало, но труса никто не праздновал.

Я сам начинал службу в Союзе, сюда попал к кон-

цу первого года. Такого братства, как здесь, нигде нет, поверьте...»

Верю и знаю, что эти рассветы в горах, когда вдруг становятся на востоке оранжевыми белесые шапки вершин, и ослепительный желтый шар солнца медленно выкатывается из-за них, а теплое покрывало южного утра сменяет прохладу ночи, запомнятся всинам навсегда.

Приходит время прощаться. Вот-вот покажутся на безоблачном горизонте две маленькие точки, безошибочно розыщут в лабиринте гор свой «коридор» и выпорхнут из него уже грозными боевыми вертолетами. Невольно поймал себя на мысли, что думаю уже о будущей човой встрече с теми, кому будут посвящены эти строки, Евгением Алексеевичем Потехиным, с которым несколько лет назад вместе служили на Дальнем Востоке, Колей Лепешкиным — тоже старым знакомым, Хакимжаном Сабировым, без рассказов которого не было бы этого очерка. Увидимся ли мы еще на этой горной «точке» или сведут нас офицерские пути-дороги уже в Союзе — я с нетерпением буду ждать такой встречи.

(1986 г.)

СПРОСИ С СЕБЯ СТРОЖЕ

Виктор раньше не знал того парня. Просто как-то вечером со старшим братом Андреем встретили его на оживленной после рабочей смены улице их городка. Брат, оказалось, знал его еще с ПТУ — учились в одной группе. Поговорили тогда буквально несколько минут — как дела, работа? — и разошлись. А Виктор до сих пор помнит его глаза: человека много повидавшего. Жесткий и прямой взгляд. Когда разошлись, обменявшись на прощание крепким рукопожатием, Андрей сказал: «Это Валерий Белобородов. Он полгода как из Афганистана. Заметил седину? А ведь ему тоже всего двадцать один. Медалью «За боевые заслуги» награжден». На седину Виктор внимания не обратил, а вот глаза запомнил...

Сейчас, наверное, встретить он этого знакомого брата, им было бы о чем поговорить, что вспомнить. Стали бы друзьями. А может так оно и будет? Скажем,

в День Победы опять встретятся на улице их родного Первомайска или у обелиска павшим воинам, узнают друг друга по боевым наградам на пиджаках и дальше пойдут уже вместе.

Теперь, когда до увольнения в запас осталось совсем немного времени, чаще стали вспоминаться первые дни в армии.

Что он знал об Афганистане, службе в те дни? Практически ничего или очень мало. Хотя главное понимал — там линия огня. Виктор знал, Афганистан — это тоже своеобразная веха в истории молодежи, комсомола. Такая же, как БАМ или еще раньше целина. Быть там — это доверие, и немалое. Его нужно было оправдать.

Получилось ли? Говорю «да», потому что со стороны виднее. Кто лучший наводчик у минометчиков? Ефрейтор Яицкий. Кто пользуется среди товарищей и командиров наибольшим авторитетом? Тоже он. Ну, а медаль «За боевые заслуги», которой Виктор награжден, свидетельствует о его личном мужестве, зрности воинскому долгу. Да и разве могло быть иначе? Как объяснить потом учителю-фронтовику и тому, кто прошел через Афганистан раньше тебя, свою слабость, свое малодушие? Хорошо, когда после двух лет службы не стоят перед тобой такие вопросы.

Спокойный и немногословный Виктор Яицкий, вернувшись домой, вряд ли станет много рассказывать о службе, о пережитом. Те, кто не знает, каков он, солдатский пот, пусть посмотрят Виктору в глаза.

(1986 г.)

И СНОВА В ДОРОГУ

— Почему, собственно, Крымский? — улыбнулся во все лицо офицер. — Честно говоря, и для меня загадка, и для отца моего. Все предки родом с Азова и вдруг Крымские. Отец у меня — кадровый военный, служил и на Камчатке, и в Средней Азии, и в Ростове-на-Дону, и в Подмосковье. Я родился в Ашхабаде, а потом всю страну изъездил. Крым же мы больше по картинкам знаем.

Еще школьником Виталий определил для себя раз и навсегда: буду офицером. Как отец. И с избранного

пути уже не сворачивал. Училище, лейтенантские погоны, первое назначение, дальний гарнизон. Может быть, даже слишком дальний. В отпуск, домой, только чистого «лету» восемь с лишним часов. «Зато места там как!» — вспоминает Виталий. «Куда ни глянь — океан. Или настоящий, с волнами и чайками, или зеленый, таежный. Красотища! Впрочем, здесь тоже океан. Песков...» Старший лейтенант Крымский опять улыбается.

Я хотел было поинтересоваться: трудновато, наверное, привыкать к столь резкой смене и природы, и климата, да и условий службы. А потом передумал. Вопрос мой был бы, верно, лишним: ведь Виталий Крымский — коммунист, офицер, сын коммуниста, офицера. А военные себе местожительство не выбирают, едут туда, где они нужнее.

Крымскому всегда везло на наставников: и в училище, и в первые годы офицерской службы. Здесь, в Афганистане, он стал заместителем командира роты по политической части. Командовал ротой тогда капитан Петр Шуликов, кавалер ордена Красной Звезды. Он тогда уже прослужил в Афганистане года полтора, опыт имел немалый. Искусству боя учил своего замполита все больше не словами — делом. Выведет роту в поле, построит в боевой порядок и дает вводную: двигаемся в составе транспортной колонны. Замполит командует, замыкая колонну, а Шуликов рядом. Молчит, наблюдает. А когда спустились к руслу обмелевшего ручья, дал новую вводную: обстрел с ближних сопок. Местность вся открытая, каждый бугорок — уже крепость. Действуй, замполит, действуй...

В такой обстановке одних только училищных знаний общевойсковой тактики мало. Нужно умение мгновенно оценить ситуацию, принять правильное решение. Где еще научиться этому, если не на таких тренировках. Реальный бой — экзаменатор строгий, он права на ошибку не дает.

Вскоре Крымский сам имел возможность убедиться в том, что решительность и быстрота, помноженные на командирскую волю, и есть залог победы в бою. Тогда он впервые узнал, что такое душманская засада, впервые услышал, как свистят пули над головой.

Особенно в трудном положении оказались две машины: грузовая — с афганскими бойцами на броне, застрявшая в арыке, и БМП, в которой находился лей-

тенант Крымский. Советские воины пытались вытащить афганцев из арыка, вывезти их из-под огня мятежников. По этим машинам и сосредоточили основной удар душманы. Худо пришлось бы им, не окажись рядом капитана Шуликова. Он с несколькими БМП выскочил на ближние сопки и с этих высоток ударил по противнику. А потом стал еще и корректировать огонь БМП Крымского. Произошло это в какие-то несколько минут. Сложную ситуацию Шуликов свел на «нет».

С того памятного дня прошло уже почти два года. Это время Виталий Крымский считает своим командирским становлением. Не раз потом попадал он в ситуации, когда многое решали его воля и опыт. Сказались, видимо, те первые тренировки, пригодились навыки, которыми щедро делились с ним старшие товарищи, если называет его командир подразделения майор А. Арбузов одним из лучших своих офицеров.

О таких политработниках, желая подчеркнуть их профессиональную зрелость, обычно говорят: контакт с подчиненными полный. Довелось побеседовать ни с одним воином из подразделения, где служит старший лейтенант В. Крымский. Вывод один: своему замполиту люди доверяют безгранично, готовы идти с ним на любое задание, и ценят в нем больше всего требовательность (именно, требовательность, в сочетании с искренней заботой о каждом солдате). Что ж, контакт действительно полный.

У Крымского за два «афганских» года три награды. Его сослуживцы подсказали: четвертая» на подходе». Спросил Виталия: какая всех дороже? «За отвагу». Получил ее за бой у кишлака, где зажали душманы группу сарбозов. Подоспели на выручку тогда вовремя — у афганских бойцов уже кончились боеприпасы. Когда бандиты бежали, сарбозы обнимали «шурави». А у наших парней слезы в глазах стояли: потеряли в бою сержанта Юру Скляра. Потом его родителям так и написали: «Погиб, спасая афганских товарищей».

В день нашей со старшим лейтенантом Крымским беседы пришла новость: скоро он с повышением отбывает в Союз, к новому месту службы. «Куда, Виталий?» Улыбается: «Ой, далеко! Уж Крым-то оттуда и в подзорную трубу не увидишь». Значит, снова в путь по дороге, которую выбрал для себя на всю жизнь.

(1987 г.)

ВОЗДУШНЫЙ БОЕЦ

Иностранец брезгливо окинул взглядом подчиненную ему разношерстную группу людей. Махнув в сторону лысого холма, кратко сказал через переводчика:

— Рыть будете там. Глубже только зарывайтесь, если хотите выжить. Все.

Свалив у их ног детали крупнокалиберного пулемета и боеприпасы, с выбранными заранее помощниками сам пошел дальше через гребень.

Казалось, психологически он выверил и рассчитал все предельно четко. Да, именно связка ДШК (крупнокалиберных пулеметов) могла здесь эффективно противодействовать вертолетам, сорвать их тактику, обеспечить внезапность нападения. Как двойной кашкан, она должна была рано или поздно захлопнуться, оставив перед перекрестьем беззащитный борт кочергообразной машины со звездой и вот тогда... Инструктор сжал кулаки, ободренные в дальней дороге от пакистанской границы. Да, тогда не уйдут от него обещанные доллары. Пусть видят эти оборванцы, как нужно «сажать» их «неверных».

Вот он, беспомощно загребая лопастями воздух, неуправляемый, несется навстречу земле и зарывается в нее, вспыхнув со всех сторон разом, как факел, и горит, горит. Эта картина будоражила его воображение, обостряла чувства. Иностранец понимал, что другой расчет, оставленный на сопке у дороги, обречен. Но это его мало волновало. Не зная того, они будут приманкой, ведь вертолет не улетит, пока не уберет с сопки ДШК, иначе дорога будет под постоянным прицелом. А они должны спровоцировать «красный» вертолет на атаку, заставить его сбиться с курса, направив тем самым к нему на перекрестье.

Он был искушенным в своем грязном деле охотником на лрдей, и поэтому предпринял все меры маскировки и успокоился лишь тогда, когда убедился лично, что позиция неприметна со всех сторон. Оставалось затаиться и ждать.

«Только бы эти остолопы раньше времени не дали о себе знать, только бы хватило им выдержки», — скрипнул он песком на зубах и привычно пробежался руками по горячим маслянистым бокам пулемета. ...Недалеко от поворота дороги, на который направили свои

стволы пулеметы, пятнистый вертолет вдруг резко от-
вернул в сторону и пошел причесывать сопки.

«Черт, что он шарахается, чего испугался? Или почувствовал?» — у инструктора ухнуло куда-то вниз сердце, он обеспокоенно оглянулся на подручных. Ничего не понимая, те напряженно всматривались через маскировочную сеть в далекий силуэт «Все рухнет», — хотелось заорать на них.

Машина смело бросалась в песчаные складки. Вынырнув на гребень, она тут же меняла направление, казалось, выходила из-под контроля летчика. Но вдруг, пренебрев, закладывая новый вираж, неслась к новой точке, определенной ее хозяином.

«Нет, с этим придется повозиться. Он знает, что делает», — мрачно подумал инструктор и пригнулся к прищелу.

Обгоняя на земле свою тень, вертолет пошел на сопку, к изгибу дороги. Два ствола ощупывали его с недостижимого расстояния, ожидая, когда он приблизится. Не долетев до приметной сопки, вертолет круто ушел в сторону, исчез на мгновение из виду, чтобы затем вынырнуть неожиданно из-за соседнего песчаного бугра прямо на ДШК. Маневр был совершен так быстро и точно, словно до этого, сдавая «вывозные», летчик до седьмого пота выходил раз за разом на сопку. И сейчас, уворачиваясь от очереди, он успел рвануться в сторону.

Да, расчет инструктора оправдывался. Он уходил в сторону западни. Канкан должен был захлопнуться. Но то ли не выдержали у наемника в последний момент нервы, то ли в немыслимом вираже машина успела еще раз уклониться — очередь пришлось вскользь. Позиция была рассекрена.

Теряя скорость, разом потяжелевший вертолет сел у дороги, в боевых порядках колонны. Вовремя сел. Из-за пробоя в маслобаке двигателю оставалось работать не больше двух-трех минут, дальше все — агрегаты должны были заклинить.

Всего-то дырка, а машина не боеспособна — казус, который мог вывести из себя даже самого выдержанного. У летчиков времени для эмоций не было. Оставлять в пустыне вертолет на ночь — значило его потерять. Значит, значит...

— Техник, масло есть?

— Так куда его заливать?

— Давай живее, пригодится. Сделаем маслобаку кляп.

Кажущаяся нелепость этого предложения была настолько очевидна, что сейчас никто и не вспомнит, кто был его автором... Тем не менее, выструганная затычка плотно прикрыла пробойну. Изрядно подымив, двигатель набрал положенные обороты, вертолет тяжело поднялся от земли и спустя некоторое время был на площадке. Примерно тогда же и состоялся подобный этому диалог по телефону:

— Павленко это. Получил повреждение...

— Да знаем, знаем, что думаешь делать? Как вас вытаскивать оттуда? Есть возможность?

— Да здесь мы уже, на базе. Все в норме.

— ?!

— В норме, говорю. На затычке притащились.

— Что-что, а сделать из сложной ситуации никчемный случай, прикрыть экстремальность боевого эпизода ничего незначительными словами — это останется всегда достоинством и недостатком Павленко — летчика и человека. Без преувеличения можно сказать, что в здешней округе Геннадий Николаевич — фигура заметная. И для сослуживцев, и для «пехоты», которую приходится постоянно прикрывать, и для душманов.

Эта история уже начинает постепенно обрастать кучей дополнительных частных, как впрочем и рискованный поединок с инструктором-наемником, но не упомянуть о ней в повествовании об этом человеке просто нельзя, потому что здесь дана главная оценка его труду — оценка врага. Словом, однажды после посадки его машины на одной из площадок с далекой сопки потянулся вверх дым. Чуть позже его поддержал другой костер, расположенный еще дальше. На следующий раз с прилетом Павленко картина повторилась.

— Приметили тебя, Николаич, своим сигналят, чтобы по норам прятались,— пошутил вроде некстати кто-то рядом. И не ошибся. Вскоре стало известно, что один бортовой номер вертолета Павленко наводил на бандитов страх. Летчик стал их личным врагом. И это сейчас в наши дни, пришлось их патронам объявить премию в несколько миллионов афгани за сбитый вертолет. За Павленко.

— Ты брось шутки шутить, давай номер меняй на машине, — предупредили его после этого известия.

Номер он не поменял. Не положено просто и по приказу, впрочем и без него не поменял бы.

Радует, честно говоря, жизнь, на открытие таких людей, потому что от общения с ними чувствуешь, как вырастает в тебе человек.

Впервые сел за штурвал на «Як»-18 в волгоградском аэроклубе. Помнит, как после рабочей смены на заводе в электричке трясся, чтобы, не дай бог, опоздать на полеты. И все равно казалось, что опаздывает, что мало, что недостает. Трудности только распалили его характер, будили в душе то упрямое «а попробуй смоги», ставшее затем основой его рождения как подвижника и новатора летной тактики в части. Пересев на поршневой геликоптер, освоив его управление, пришлось начинать службу «праваком» (летчиком-штурманом) на «Ил»-14, затем обратно на вертолеты и еще, еще, учеба, переподготовка, зачеты. Шесть типов летательных аппаратов — счет далеко не для новичка. И всякий раз, когда уже можно было остановиться и довольствоваться правом самостоятельного управления сложной техникой, он начинал все заново. Остановиться — значило бы для него что-то потерять. Чаще всего вытягивало упрямство — то самое, заставлявшее его после работы и в несусветную рань ехать на летное поле в тряской электричке.

Вот кто-то сказал: «Не будь афганских событий, он вряд ли раскрылся бы как летчик». Это не признание его слабости. Просто полеты в афганском небе, с их непредсказуемостью и коварством, при допущении риска, как правила выполнения боевых заданий, требующие от летчика завидного мужества как заурядного или, по крайней мере, необходимого качества, могли лишь повлиять на быстрый рост его профессионально-авторитета.

Одним из первых в части он освоил пуск ракетных снарядов на «Ми»-8 не из привычного горизонтального полета, а при входе в пикирование. Вышел на этот способ самостоятельно, в ходе учебных полетов, изучая возможности машины. А вот убеждался в эффективности этого приема уже на практике, в бою.

— Да, может быть, для кого-нибудь другого тогда небо и показалось бы с овчинку, — вспоминал Павел

Фролович Пензев, бывший в экипаже Павленко «правым» летчиком. — Наш батальон был «зжат» на горном перевале. По предположительным данным, перевал оседлала банда, которая возвела на каменных отрогах солидные инженерные сооружения. Но то, что мы увидели с воздуха, превзошло все ожидания. Горный склон при приближении группы вертолетов буквально вскипел от облачков разрывов. Ощетинились доты, позиции ПВО. Тут надо видеть Павленко, как он зажигается от дела...

Азарт, но только лишенный того привычного легкомысленного смысла, без охотничьих страстей. Где, казалось бы, человек должен поддаться тягостным впечатлениям, отдаться чувству предостережения перед опасностью, которые сковывают его мышление. Павленко преобразается, будто ощущение этой самой опасности — его стихия.

А тогда на перевале он был ведомым и увидел первым досадный промах своего ведущего — разрывы легли вдали от укреплений. Но огорчаться времени не оказалось — вслед за отвернувшимся в сторону ведущим он нырнул навстречу разрывам, навстречу ошкетинившемуся свинцом холму и не слышал, как в запале ему кричал штурман: «Покажи им, Николаич!» С предельно малой дистанции взломал первые груды камней на линии обороны.

Они уходили из района, уступив место коллегам, а им вслед с земли кто-то орал восторженно в эфир: «Ну, летун, молнться на тебя будем!»

А зачем на него молнться, он простой, совсем земной Павленко. Есть у него и свои слабости. Смеется: бокс в свое время подвел его. Выстоять все раунды на ринге — это какое же упорство надо было иметь. Вот это поистине детское упрямство нашло место в его характере, более того, оно сохранилось, ужилось с громадным опытом, стало второй натурой в воздухе.

— Между тем, — признался как-то он, — на упрямстве этом и вытягивал чаще всего.

Саднлись как-то в горах на «пятакке», десант надо было выбросить. А площадки внизу, как на подбор «нестандартные» подобрались. А саднться надо. А гуг еще соседи из прикрытия подзуживают сверху: «Ну давай, чуть что вытацим». Думали, сядет сейчас Пав-

ляню в лужу. Ничего, сели. «Спасибо», — вежливо говорю им с земли. — «Вы свободны», — а сам глазом кошу через стекло и думаю, куда падать сейчас будем.

И в этом тоже Павленко — летчик и человек.

Но существует и другой. И тоже в воздухе.

Юрий Алексеевич Манмарь попытался найти нужные слова:

— Чувство вертолета, слитость с ним. Я бы сказал, оно у него без шероховатостей. Я еще начинал с ним летать. Был ведомым. Захожим в район «работы», — и пошло-поехало. Ну так закрутил он, что просто потерял его из виду. А кажется всего-то: взять из машины все, что она может. — Чуть погодя он добавил: «А в тот день из боя не выходили семь часов».

Без шероховатостей. Куда уж ответственней сравнение. Но чего стоит лишь «момент подлвата» Павленко. Как сказано, не много, не мало, момент — секунды, мгновения, в которые летчик должен уловить изменение в поведении машины, стать камертоном ее двигателя, чтобы, воспользовавшись этим, произвести нужный маневр. Вот нарисуйте себе мысленно картину: в острой необходимости при резком выходе из пикирования машина вдруг начинает «сыпаться». Да, именно так, «сыпаться», лхнуть к земле. В запальчивости чего только не наделаешь, а до земли уже метры. Тут-то как раз не надо торопиться, а выбрав этот пресловутый «момент», ручкой шаг-газа подхватить вертолет, удержать его в повиновении. Куда уж проще сказано? Но чего стоят слова? В первый раз в бою этот момент тянулся для Геннадия Николаевича долго и показался вечностью. Он знал, чувствовал, что по маршруту полета должен встретить бандитское «гнездо» и как назло не находил. А когда буквально за десятки метров увидел на земле скользящую маскировочную сеть, которая открыла пулеметный ствол, не раздумывая, повернул вниз. Но запаса высоты не хватило — он понимал это, но другого для сохранения машины уже сделать ничего не мог. По крайней мере, ему так показалось в тот момент. Вертолет привычно клюнул носом к земле, а при выходе из пике многотонной массой сдвинул в подушку воздух над окопом, поднял настоящую песчаную бурю на позиции, вызвав

смятение у врага. Пыль еще толком не рассеялась, а Павленко уже ложился на боевой курс.

«Летчик от бога», — довелось услышать в его адрес и такое. А он может быть еще и уставшим, очень уставшим человеком... но немногие его таким видели.

Помимо всех социологических данных, все люди делятся еще на тех, кто умеет говорить, и тех, кто умеет слушать. Чаще всего в жизни оказываются полезнее вторые. Это к тому сказано, что Павленко из молчунов. Может быть кто-нибудь из летчиков до сих пор удивляется его дружбе со старшим прапорщиком Георгием Васильевичем Гладыревым. Хотя вначале они научились друг с другом, как ни странно... молчать. «Да-да, молчать, — убеждает Георгий Васильевич. — Ведь сошлись ближе на рыбалке. А там само собой не до разговоров». Он задумчиво смотрит в окно: «Не знаю, тянет к нему. Интересный он человек, и я его понимаю, чувствую. Вот устать больше стал. Не просто это, знаете ли. За эти годы в Афганистане он поседел на глазах, а ведь это не его возраст — сорок-то лет. Придет, сядет и молчит. Знаю, такого не надо шевелить, сам отойдет. А вот когда, бывает, дело до вертолета коснется, сядет для пояснений на табурет, как то руки, ноги по-своему, будто он в кабине, поставит и столько эмоций на лице, словно дай ему возможность так он и на табурете в воздух поднялся бы. Я вот его иногда спрашивал: «Ну как ты летаешь, как можешь очертя голову бросаться на огонь в лоб». А он: «Нет, ты не прав». Здесь расчет нужен, я же машину чувствую, меня в этот «лоб» попробуй еще угодн».

Расчет и азарт в бою. Как единство противоположностей, они стали неотделимой чертой его летного почерка. Расчет и азарт, как требование к профессионалу он воспитывает сейчас в своих подчиненных.

Такая она — жизнь у летчика. Если заняться арифметическими подсчетами, то за более чем десять лет службы у Геннадия Николаевича всего, казалось бы, ничего — чуть меньше полгода в воздухе.

В свои сорок лет — он командир звена. И мог бы сказать, что неудачник, что «засиделся», если бы это не был майор Павленко, которого знают здесь все. Он не будет это доказывать, не должен, хотя с его боевым опытом летчика поискать надо. На эти полгода прихо-

дится еще и тысяча двести боевых вылетов. Так что обманчивая это штука — арифметика в авиации...

— Ну какой он дома, — говорит жена Валентина Алексеевна, — наверное, домашний. Мастерить любит, с детьми возиться, слушать, как играет на пианино старший сын Санька. Заботы служебные для него остаются за порогом. Говорит, не женское это дело. Хотя как сказать. Вот, слышала, узнают каким-то образом в военном городке наши женщины, что в командировку их мужа с ним полетели, так вроде бы и спокойно им на душе.

Даже как-то неожидан такой летчик Павленко. Все привыкли слышать о нем все в превосходной степени, а на деле вот, самый домашний человек. Он ведь даже к наградам своим привыкнуть сразу не мог. Бывало, заметит Валентина Алексеевна, как достает он из шкафа парадный китель и смотрит, смотрит, а застигнутый врасплох ее вопросом, смущенно отвечает:

— Ну как же ты не рассудишь. Понимаешь ты, ведь это орден Ленина. Понимаешь, Ле-ни-на.

(1988 г.)

И НЕ УМОЛКНУТ ОГНЕННЫЕ СТРОКИ...

Еще совсем недавно он был среди нас. Был храбрым, честным в делах и мыслях, бескомпромиссным. Верил, мечтал, любил. Таким он остался в памяти своих родных, близки, друзей. Коротка была его жизнь. Оборвалась вдруг, как песня... Но и в свои двадцать с небольшим лет успел понять главное: человек судьбу не выбирает, но хозяин ее — он сам.

Темной сентябрьской ночью небольшой отряд воинов под командованием офицера Зубарева напоролся на засаду душманов. Андрей не растерялся и уверенно руководил боем. Был тяжело ранен.

Офицер продолжал руководить боем до тех пор, пока все душманы не были уничтожены.

На рассвете Зубарев скончался.

В его родительском доме по ул. Лазарева, 7 в Губкине в небольшой квартире все хранит память об Андрее. В зале на стене — большой портрет. С него весели смотрит жизнерадостный старший лейтенант. Рядом

лежат награды: орден Красного Знамени, медаль «За отвагу». Здесь же в рамках наградные листы, его офицерская фуражка и красные гвоздики.

А вот комната Андрея. Здесь все так же, как было при нем. В пустой гильзе три больших орлиных пера. На полке тесно друг к другу прижались книги. Его любимые. Г. К. Жуков «Воспоминания и размышления». Э. Л. Войнич «Овод», Н. Островский «Как закалялась сталь», трехтомник о Ф. Э. Дзержинском, сборник В. Шукшина, томик С. Есенина... На стене висит осиротевшая гитара. Аквариум.

Андрей любил животных, птиц, рыб. Лечил больных кошек, щенков, разводил рыбок, держал шегла. И эту свою любовь смущенно скрывал от других. Уже будучи выпускником школы просил классного руководителя Аллу Степановну Хорхордину не писать в характеристике об этой, как он считал, его слабости.

Родительский дом — начало начал... Отсюда бегал в школу. Она рядом — его школа. Сейчас в средней школе № 3 есть отряд имени Андрея Зубарева. Это в «Б» класс. Ребята вместе с классным руководителем Тамарой Александровной Андреевой собирают материалы о войне-интернационалисте, переписываются с его однополчанами, ухаживают за его могилой, стараются во всем походить на него.

Андрей страшно обрадовался, когда узнал, что будет отцом. Уверенно сказал:

— Сына Александром назовем! Обязательно Александром!

— А если дочь? — робко заметила Нина.

— Конечно, Сашей! Какие могут быть вопросы.

Так зовут его старшего брата. Он самый лучший друг и непререкаемый авторитет в детстве, отрочестве и юности.

Андрей не увидел дочери. Ее день рождения почти совпал с днем гибели Андрея.

Снова и снова перелистываю школьные тетрадки с желтыми обложками, отдельные исписанные листки, нотные записи для гитары. Это частица его жизни, вернее, в них он сам предстает перед нами, словно делится своими мыслями.

Вот некоторые из этих записей:

«Когда чем-то гордятся по-настоящему, гордятся тайно».

«Боязнь обидеть — свидетельство силы».

«Плох тот, кто живет сегодняшним днем. Надо смотреть вперед».

«Чем сложнее и напряженнее ситуация, тем спокойнее должны быть слова, а уж тем более действия командира».

«Чем тщательнее исследована каждая мелочь, тем надежнее окажется общий вывод».

«Главное — уверенно желать, только тогда желаемое сбудется».

«Когда приходит первая влюбленность, встают вопросы, и на них надо отвечать...»

Наверняка, каждая из этих мыслей имеет под собой какую-то основу, что-то конкретное дало толчок, чтобы ее записать. Он многое доверял бумаге. Беседовал сам с собой, выверял свое отношение к жизни.

Молодой человек, ему только-только исполнилось двадцать пять лет. Тогда боевые друзья, поздравляя его, преподнесли шутовское послание, написанное на крышке патронного ящика:

Забыв себя для пользы дела,
Не зря в десантники пошел.
В глухих песках Афганистана
Вторую молодость обрел.

Мы в сказки детские не верим
И о судьбе не нам гадать.
Желаем мы тебе отметить
Пятнадцать раз по двадцать пять!

А ему оставалось жить всего четыре месяца. Безмерно тяжело терять полных жизни молодых людей. Нелепостью кажется каждая такая смерть.

... Владимир Иванович, отец Андрея, настроил магнитофон. Зазвучали голоса. Говорили друзья, с кем Андрей учился в военном училище и вместе служил. Говорили солдаты, его подчиненные, с кем он не раз ходил в бой.

Александр Домашов: Получилось Так. Мы с ним вчера долго разговаривали обо всем, а сегодня его нет... И до этого я не раз видел смерть, но терять такого близкого человека приходится впервые. Мы с Андреем с первого дня в училище дружили.

Прежде всего он был хорошим человеком. Бывает так — хороший слесарь, или сварщик, хороший шофер

или врач. Они — хорошие профессионалы, но неизвестно, какие люди. А вот если хороший человек, это говорит обо всем, в том числе и о профессионализме. Андрей и был таким человеком.

Александр Алейников: Он был как брат. Все делили пополам. Когда Андрей был в отпуске, заехал ко мне в госпиталь, где я лечился после ранения. Проговорили всю ночь. И вот... Нет, не верю. Он просто ушел на время. И скоро должен прибыть. Сейчас я совершенно убежден: именно такими командирами всегда была сильна наша армия.

Александр Хохлов: По-моему, он боялся только одного: не выполнить приказ. С солдатами был прост, как старший товарищ. Поэтому мы тянулись к нему.

Игорь Мелихов: Все четыре года в училище мы были рядом. Андрей сочинял стихи, музыку, сам пел.

Владимир Сучков: Он воспитывал в нас, солдатах и сержантах, высокое чувство долга, чувство товарищества. Как командир, был требователен и справедлив. Любил шутку. Наше подразделение было отличным, а фотография командира была на Доске почета части. Таким Андрей остался до конца. Я горжусь тем, что он дал мне рекомендацию в партию.

Почти всех этих и других сослуживцев Андрея можно видеть на фотографиях, которых у Зубаревых очень много. Групповых, одиночных — разных. Вот войны в пятнистых масхалатах, на другой они рассматривают трофейное оружие, а эта — групповая, всем подразделением — на память. Неподалеку от Зубарева, своего командира, сержант. Это Виктор Капшук, сейчас он — офицер, Герой Советского Союза.

Долго еще звучали голоса ребят. Они говорили о друге, о командире, о боевом товарище, пели песню, сочиненную ими и посвященную Андрею Зубареву. Есть в той песне такие слова:

Отстоять бой за мир,
За любовь, за Андреев,
Мы должны, оправдав
Отчизны наказ...

(1989 г.)

ВСЕ МЫ ЗДЕСЬ СТАЛИ ДРУГИМИ...

Совсем недавно мы провожали на Родину воинов, достойно выполнивших свой патриотический и интернациональный долг на территории Афганистана. Сегодня все они уже влились в кипучую жизнь страны: вернулись в свои рабочие коллективы, продолжают учебу в техникумах и институтах, трудятся на комсомольских стройках. Но верится, сердцем они здесь, с нами. И снится многим по ночам ИХ БОИ.

Это был бой за торжество справедливости, за победу добра над злом, света над тьмой. Хочется верить, что такое не забывается. Что это прочно входит в сердце, во всю жизнь. Вот только не остыть бы сердцем, не променять бы подлинные ценности на бездумное времяпрепровождение, помнить всегда, какой он, воздух революции...

Вот, например, последняя встреча с ефрейтором В. Вариковым. Стоял он подтянутый, в новенькой, с иголочки, в форме с красной нашивкой за контузию, медалью «За отвагу». А вспоминался он же в пропыленном «хэбэ», донельзя выгоревшем на солнце, только-только вышедшем из боя. На прощанье сказал солдат: «Жить, как жил раньше, уже не смогу. Все мы здесь стали другими. Может быть, когда-нибудь попробую написать об этом...»

Думается, очень важно сегодня, чтобы не выработался у наших ребят, прошедших суровую школу в Афганистане, эдакий стереотип: если я был там — это индульгенция или, другими словами, отпущение грехов на всю оставшуюся жизнь. Важно и на «гражданке» оставаться самим собой. О ваших заслугах, о вашем мужестве будут знать и помнить. А это уже особый спрос и ответственность. За себя, за тех, кто рядом, за свой коллектив, за свой город. На вас обязательно, хотите вы того или нет, будут равняться в делах и поступках те, кто только готовится вступить в большую, взрослую жизнь. Каким будет этот пример? Хотелось бы верить, что добрым...

Хорошее начато дело — по стране создаются советы бывших воинов-интернационалистов. За ними будущее. В это верится твердо. Встретившись впервые с «афганцами» в своем родном городе, вы будете вспоминать пережитое за службу и честно смотреть друг дру-

гу в глаза. Но потом будут встречи еще и еще... Через годы. Надо сделать так, чтобы всегда смотреть в глаза боевому товарищу честно и открыто. Это зависит от каждого из нас лично.

(1989 г.)

«СПАСИБО, ДОКТОР»

Пожалуй, не у каждого человека, но во всяком случае, у многих бывают в жизни, причем в самом ее начале, случаи, определяющие если не судьбу, то уж будущую профессию — наверняка. Виктора Сазонова можно отнести как раз к таким людям. Трагический тот случай произошел еще когда он учился в пятом классе: у старшей сестры погиб сын. Беда потрясла. Вот тогда Виктор и решил стать врачом, чтобы люди не теряли своих близких. Рассуждения при этом были еще детские, примерно такие: вот стану врачом, и если у нас кто-то заболел — я вылечу. И в больницу класть не надо, и доктора вызывать. Доктор-то под рукой! Он спасет.

А потом, правда, появилась другая мечта — стать военным легчиком. Да тут зрение подвело. Ну что же, тогда сомнений больше нет. Сазонов поступил в медицинский институт в городе Пермь. Первые два курса очень сложно было учиться. Отношение строгое, требовательное. Свободного времени почти нет. Учеба, учеба, учеба... А все равно почти все зачеты приходилось раз по пять сдавать. Придавки? Да как сказать... Зато уж знания оставались настоящие, прочные.

А срочную служил на Дальнем Востоке. Фельдшером. И вот там командир стал его «агитировать» пойти и дальше по медицинской «части» в армии. Сазонов — ни в какую. Но в дальнейшем, окончив четыре курса пермского медицинского института, перевелся в томский. На... военно-медицинский факультет. Обычно, когда человека спрашивают, почему он решил связать свою жизнь с армией, он, как правило, ссылается на призвание, желание испытать себя и прочее. Я же, слушая лейтенанта В. Сазонова, столкнулся с несколькими другими, довольно неожиданными соображениями:

— Просто, во-первых, я люблю порядок и дисциплину.

лину. Во всем. Еще в школе нравилось даже, когда преподаватель строгий был. А, во-вторых... Ну, например, мне кажется, что в армии к больным отношение какое-то подозрительное, что ли... Часто, во всяком случае, так бывает. А не симулянт ли? Не уклоняется ли? И в порядке профилактики — построже с ним. По-командирски скорее, чем по-докторски. Я считаю — это ни к чему. Больной — он везде больной.

Потом у нас зашла речь об Афганистане.

— Сюда мне, конечно, хотелось попасть. Ведь здесь же приобретается опыт работы в полевых условиях. Да и не только это. Тут учишься работать уверенно и быстро, не теряться в сложных ситуациях.

А в Афганистане почти все ситуации сложные и неожиданные. Никак не ожидал, например, лейтенант медицинской службы Виктор Сазонов, что первым раненым, который к нему поступит, окажется трехлетний афганский мальчик с осколочным ранением в голову. Позже, ему придется не раз слышать о таких вот жертвах необъявленной войны. И видеть их. А тогда он был поражен тем, что малыш не плачет, что глаза у него взрослые — нет в них ничего детского, одна боль и тоска. Спас он этого мальчика и долго еще помнил его, да и сейчас помнит.

Кровь, слезы, горечь и боль простых, мирных афганцев: все это видел здесь Виктор Сазонов. Для него, врача, призванного бороться за жизнь и здоровье людей, эта жестокость душманов видится особенно чудовищной. Ему за время службы в Афганистане доводилось оказывать медицинскую помощь и старикам, и женщинам, и детям, так или иначе пострадавшим от той необъявленной войны, что развязала в этой стране контрреволюция.

А вот ситуация иного рода. Колонна, идущая из района учебно-боевых действий, попала в засаду. Сазонов находился ближе к голове колонны. Она уже вышла из-под огня, когда стало известно, что душманы подбили одну из грузовых машин, следующую в замыкании. По рации передали: нужен доктор. И доктор вместе с санинструктором ефрейтором Авиновичем поехали снова под огонь. Там им показали раненого. Душманы, увидев подъехавших, открыли бешеный огонь. Но медики приступили к своему делу и забыли про пули. Они работали, казалось, не слыша

стрельбы, а потом раненого положили на броню, сами сели по бокам. Теперь они защищали его от пуль со-бой. Вывезли из-под обстрела, спасли. Теперь он про-должает службу.

Таких эпизодов можно припомнить много. А неред-ко во время агитационно-пропагандистских рейдов к доктору подходят дехкане. Он осматривает их, дает ле-карства, лечит, и сейчас уже, наверное, не сосчитать сколько раз Виктор Сазонов слышал от благодарных афганцев: «Ташакор!»

Лейтенант медицинской службы В. Сазонов отме-чен наградой Родины. Обычно людей спрашивают, за что та или иная награда? В данном случае, спраши-вать не приходится. За спасение жизни, за борьбу с малярией, брюшным тифом — болезнями, которых в Советском Союзе давно нет, за помощь братскому на-роду. Можно было бы много рассказывать о службе военного врача в Афганистане, но в общем она такая же, как у любого офицера, только за жизнь людей он отвечает в прямом смысле, нередко при этом рискуя своей.

А если дать краткую характеристику лейтенанту Сазонову, то лучше, чем его сослуживец офицер В. Ко-лесов не скажешь:

— Виктор-то? Боевой доктор, одно слово. Под пу-ли ходит, и дело свое знает отлично. К тому же он у нас член партийного бюро.

«Член партийного бюро...» Здесь это много значит.

(1987 г.)

ТОТ, КТО ИДЕТ ВПЕРЕДИ

Границу пересекали в ветреный, пасмурный день. Низкое, давящее небо. Завывают двигатели машин. И все вокруг такое серое, вот как по телевизору воен-ную хронику показывают. Идет колонна, и никто еще нигде не стреляет, тихо, а ощущение, как на войне. Так ведь она и шла на этой земле — необъявленная война.

... В трудное положение попало афганское подраз-деление. Нужна помощь. Мотострелки в составе тех-нического десанта прибыли вовремя, но положение пр-должало оставаться тяжелым. Площадка, которую зп-

нимали войны, постоянно находилась под обстрелом. Первый день, второй, пятый... И тут становится известно о движении душманского каравана. Наперерез ему под обстрелом спускается с площадки группа под командованием Панасенко. Но едва оказались в ущелье — тут же со всех сторон по ним ударили душманские пулеметы и автоматы. Три часа отстреливались войны, оглохнув от очередей своих и вражеских, многократно повторяемых коротким, резким эхом. Перебегали от камня к камню под злой свист пуль, которые случалось, рикошетили по каскам. Казалось, силы на исходе. Но, видимо, есть все-таки некий военный бог, который покровительствует отважным. ... Облака часто ходят по горам. А это, увлекаемое ветром, гналось неспешно по дну ущелья. Того самого, в котором шел сейчас неравный бой. И через некоторое время густой — в двух метрах не видно человека — пеленой укрыло группу мотострелков. Спустя несколько минут душманы почти прекратили стрельбу, но, увидев, что движущееся облако, как бы слизнуло советских воинов, снова открыли лихорадочный огонь вслед уходящим с белым туманом мотострелкам. Эти свинцовые струи, как бы подхлестнули облако и оно пошло быстрее. Виноват был, конечно, усилившийся ветер. Панасенко, а это была его идея воспользоваться облаком как прикрытием, понял, что за спасительным туманом долго не угнаться — длительное напряжение боя, груз весом в 40—50 килограммов за плечами каждого солдата дали себя знать. Поэтому, увидев впереди огромный валун, прапорщик подал команду, и мотострелки, недосыгаемые теперь для бандитских пуль, быстро укрылись за ним. За этим валуном переждали до наступления темноты и под ее покровом незаметно выскользнули из душманской засады.

А на следующий день вместе с афганскими войсками с боем пошли к бандитской базе. Вот тут и началась работа Сергея Панасенко, командира саперного взвода. Он шел впереди с щупом, зная, что подходы к базе обязательно минируются мятежниками. Вообще-то, он должен был работать с миноискателем, но ведь бандиты больше используют пластмассовые мины, и миноискатель в таких случаях почти бесплезен. А щуп не подведет. Тем более, наметанный глаз, а именно такой у прапорщика Панасенко, всегда заметит призна-

ки минирования. Да к тому же опытный сапер уже знает, где могут быть «сюрпризы». Это спуски, подъемы, тропы, что нельзя обойти или объехать. Около двадцати мин снял тогда Сергей Панасенко, безошибочно определив миноопасные места.

На бумаге все сейчас выглядит просто и романтично даже. Но Панасенко и те, кто был тогда с ним, знают, чего стоит эта «простота». Разве забудется как из задыхающегося рта вырывается с хрипом дыхание — стон, когда, обрывая кожу с ладоней, тянешь на веревке товарища наверх? Разве забудется свищовая усталость, до дрожи в коленях, до тошноты многочасового марш-броска через горы? Как забыть постоянную и неизбывную жару и такой же неотступный ночной мороз, когда под взмокшей за день формой тело сотрясает крупная дрожь? И не всегда можно костерок развести, хоть маленький — рядом могут оказаться душманы. И никогда не забыть величайшего напряжения боя, который ты видишь не со стороны, не по телевизору. Ты его участник. Это ты стреляешь и по тебе стреляют... В том бою, за который прапорщик Сергей Панасенко награжден орденом Красной Звезды, группа под его командованием выполнила поставленную перед ней задачу без потерь.

Из разговора с Сергеем Панасенко:

— Жарко тогда в горах было. И в прямом, и в переносном смысле... А иногда вот так думаешь: отдыхать бы в этих горах, красота ведь какая! Я — то горы здесь впервые увидел. Вот просто путешествовать тут. Дышать спокойно, загорать... И чтоб никакой войны, чтоб тихо было. Чтоб только снег на вершинах вспыхивал под солнцем, а не ночные выстрелы и взрывы. Когда-нибудь так и будет. А вот что особенно запомнилось, так это солдаты. Ведь в сложнейшей ситуации оказались! Не высокие слова сейчас скажу, а то, что видел. Убедился, что в трудной обстановке советский солдат не теряется. Наоборот, собранней становится, а взвод превращается в единый боевой организм.

И снова горы. И вновь мотострелки оказывают помощь афганскому подразделению в ликвидации очередной душманской базы. И как в тот раз, путь к ней лежит через ущелье. ... Панасенко работал. Одна ребристая «итальянка» обезврежена, другая... А мятежни-

ки не пускали в ущелье. Били из безоткатных орудий, крупнокалиберных пулеметов. Но у сапера своя забота. Осторожно погружается в землю щуп там, где замечены демаскирующие признаки. Еще мина, еще, еще. Три дня «духи» ожесточенно обороняли свою базу, но были все-таки выбиты. В ущелье обезврежено семь мин. Потом нашли пещеры. Вперед пошли саперы, ведь, чтобы зайти в них, необходимо тщательно проверить подступы. Да и в самих пещерах могут оказаться минные ловушки. На сей раз ловушек не было. Зато обнаружили большой склад с минами, боеприпасами, оружием. Из пещер выносили автоматы, пулеметы, даже минометы. Эти, последние, такие маленькие, ну, как игрушечные. Поставь такой «минометик» в детский магазин — никто бы его застоящий не принял. А носить такую «игрушку» можно даже за пазухой. Очень удобно для бандитов. Да много еще выносили из душманского логова того, что должно было унести сотни и тысячи жизней афганцев, потянувшихся к новой жизни. Не скупые хозяева у «воинов ислама». Потом в горах прогремели взрывы: еще одно пристанище мятежников уничтожено.

... У каждого, кто служил в Афганистане, всегда были дни или события, которые навсегда врезались в память. И совсем не обязательно связаны они с боевыми действиями. У Панасенко таких дней, пожалуй, два.

День первый. Его принимали тогда в партию. Вопросы задавали и по Уставу, и по международной политике, а больше — о работе с вверенным ему саперным взводом. «Как будешь работать? Дисциплину повышать? Как порядок станешь наводить?» Панасенко тогда твердо обещал, что выведет подразделение в передовые. Подъем после этого собрания у него был необычайный. Стал коммунистом. Тут необходимо сказать, что обещание свое коммунист Панасенко выполнил: его взвод стал одним из лучших в подразделении.

День второй. Это было 9-го мая. В Союзе горел кулачком флагов, серебрился сединами ветеранов, сиял орденами и медалями великий праздник — 40-летие Победы над фашистской Германией. А там, в РА, Сергей Панасенко ехал в это время в головном БТРе в составе колонны. Жара, пыль, злое, слепящее солнце. В шлемофоне — сплошной треск. Вдруг из хаоса эфира выплеснулся громко позывной Панасенко:

— Сто девятый! Сто девятый, ответь...
— На связи сто девятый! — отозвался Сергей, прижимая к горлу ларингофоны.

— Сто девятый! У тебя сын родился! Слышишь?! Сы-ын! Поздравляю!

И еще добрых пять минут сыпались из треска по-мех поздравления. Панасенко покачивался на броне немного оглушенный и счастливый. И солнце перестало так нещадно палить, и вроде пыли стало меньше, и день как-то вдруг совсем по-новому осветился. Сын!

— Спасибо, ребята... Спасибо! Спасибо...

Сергей показывал мне фотографии жены и сына. Стоит в кровати (пока не без помощи мамы) мальчуган. Совсем еще маленький, а уже видно — Панасенко. Вылитый. Расти, малыш, и будь таким, как твой отец.

(1987 г.)

ПАМЯТЬ ЖИВЕТ

Ему было всего двадцать четыре года, когда он погиб. Но если сложить годы спасенных им от душманских пуль людей, то он и сейчас живет среди нас. В нас.

И будет жить всегда, пока жива наша память.

В столовой — полумрак. И это приятно после слепящего белого солнца. Сажусь за один из столиков и вдруг вижу на нем картонку с ножкой-подставкой. Она повернута ко мне тыльной стороной. «Ага, — думаю я, — сел за стол именинников». Мне уже приходилось видеть такие красочные картонные плакатики «С днем рождения!» Разворачиваю «плакатик» и... невольно вздрагиваю: на нем окаймлена черной траурной рамкой фотография. Присел свободно на корточки старший лейтенант возле станкового гранатомета, лицо открытое, глаза черные, очень глубокие и живые. Живые...

Старший лейтенант Александр Густенко, командир взвода. Он погиб в бою, когда ночью пошла на прорыв банда душманов, уже неоднократно пытавшаяся вырваться. А это была отчаянная попытка. Офицеру, командовавшему тогда расчетами гранатометов, пришлось взяться за автомат. Душманы подобрались близко, и вспыхнула ожесточенная, в упор, перестрелка. С

криком валились мятежники, а потом выскользнул из рук командира взвода умолкший вдруг «калашников»...

Я потом разговаривал с теми, кто знал Александра Густенко на протяжении всей его службы в Афганистане. Это недлинные и нехитрые рассказы, но в них — все: искренность, боль горечь утраты. В них — все... Вот они.

Личный состав взвода, которым командовал старший лейтенант Александр Густенко:

«Впервые мы увидели старшего лейтенанта Густенко, когда он встречал нашу колонну. Мы тогда не знали, какой это будет командир. А взвод наш тогда не был ни в числе передовиков, ни в числе отстающих. И вот знакомимся. «Нет ничего хуже «золотой середины». Так сказал наш новый командир. И мы начали служить вместе. Он требовал с нас, но еще больше — с себя, учил нас и учился сам... Через несколько месяцев взвод стал одним из лучших в подразделении.

За то время, что командир находился в РА, он постоянно участвовал в боевых действиях. И мы видели грамотного, смелого решительного офицера, умеющего руководить людьми в бою так, чтобы он завершился победой, как итогом того, что командир не давал ни на минуту расслабиться. Не давал ни на секунду забыть, где и для чего мы находимся. Он учил нас быть Солдатами. И сам погиб, как Солдат.

...Был солнечный яркий день. Помогая афганскому подразделению, мы действовали в зеленой зоне. Одной из наших групп командовал старший лейтенант А. Густенко. Он первым покинул борт вертолета, быстро оценил обстановку и организовал надежно? огневое прикрытие высадки остальных групп тактического десанта. Душманы отошли в глубь кишлака. Группа продвинулась вперед, заняла оборону. А когда только еще велись работы по оборудованию позиций, командир увидел приближающихся бандитов. Команды офицера были четки и решительны, а удар по мятежникам — внезапным и сильным. Душманы откатились в кишлак. Между тем, приближалась ночь, а с нею и попытка банды прорвать «блок»... Ночная атака была яростной; страх перед возмездием придавал сил. Командир взялся за автомат и бил по мятежникам, успевая в то же время руководить подчиненными. Потом его автомат замолчал...

... Иногда по радио звучит песня: «Защищая все то, чем мы так дорожим, он ведет этот праведный бой...» Мы все молчим, но каждый думает об одном и том же — о командире. Это была его любимая песня».

Вот так рассказали о старшем лейтенанте Густенко те, кого он водил в бой. А потом я слушал его друзей, сослуживцев. Они по-своему дополнили этот рассказ.

Лейтенант медицинской службы Виктор Сазонов:

— Первый раз я увидел Александра Густенко еще до приезда в Афганистан. Небольшого роста, густая шевелюра темных волос, веселые и добрые карие глаза. Это запомнилось от той встречи чисто внешне. Что я мог знать тогда об этом человеке? Конечно, немного, разве то, что, возможно, вместе будем служить. Но его умение расположить к себе, простота в общении, искреннее уважение собеседника произвели на меня самое хорошее впечатление. Потом, по ходу совместной службы, я узнал его ближе. Александр оказался отличным офицером, чутким и внимательным командиром.

Иногда выпадали свободные минуты, и нередко мы проводили их вместе с Александром. Он любил в такие минуты вспоминать родные места, их природу, такую не похожую на пески и горы Афганистана. А еще вспоминал свои юношеские годы. И как загорались тогда его глаза! В нем мне нравилось все. Казалось, у Александра нет отрицательных черт, но теперь я понимаю, что за массой черт положительных на недостатки просто не приходилось обращать внимания. Что в нем было главным?

Человечность, уверенная, твердая рука друга, надежное плечо товарища. Он всегда вел за собой. И в свое бессмертие также шагнул впереди. Я провожал тогда Сашу в район боевых действий и никак не думал, что в последний раз вижу его веселые карие глаза. Но и сейчас они живут во мне, в моей памяти...

А потом я разговаривал с прапорщиком Сергеем Панасенко. Так получилось, что в большинстве случаев они действовали вместе — Панасенко и Густенко. Они были друзьями. Сергей, горячился, жестикулировал, стараясь, чтобы и мне стало понятно то, что знал и видел он сам. А временами он огорченно вздыхал:

— Эх, да разве напишешь, какой это был человек...

Редкий... Вот говорят: пошел бы с ним в разведку. Да я бы сто раз пошел с ним! Мы вместе бывали в самых критических, отчаянных ситуациях, и не помню случая, чтобы Густенко растерялся, дрогнул. И именно его воля и самообладание были источниками стойкости и мужества тех, кто находился рядом.

Я слушал рассказы сослуживцев и друзей старшего лейтенанта Александра Густенко, рассматривал немногие имеющиеся у них фотографии и отчетливо представлял человека, которого никогда не видел. Мне казалось, что я тоже его знал и помню как он говорит, как смеется, какая у него походка... И все же трудно писать о том, кто на самом деле не был тебе знаком. Поэтому я рассказал об Александре Густенко словами тех, кто находился с ним рядом до последнего дня.

А недавно мне довелось встретиться с офицером из того самого подразделения, где проходил службу Александр Густенко. Заговорили об общих знакомых. Вспомнили и о подвиге старшего лейтенанта А. Густенко. Память о мужественном офицере, представленном посмертно к высокой государственной награде, крепко хранят и чтут его сослуживцы. Всем новичкам, знакомя их с подразделением, обязательно рассказывают о подвиге Александра.

Подразделение является инициатором социалистического соревнования в части и своих лидирующих позиций не уступает новому. Вот так служат боевые товарищи Александра Густенко.

(1987 г.)

ПО ЗАКОНУ БРАТСТВА

Долг... Есть ли предел силам и возможностям человека, если между ним и его поступком стоит это короткое, емкое слово «долг». Наверное, нет. Дороги военного корреспондента не раз приводили меня к людям, совершившим то, что, казалось бы, совершить невозможно. И от каждого из них я слышал примерно одни и те же слова: «Надо было». «Кто-то же должен»... А недавно судьба свела меня с вертолетчиками. Как водится, завязался разговор, в ходе которого кто-то полшутя, упрекнул: мало, мол, про нас, летчиков, пишете, а ведь есть же о ком писать; сколько угодно.

Вот, например, командир экипажа Александр Пашковский... А потом было так. Я уже возвращался из командировки и опять встретил своих новых знакомых. Подошел.

— Вот, пробовали мы о Пашковском писать, — протянул один из них листок с несколькими короткими предложениями. — Ну никак не получается. Давай лучше так: мы расскажем тебе, а ты напишешь. Идет?

И они рассказали. Вот что я записал.

... Равнина, рассеченная сетью арыков, кишлак, в котором бесчинствует крупная банда. Афганские подразделения, ведущие бой с душманами, попросили помощи. Идет высадка тактического десанта, воздух густ от перекрещивающихся пулеметных и автоматных трасс. Такова обстановка.

Первым пошел к земле «борт», где командиром офицер Н. Калита. Сразу перечислю остальной экипаж. Летчик-штурман А. Сергеев, борт-техник А. Охрименко, бортмеханик С. Лабунец. Приземлились, и тут же — удар! Граната врезалась в фюзеляж, вторая взорвалась в кабине...

Вертолет Пашковского прошел над приземлившейся машиной Калиты. «Семнадцатый, ответь!» Ответа нет. Сделали облет рядом: фонарь кабины разбит, людей не видно, винт вращается. Надо садиться, выручать. В этом экипаже, кроме Пашковского, был летчик-штурман В. Шаповалов, борттехник А. Сидоренко, бортмеханик М. Зиньковский. И вот шасси второго вертолета коснулись земли метрах в сорока от подбитого. До арыка, где засели душманы, еще ближе. Четко видно, как, пригибаясь, перебегают мятежники, как стреляют по стоящим винтокрылым машинам. Шаповалов, открыв блистер (окно в кабине вертолета), ударил по «духам» из автомата, из носового пулемета — Сидоренко. Они прикрывали Пашковского с Зиньковским, которые ползли к подбитой машине. Они прикрывали и Сергеева, который, заметив севший вертолет Пашковского, тащил к нему раненого Калиту. Сергееву помогал подбежавший солдат из десанта. Калиту подняли на борт, и Сергеев в рост, перебежками, помчался к искалеченной машине. Туда к тому моменту подползли командир и бортмеханик пришедшего на выручку вертолета. Пашковский поднялся в кабину. Зиньковский и Сергеев оказывали помощь раненому

Охрименко, да и сам Сергеев тоже был ранен тем взрывом гранаты в кабине.

Пашковский оглядел кабину: приборная доска разбита. Приборы мертвы. И только живет одна — единственная стрелка указателя дублирующей гидросистемы. Стекол нет. Весь этот осмотр занял секунды. Бой ведь продолжался, и душманы, не переставая, вели огонь по вертолетам. Александр понял, что можно взлететь — винт-то вращается. И еще понял, что это огромный риск. В данном случае он отвечал, вернее брал на себя ответственность и за тех, кто остался с ним в этом вертолете. Пашковский знал на что идет и тем не менее запросил разрешение на взлет. Когда машина оторвалась от земли, ее снова сильно тряхнуло. Это под днищем разорвалась еще одна граната. А ведь и так не было никакой гарантии, что в следующий момент вертолет не рухнет вниз. С чем можно сравнить тот полет? Ну вот представьте. По морю плывет лодка, перегруженная людьми так, что над водой возвышаются лишь сантиметра три борта. И достаточно чьего-то неловкого движения, чтобы она зачерпнула воды и пошла на дно... Так и здесь. А еще вот что. С одной стороны надо быстрее вывести вертолет из-под огня, с другой — усиливающийся с увеличением скорости встречный поток воздуха слепит, не дает дышать, осложняет управление покалеченной машиной. Но с этим уже считаться не приходилось: надо спасать машину и израненный экипаж.

И Пашковский довел вертолет до базы. На нервах, на страшном напряжении всех сил. О летном мастерстве тут говорить не приходится — новичку, наверное, такое не под силу. А на подлете Александр посмотрел на указатель дублирующей гидросистемы: стрелка его дрожала у самого нуля.

Когда вертолет уже находился на земле, в нем насчитали пятьдесят пулевых пробоин. И в фюзеляже торчала граната. Она не взорвалась, потому что не успела взвестись: душманы стреляли почти в упор. Следом приземлился второй вертолет. Его привел Шаповалов. И в этой машине обнаружили несколько пробоин.

...Вообще-то, по инструкции, летному составу сдавать кровь не полагается. Но это по инструкции. А по закону воздушного братства, по большому, человечес-

кому счету, можно и нужно. Александр Пашковский сдал свою кровь для раненого Калиты.

Через три дня вертолет офицера Александра Пашковского отремонтировали и он снова начал работать.
(1987 г.)

ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА

Что сразу замечаешь в этом человеке, так это постоянную готовность улыбаться. Она от жизнерадостности идет, от уверенности в своих силах. Коммунист. Старшина сверхсрочной службы. В Афганистане был в течение 5 лет, имеет две награды. Вот, если коротко, вся военная биография. Несколько строчек, но что за ними?

Родители Володи на заводе работают. И всегда там работали, сколько себя помнит. А помнит еще частые приезды дяди. Тот офицером был, нередко и в форме приезжал. Форма эта, конечно, тоже свою роль сыграла. Она да дядины рассказы, а позже и любимая передача «Служу Советскому Союзу!» Решил для себя: военный — самая мужская профессия. А решив, сказал родителям: буду военным. Те отнеслись к этому спокойно (может быть не поняли, насколько это серьезно). Отец потом подвел черту: «Подожди, вот послужишь сам — десять раз передумаешь». Но сын — свое: как бы там ни было — в армии все равно останусь.

Наконец, призыв. Направили в школу сержантов.

В школе Шевченко не раз участвовал в соревнованиях по са «50. Несмотря на то, что эта борьба для него не «родная», ни разу не проиграл. И в этом бойцовский характер, и в том, что стал одним из лучших сержантов выпуска. Оставили курсовым. Прошел год. Сейчас долго объяснять, но случилось так, что оказался сержант Шевченко на мандатной комиссии и услышал долгожданное: «Вы, товарищ сержант, направляетесь для дальнейшего прохождения службы в Афганистан». Были ли сомнения, неуверенность в себе? Нет. Скорее наоборот. Знал, что справится и с такой службой, потому что приучил себя — куда бы ни направили, везде надо честно делать свое дело.

Прибыл на «точку». Как ни готовился, а первое впечатление осталось мрачноватым. Суровая природа,

суровая жизнь, суровая служба. Но человек ко всему привыкает. Привык и Владимир. Даже, как ему показалось, привык к постоянному напряжению и ощущению того, что ты воюешь, что в твоих руках боевое оружие. Но он приучил себя хладнокровно и четко реагировать на опасность, когда не успеваешь испугаться, а тренированное тело уже действует. Тогда он сразу написал домой: так, мол, и так, попал в Афганистан, но вы не волнуйтесь. У нас тут все нормально, служба идет хорошо, спокойно, всего и «трудностей» — то, что в палатках жить.

А трудности, конечно, были. Бесконечные трудности будней, когда многое — в первый раз. Первый раз на проводку колонны, первый раз с саперной группой, первый раз многокилометровый марш-бросок в горы и потом первый бой... Постигалось многое. Вместе с боевым опытом приходило понимание всей серьезности, реальности происходящего. Здесь не условный, «полigonный» противник, здесь враг. Постепенно определял для себя Владимир, ценности, без которых тут нельзя.

Воочию увидел, что дисциплина, это не только «...строгое и точное соблюдение... порядка и правил...» Это сила, которая позволяет малой горстке людей делать большие дела, повышает ее боеготовность.

Понял, что значит настоящая дружба. Суворовское «сам погибай, а товарища выручай» тут непреложный закон. Как-то боевая группа возвращалась «домой» и попала в засаду. Разгорелся бой, и один из БТРов, совершая маневр, застрял (тогда шли сильные дожди). Душманы сразу сосредоточили на нем весь огонь. Тогда под ливнем пуль к БТРу подошла другая машина (в ней был и Шевченко) и, отстреливаясь, вытащила бронетранспортер. Не сама, конечно, машина — сидящие в ней и вышедшие под огонь люди. Таких примеров Шевченко видел великое множество.

Убедился, что прав был старший брат, который неустанно твердил: готовься к армии морально и физически. Владимир готовился. И не раз помогала ему здесь спортивная закалка. Да и не только ему. Был однажды тяжелый переход через горы, что-то около двадцати километров надо пройти. А у каждого груз за плечами немалый. Ну так Шевченко, перебегая от одного солдата к другому, помогая нести груз (не счи-

тая своего), подбадривая, все тридцать километров прошагал. Тяжело, а он улыбается — привычка такая.

Между тем до увольнения в запас не так уж много оставалось. Начал думать о сверхсрочной службе. Долго думал, слова отцовские вспоминал. Честно говоря, иной раз сомнения крепко одолевали. А мое ли это? Не лучше ли в институт куда-нибудь, или на завод, или... И вот в какой-то момент ясно и совершенно отчетливо понял, что не сможет расстаться с сослуживцами, что в общем-то здесь, в Афганистане, больше пользы принесет. Остался на сверхсрочную, стал старшим сержантом, и снова начались будни. Такие же, что и раньше, только все же другие. Новые звания обязывали — коммуниста и старшего сержанта. Да, в партию приняли Владимира Шевченко. Возражений не было: тут ведь, как когда-то в Великую Отечественную, люди в бою проверяются.

А вскоре старший сержант сверхсрочной службы Владимир Шевченко получил свою первую награду — медаль «За отвагу». Задача была такая: совместно с афганскими подразделениями обеспечить безопасный проход транспортной колонны. Заняли позиции, Владимир Шевченко командовал тогда одной из боевых групп. Стеннело быстро. Теперь нужно особое внимание. Шевченко пошел проверять огневые точки.

— Ну как тут? — спросил вполголоса, подходя к пулеметчику.

— Возле арыка какой-то подозрительный шорох.

Старший сержант поднял ракетницу. С резким шипением вонзилась в темноту осветительная ракета. В ее желтоватом, дрожащем свете Шевченко увидел пригнувшиеся перебегающие фигуры, длиннополые халаты, перехлестнутые пулеметными лентами, чалмы, разномастное оружие — душманы! Владимир вскинул автомат, дал в упор длинную очередь. Ее тут же поддержал пулемет. Вот так и началась эта ночь, в течение которой несколько бандгрупп пытались прорваться к колонному пути, но каждый раз откатывались, неся потери. Наконец, они предприняли еще одну попытку: пошли на прорыв, переоделись сарбозами. Но этот «маскарад» быстро разоблачили афганские воины. Лишь под утро стихла стрельба. Транспортная колонна спокойно проследовала к месту назначения.

Вторую награду получил, когда советское и афган-

ское подразделения вели боевые действия по уничтожению душманской базы. Действовать пришлось ночью. Причем, группа, которой командовал Владимир, вступила в бой первой, обеспечивая подход остальных групп. Базу окружили. Шевченко с подчиненными занял позицию недалеко от колодца и в пылу боя сумел все же заметить, что там накапливаются душманы. По команде старшего сержанта воины внезапно перенесли огонь на копошащихся у колодца мятежников. Первыми же очередями значительная часть бандитов была уничтожена, остальные, беспорядочно отстреливаясь, отступили в темноту. А к утру душманское гнездо прекратило существование.

Когда смотришь на улыбочное, открытое лицо старшины Шевченко с узкими щелочками весело прищуренных глаз, трудно представить его в бою. Там оно, наверное, суровое, жестким становится взгляд. И если в будни — это добрый, по-настоящему отзывчивый и жизнерадостный человек, то в бою он — воин. Опытный, решительный.

— Я тогда только следовал к месту службы, а он возвращался из района боевых действий, — рассказывает офицер. В. Федоров. — Что сразу бросилось в глаза, так это его внутреннее спокойствие. И ловкость. Потом не раз вместе бывали в разных ситуациях. У Шевченко отлично развито тактическое чутье, очень метко стреляет... Однажды, когда были трудности с водой, он вызвался с саперной группой отыскать источник... Да, много всего было, не перескажешь. А так он обязательный человек. Во всем.

Мы сидим в палатке. В сделанной из бочки печке уютно потрескивают дрова. Шевченко гозорит:

— У меня жена и родители в одном городе живут. В отпуск вот поеду...

— А они знают о медалях?

— Нет, я не писал. Приеду — сами увидят. А приехать хочу неожиданно. Так интереснее.

Вот такая маленькая мечта. Но есть, конечно, и большая, главная — поступить в военное училище, стать офицером. И она наверняка осуществится, потому что старшина выбрал себе такую профессию. Однажды и навсегда.

(1987 г.)

ЧТОБЫ ПОЗНАТЬ СЕБЯ

«Многое, конечно, останется в памяти навсегда. Служба ведь тут очень непростая. И все-таки, самое главное, что никогда не забудется — это солдатская дружба, настоящее боевое братство».

(Из разговора с ефрейтором П. Чирвой).

Весь он какой-то основательный, надежный. Спокойные, неторопливые движения, такая же неспешная, глуховатая речь. И эта степенность, думается, передалась ему от родителей. Они работают в совхозе. Да и доармейская специальность Петра требовала терпения, выдержки. Учился он на регулировщика радиоаппаратуры. Наверное, уже здесь пришли к нынешнему лучшему гранатометчику подразделения выверенная точность и несуетливость рук.

Первые трудности начались в учебном подразделении. Тяжело было уже тем, что здешнее беспощадное солнце совсем не походило на ласковое солнышко там, дома. Но надо привыкать: место службы не выбирают. И Чирва привыкал, осваивал оружие и новую специальность гранатометчика. Бывало обжигался о раскаленное тело гранатомета: бывало, болели глаза от нестерпимого блеска ярко-желтого, почти белого песка. Белыми же разводами покрывались не успевающие просыхать гимнастерки. Так и шли дни — тактика, огневая, политическая подготовка, уставы, инструкции, наставления... Все увереннее держали новички оружие, все лучшие результаты показывали. До окончания учебного подразделения оставалось совсем немного...

Видимо, у каждого человека в жизни есть момент, когда он задает себе вопросы: «Что я знаю? Что могу? На что способен? И как это узнать? И где?» Ответы на эти вопросы дает сама жизнь, ввергая людей в дела и события, где каждый виден, как на ладони. Не исключение и Петр Чирва. И он хотел познать себя, чувствуя, что это открытие состоится именно в армии. Поэтому там, в учебном подразделении, он испытывал нечто сродни радости, когда случалось победить в себе отчаяние, даже слабость в трудные минуты, победить молча, по-мужски. И все же это было не то.

За несколько дней до выпуска все подразделение взбудоражила весть: желающие могут поехать слу-

жить в Афганистан. Едва услышав об этом, Чирва сразу понял: «Вот! Вот то, что нужно, чтобы познать себя!» В числе желающих оказались и несколько земляков.

... Афганистан его воображения не поразил. Такие же сопки и пески, такое же белое солнце. Почему-то казалось, что все здесь должно быть совсем другим. А на самом деле другими были дома в кишлаке, люди, живущие в нем. Другим был уклад жизни и службы подразделения, в которые попал Петр. Тут пришлось осваивать другую тактику, нежели там, в учебном подразделении. Так что служба в Афганистане тоже началась учебой. Наверное, оттого, что некоторые сверстники имели ранения и боевые награды. И оттого, что то, ради чего учились, было здесь рядом, близко, могло произойти вдруг в любую минуту. А Петра Чирву назначили вторым номером к опытному гранатометчику, у которого было что перенять. Чирва так и делал. Один коленкор — изучать оружие по наставлениям, на тренировках, на занятиях, другой — услышать о его боевых возможностях от воевавшего уже человека, который знает как его лучше применить. А вскоре подоспело для солдата и первое испытание. Тогда подразделение действовало в составе тактического десанта.

— Честно говоря, страшновато было, — вспоминает Чирва. — Я ведь в тот раз кроме всего прочего и на вертолете-то впервые летел. Ну... волновался, конечно. А потом смотрю — вон Андрей Волобуев сидит спокойно, вон Олег Марареску, а вон Юрий Ковальковский с Анатолием Галочкиным. И ничего! Все спокойно. Думаю: чем я хуже? В общем, тоже успокоился.

Высадились нормально и сразу заняли оборону, ожидая дальнейших команд. Ночью выдвинулись к месту, указанному афганскими войсками; накануне там пытались прорваться душманы. Однако, на этот раз все было тихо. Следующей ночью снова поменяли позиции — перебрались в кишлак. Сначала тишину нарушал лишь лай собак. Но едва ушли из кишлака машины сарбозов, как фиолетовое небо сразу перекрестили пулеметные и автоматные очереди бандитов. Вот тут и начался первый бой рядового Петра Чирвы. По его словам, сначала испугаться не успел — слишком быстро все произошло, а потом и некогда было боять-

ся. Магазины надо снаряжать, гранатомет разворачивать. Даже умудрился тогда позавидовать мастерскому владению оружием, которое демонстрировал в бою командир расчета. Там, где ложились гранаты после его выстрелов, уже не слышно было ответной стрельбы. Банду вскоре уничтожили, но никогда не забыть той пронизанной «трассерами» ночи. Тогда побежден был страх, потому что на следующий раз его уже не было. Пугает ведь неизвестность, а теперь Чирва мог примерно догадаться, что должно произойти.

О том, что служит в Афганистане, домой писать не стал: не стоит расстраивать родителей, заставляя их волноваться.

Пошла служба своим чередом, появился со временем опыт. Стал Петр Чирва ефрейтором и первым номером расчета гранатомета.

... День неудержимо клонился к закату, и, наконец, наступил момент, когда колонна остановилась на ночевку. Вокруг громоздились сопки. На них-то и разместились посты боевого охранения колонны. Гранатометчики быстро оборудовали себе позицию на вершине самой высокой из них. Она находилась в голове колонны. Между тем, наступила ночь. Правда, она была лунной, и вести наблюдение оказалось несложно. Вдруг из-за подножия сопки показалось что-то непонятное: то ли отара, то ли еще что... Чирва послал одного из солдат доложить офицеру, но скоро сам понял, что душманы. Они шли прямо на пост, где несли службу гранатометчики. Напарник вернулся быстро и вскоре в ночи вспыхнула яростная перестрелка. Ефрейтор Чирва уверенно жал на гашетку гранатомета: разрывы гранат ложились точно. Стрельба длилась считанные минуты, после чего мятежники, понеся потери, бежали с поля боя. Все стихло, но войны продолжали наблюдение, прослушивали местность. Тут на тропе раздался топот копыт — это шла лошадь, навьюченная тяжелым грузом. Она оказалась не единственной в этом душманском караване, который вез «помощь воинам ислама».

Радиостанция с известным во всем мире клеймом «поборников справедливости»; мины, чтобы мятежники подрывали машины с народнохозяйственными грузами: фотоаппараты, чтобы можно было сделать очередные фотофальшивки о «зверствах» солдат революцион-

ной армии; наркотики, чтобы, затуманив ими сознание, легче было грабить и убивать свой народ, наконец, инструкции, чтобы душманы знали как это делать изощреннее, кровопролитнее. Этот караван не дошел, и значит, спасены десятки, а может, сотни жизней. Те, кто его отправлял, не скупилась на боеприпасы.

Таких боевых эпизодов немало на счету воина-интернационалиста ефрейтора П. Чирвы, и каждый раз действовал он инициативно, хладнокровно, мужественно, за что неоднократно поощрялся командованием. Опытный воин награжден многими знаками воинской доблести.

Спокойный и отзывчивый, он никогда не отказывал в помощи. При этом, возможно, не услышать от него слов — не особенно разговорчив Чирва, но зато, будь уверен, поможет всем, чем сумеет. Да и как член комсомольского бюро, он не вправе был поступать иначе.

Вечером того дня, когда состоялся наш разговор с ефрейтором Чирвой, в подразделении прошло общее собрание. А незадолго до него я узнал, что там будут вручены грамоты за активное участие в комсомольской жизни подразделения. Не зная, кому именно, почему-то был уверен, что одна из них предназначалась Петру Чирве. Так оно и оказалось.

А когда мы заканчивали разговор, я напомнил солдату о его давно поставленной цели — познать себя. Что теперь он может сказать об этом?

Чирва ответил:

— Теперь, думаю, знаю себя.

Как много трудных и опасных дорог порой надо пройти человеку, чтобы потом он мог твердо сказать:

— Знаю себя.

(1987 г.)

КОМБАТ ЖДАНОВ

А вот и его дом. Сейчас он увидит своих девочек — жену, дочку, Олю и еще одну дочку, Надю, которая родилась уже без него. Поневоле ускорив шаги, Жданов шагнул во двор и сразу увидел Олю. Она каталась на велосипеде. «Выросла! — подметил Владимир, с радостью любуясь дочкой — Интересно, узнает?». Ведь когда он уезжал, было ей чуть больше полтора

лет. Но тут девочка усмотрела подходящего офицера, глаза ее восторженно округлились, она проворно соскочила с велосипеда и:

— Па-апа!

Быстрый топоток, и через секунду Жданов подхватил на руки подбежавшую дочку. Прижал к себе, а сказать ничего не может, комок в горле мешает. Да и то... Ведь полтора года человечка не видел. А впрочем, что там, любой отец поймет состояние Владимира Жданова, приехавшего в отпуск из Афганистана. Сколько раз он представлял себе этот приезд! И вот он дома... Но как долог и труден был путь домой.

Детство... Военным его, конечно, не назовешь, а все же... Гарнизоны, гарнизоны, гарнизоны. Отцовские дежурства, полеты, атмосфера дисциплины, подчинения, да форма, наконец. Все это исподволь входило в жизнь некой неотъемлемой ее частью, вернее, пока только неизменным, привычным фоном. Сначала было просто обыкновенное мальчишеское подражание отцу, вообще любому военному, потом это переросло в нечто большее, в желание не быть похожим на офицера, а быть им. Интересно, отец никогда не разговаривал с Володей на эту тему, но когда сын сказал ему о своем выборе, Анатолий Андреевич воспринял это как должное, и было видно, что в глубине души он очень доволен. Так же к намерению сына отнеслась и мать.

Но в жизни-то, однако, не все просто и не все сразу получается, да может, оно и к лучшему? Не поступил Владимир в военное училище с первого раза. «Трагедия» в общем обычная: по конкурсу не прошел. Да, только надо ли расстраиваться? Вот и Жданов не был огорчен, он же знал, что все равно, несмотря ни на что, будет курсантом военного училища. А пока... Пока Владимир пошел работать на завод.

«... И заводская проходная, что в люди вывела меня...» Помните эти слова из известной песни? А ведь, пожалуй, для многих это не песня, это — жизнь. Не исключение и Владимир Жданов. Никогда не уставал он слушать высокий гул больших токарных станков, нравилось смотреть, как раз за разом опускается на поверхность огромной детали гигантский «паяльник» контактной сварки, нравилось, наконец, ощущать себя полноправным членом заводского коллектива, так умело и сноровисто управляющего многочисленной по-

слушной и умной техникой. Вот тут и возникла у Жданова непреодолимая тяга к технике, к умным машинам и механизмам. (Пожалуй, эта тяга в значительной степени повлияла на выбор Владимиром военной профессии). Работал с удовольствием, в охотку, гордо причисляя себя к рабочему классу. Полюбился завод, но основной мечты собой, своими громадными корпусами, не заслонил. А что дал он Жданову? Да, видимо, едва ли не самое главное, — научил правильному отношению к труду. Ну а кроме всего прочего, сам Владимир был рад, что умеет обращаться с техникой на «ты». С рабочей закалкой появилась у Жданова твердая уверенность, что теперь-то он непременно поступит в военное училище, обязательно поступит и станет офицером. Да к тому же и на заводе времени не терял, готовился понемногу к вступительным экзаменам, налегая больше на математику, без которой артиллеристом стать невозможно.

А в училище курсанта Владимира Жданова назначили командиром отделения. А это тоже труд, еще какой. Так уж в армии установлено, что командир полностью отвечает за подчиненных. За их учебу, за их проступки. За все. А подчиненные разные, ох, какие разные. И как же надо работать, чтобы из этих разных людей сделать один крепкий воинский коллектив. Жданов работал. На третьем курсе стал заместителем командира взвода, возросла ответственность, но ведь и опыта у Владимира тоже прибавилось.

А потом стоял Жданов перед товарищами на собрании, где его принимали кандидатом в члены КПСС, стоял, отвечал на вопросы и страшно волновался. Предстоял выезд на учения, а по их окончании надо было ехать на стажировку. И теперь Владимир не имел никакого права на послабления. Впрочем, он его и раньше не имел, но теперь — особенно. Внешне этот переход в иное качество вряд ли заметен, человек сам, внутренне, сердцем и совестью определяет его степень. Но вот и училище позади. До чего же, однако, быстро все на бумаге получается. Несколько лет напряженного ратного труда, учебы, училищных будней уложились в два абзаца. Ну а что же дало теперь училище? Завод научил трудиться, училище — тому, чему и должно было научить: оно дало Жданову военную профессию и умение работать с людьми. А вот это, послед-

нее, пожалуй, главное для любой категории офицеров. Как ты сумел научить подчиненных, воспитать их, так и пойдет твоя служба. И нет тут никакого преувеличения. От этого в значительной степени зависит успех офицера. В этом Владимир убедился, едва успев прибыть в часть по окончании училища. И еще больше убедился, когда спустя полгода оказался в Афганистане. Вот где она началась, настоящая служба!

Шла она как у всех: от вершины к вершине, от ступени к ступени. Так три года. А за три-то года прошел Жданов «полный артиллерийский путь», если такое выражение допустимо, — от командира взвода управления до командира минометной батареи. И теперь все называют его звучным и твердым словом, коротким, как залп — комбат. А комбату от роду — 26 лет. Вот здесь, на самой высокой его ступени, приходится старшему лейтенанту Жданову труднее всего, хотя опыт уже даже по «афганским» меркам солидный. Опыт велик, да и ответственность немалая: столько людей и техники отданы под твою ответственность. Все надо знать и всех, кругом успевать. Вот такие проблемы стоят сейчас перед комбатом — «старым афганцем». Совсем иные вопросы терзали молодого лейтенанта Жданова, когда он впервые ехал в район боевых действий. Справятся ли он и его люди с поставленной задачей? И вообще, как там все будет? А было все так.

Прибыли в район, начали разворачиваться. Чувство? Обыкновенная, но очень неприятная неуверенность в своих силах, несмотря на хорошую подготовку. И страх... Нет, не за себя, — за свою артиллерийскую несостоятельность. Неужели осрамлюсь? Здесь ведь не полигон, и нет рядом преподавателей, которые могли бы подсказать. Так что давай, Володя, сам. Работай. Ну, что ж, начал работать. И ничего! Вроде все нормально, мины ложатся куда надо. Одна, вторая, третья... Залп, другой... Точно! И прошла неуверенность, а вместо нее поселилось в душе молодого офицера спокойствие. Перестал суетиться, командовать начал уверенно, как в училище. Пошло дело! В следующий раз уже намного легче было, а потом еще легче, а в один из «следующих рейдов» и произошел тот бой, за который комбат Жданов награжден медалью «За боевые заслуги».

Банда наседала на сарбозов яростно и упорно уже не первые сутки. Окружив афганское подразделение, душманы не хотели упускать добычи. А там уже подходили к концу боеприпасы, на исходе были топливо и вода. Когда стало ясно, что бандиты сами не отступятся, что без помощи с ними не справиться, командир сарбозов обратился за ней к советским воинам.

... Местность такая, что особо не спрячешься, да и задача стоит конкретная, не до «прятков». Когда, окутавшись облаком рыжей пыли, машина остановилась, Жданов тут же выпрыгнул в эту пыль и начал командовать. Пыль была не единственной помехой. По подехавшим минометчикам начали бить из «безоткатки» душманы. Дорого каждое мгновение. Солдаты понимали своего командира с полуслова, действовали споро-висто, быстро, не обращая внимания на бандитский огонь. А вскоре первые мины полетели искать свои цели. Завязалась дуэль. Впрочем, длилась она недолго. Сначала взлетело на воздух безоткатное орудие вместе с речетом, потом исчезла в грохоте оглушительного взрыва душманская машина, груженная боеприпасами, а после Жданов мотался по позиции, как капитан на мостике корабля, и охрипшим голосом «выдавал» бесконечные «прицелы», «угломеры» и другие «минометные» команды. С воем обрушивались мины на скопления мятежников и их огневые точки. Душманы тоже остервенело обстреливали батарею, чем могли. Но тут уж, как говорится, у кого нервы крепче. Не выдержав губительного огня минометчиков, оставшиеся в живых бандиты поспешно отошли. Афганское подразделение было спасено.

Жданов — старший в свое время тоже был награжден медалью «За боевые заслуги», так что достойным продолжателем династии оказался Владимир, а еще — достойным продолжателем традиций подразделения, в которое попал служить.

Итак, завод дал трудовую закалку, училище — умение, работать с людьми. Афганистан — боевой опыт. А служба? Что дает служба? Пожалуй, все сразу, но только с солидным довеском в виде тревог, дежурств, бытового неустройства и многого того, о чем знает любой человек, посвятивший себя армии. Известно и то, что, к сожалению, командирская мудрость приходит ко многим офицерам под занавес их службы в Вооружен-

ных Силах. А в Афганистане, пусть простят читатели за такой оборот, «военный зуб мудрости» прорезается гораздо быстрее. Условия здешние сильно способствуют этому. У Жданова, правда, далеко не все гладко было. Случались и промахи серьезные, и ошибки, вообще недостатков хватало. Но сумел офицер проявить волю, характер, перебороть свои слабости. Конечно, сыграло свою роль и настоящее мужское самолюбие. Отец-фронтовик всю жизнь честно служил, братья — тоже. А чем он, Владимир, хуже? Тем более, дорогу эту выбрал сам и идет по ней твердо. Сегодняшний Жданов с высоты накопленного опыта говорит:

— Своему преемнику скажу: работай со своими людьми и верь им. Тогда толк будет. Победа в бою — заслуга не столько офицера, сколько всего воинского коллектива. Вот об этом помни всегда.

Ну, а что же с тем отпуском? Да ничего, кончился он, что тут поделаешь, как любой другой. Так же быстро, увы. И надо было снова ехать в Афганистан. А перед отъездом, когда присели, по обычаю, на «дорожку», дочка Оля, та, что постарше, опечаленная новым расставанием с папой, тронула его за пуговицу и сказала потихоньку:

— А привези мне кулек конфет и... черепаху.

Вот такая просьба.

(1987 г.)

Я НЕ ОСТАНУСЬ В СТОРОНЕ

Вот и училище позади. Три года практических занятий, зачетов, экзаменов, производственной практики. Ну что ж, время не пущено на ветер: Павел — сварщик 4-го разряда, а ведь остальным выпускникам присвоен лишь третий. Так учился Мещеряков, что сдал экзамен на «отлично», так работал во время последней практики на заводе, что сочли правильным ходатайствовать в характеристике о присвоении классной квалификации на разряд выше, нежели положено выпускнику. Так привык, что все в жизни надо делать хорошо, набело, как говорится. Потому, что жизнь — не черновик, не перепишешь заново. А работал потом там же, где практиковался — на «Нефтезаводмонтаже». И нравилась работа, и нравились

люди, а там подошел и срок призыва в ряды Вооруженных Сил.

Повестки вручали торжественно, во Дворце культуры. Оркестр, цветы, напутственные речи. Тут и смех, тут и слезы, и гордость, и печаль — всего понемногу. Так уж водится... Многие заранее выбирают себе род войск, в которых хотели бы служить. Выбирают и стремятся попасть туда. А Павел стремился попасть в «хорошее место». (Именно так он выразился, когда мы с ним разговаривали). Что же это за место? Да любое! Лишь бы было настоящее дело, лишь бы не маячить бездельем. Вот, например, на флоте. Там все строго, у каждого свое самое важное дело, а все вместе — коллектив, боевой корабль, стремительный и грозный. Тем более, Павел Мещеряков серьезно занимался плаванием. А вот попал туда, где это искусство оказалось совершенно не нужным — сначала учебное подразделение в пустыне, потом раскаленные горы и пески Афганистана, куда поехал служить по желанию — интересно!

Первый же день поразил массой неожиданных, «восточных» впечатлений — резких, не совсем понятных, ярких. Даже сам прилет на «точку» ... Вышли из вертолета, а вокруг... люди сидят. В чалмах, с винтовками, пулеметными лентами опоясаны. Прямо — кино. Что подумаешь в первый момент?.. А оказалось, что это были бойцы местного отряда самообороны. Потом всех навичков познакомили с подразделением, показали опорный пункт, а вскоре уже определили молодых солдат согласно их воинским специальностям. Против ожидания не так уж долго длилось «сидение» на «точке». В один из дней в составе тактического десанта Павел вылетел в район боевых действий. До этого были тренировки. Выматывающие, интенсивные, до седьмого пота, когда казалось, что это уже и не тренировки даже, а самая настоящая муштра. Но Мещеряков понимал, что отданные на занятия силы — это залог его безошибочных действий там, на месте высадки, которое тут называют «площадкой»...

Из разговора с Павлом Мещеряковым:

— Каждый прыжок — новый. Одинаковых площадок не бывает. Вот сейчас уже сам учу молодых солдат, а помню по себе: объясняли мне, объясняли, натаскивали, учили. Конечно, сейчас уже намного легче.

Потому, что умею местность быстро оценить в тактическом отношении, определить хорошее место для позиции, ну и так далее. Все это, конечно, не сразу приходит.

...Мещеряков летел во второй партии. Вот вертолет завис над скалистой местностью. Группа высадилась. Вроде все спокойно. Павел подошел к позиции Николая Семенихина и увидел возле его пулемета пустую ленту. Оказывается, на них банда вышла. Была перестрелка. А группу, в которой Мещеряков находился, обстреляли, когда она шла через кишлак. Один из необитаемых, на первый взгляд, домов ошетинился вдруг огнем, хлестанул трескучими очередями в упор. Мотострелки быстро заняли позиции, открыли ответный огонь. Засевшие в доме душманы были уничтожены. А ночью группа ушла за кишлак и там оборудовала себе позиции. Но ночь прошла спокойно... Тогда был первый вылет в район боевых действий Другими словами, боевое крещение.

Одна «площадка», другая, третья... Кто их считал? Но каждый последующий прыжок отличался от предыдущего тем, что раз от разу становишься опытнее, решительнее, приобретаешь настоящие бойцовские качества, позволяющие не теряться, видеть поле боя осмысленно, поддерживать своим хладнокровием и уверенностью тех, кто пришел служить позже тебя.

...Прыжок! Разлетаются под ногами мелкие камешки. Бегом! Быстрый, оценивающий взгляд на бегу. Автомат наготове. Следом — товарищи... Отвалил вертолет. Сразу стали слышны очереди, тупые удары пуль о камни. Сюда! Теперь оглядеться. Есть! Что-то много их там копошится, густо бьют. Пулеметчику, перекрывая треск выстрелов:

— Вон, видишь? Группа! Туда давай!

Очередь! Еще очереди! Подхватился — к другому пулеметчику. Упал рядом.

— Вон, смотри! Видишь? Давай!

Сменил магазин. По обнаруженному Мещеряковым скоплению душманов бьют два пулемёта... После небольшой передышки бандиты вновь лезут, подбадривая себя гортанными криками. Оглушительно гремят выстрелы... С самого утра банда наседала, пытаясь прорваться. Отбросили.

А потом Павел Мещеряков стал заместителем сек-

ретаря комсомольского бюро. Конечно, активен, дисциплинирован, исполнительен. И все же, здесь не последнее место в оценке человека занимает то, как проявил себя в бою. Мещерякова в бою видели. Избрали единогласно. В таких, как он, не сомневаются. Таким доверяют.

Из разговора с заместителем секретаря комсомольского бюро подразделения Павлом Мещеряковым:

— Сразу ответственности больше стало. Не просто секретаря замещать, а такое часто случается. И бюро надо проводить и собрания вести, и мероприятия придумывать и организовывать. Да ведь хочется, чтобы они были интересными. Ну, например, прочитал как-то в журнале «Молодой коммунист» статью о перестройке. Очень все там просто, понятно, доходчиво было разъяснено. Вот и подумал: а что, если провести вечер... Ну не вечер, а... Да, в общем, дело-то не в названии мероприятия. Обсудили мы эту статью. Польза? Конечно. Мы же не просто обсудили. К себе, как говорится, примерили, выводы сделали. Вот и получается, что от этого простого мероприятия — самая реальная польза. А главное — всем было интересно.

Самое сложное в комсомольской работе, считает Мещеряков, суметь заинтересовать комсомольцев, найти такую тему, такое дело, которые с энтузиазмом были бы поддержаны всеми. А чтобы найти, надо искать. Ведь под лежащий камень вода не течет. Павел старается строить свою работу именно по такому принципу. И получается. Просто для этого надо работать и не опускать руки при неудачах. Вот, например, решил организовать и провести соревнование на лучшего стрелка. Все продумали, все подготовили, и вдруг — вводная. Что тут сделаешь? Служба прежде всего. Потом еще не раз пришлось отменить. Но все-таки мероприятие провели.

Но здесь, в Афганистане, по мнению Павла Мещерякова, легче работать с людьми, потому что они — сплоченный коллектив. Каждый научился подходить к жизни с особыми мерками. Тут все тянутся друг к другу, тут познают цену настоящего войскового товарищества. О тех, кто учил этому Мещерякова, он говорит, что вернись они вдруг, и он пошел бы с ними на любое задание. (Чем не фронтовое — я бы пошел с ними в разведку?). С этой стороны работать легче, но с дру-

гой — требования к тебе, как к комсомольскому активисту, тоже повышенные. А иначе здесь не потянешь, не сумеешь увлечь за собой людей. У Мещерякова получается. И теперь удивляться не приходится, что именно он был избран делегатом на комсомольский форум страны.

И вот уже позади это радостное, волнующее событие в жизни комсомола Страны Советов — съезд ВЛКСМ. Таким же событием явился он и в жизни одного из его делегатов — Павла Мещерякова. Никогда не забудется творческая атмосфера съезда, приподнятое настроение сотен юношей и девушек, энтузиазм, с каким принимались решения молодежного форума.

А в самый канун съезда Павел Мещеряков стал сержантом. Что ж, все закономерно. Организаторские способности плюс личная дисциплинированность, умение оценить обстановку. Словом, то, из чего и складывается настоящий младший командир.

А уже в Москве Павлу вручили знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». И это тоже закономерно.

Из разговора с делегатом XX съезда ВЛКСМ сержантом Павлом Мещеряковым:

— Впечатление, конечно, грандиозное! Такую зарядку на всю жизнь получил. Узнал много интересного, прежде всего, для комсомольской работы. Понятно беру, как говорится, на вооружение. Ну и потом, съезд — это для меня руководство к действию не только пока я служу в армии. Почему-то думаю, что и после увольнения в запас буду иметь дело с комсомольской работой. Да если даже и не буду, то все равно уже состоявшийся на съезде принципиальный, честный разговор не даст, что называется, спокойной жизни. Да я ее и не хочу. Просто не смогу быть в стороне от того, чем живет сегодня советская молодежь.

...Разговор наш закончился поздно вечером. Потом Мещеряков ушел, а я все еще как бы слышал его слова, сказанные твердо и убежденно:

— Я не останусь в стороне.

После того, что я узнал о Павле Мещерякове, уже не сомневаюсь: он действительно не окажется за бортом жизни, стремительно идущей курсом перемен. И куда бы он ни попал — вернется ли на «Нефтезаводмонтаж», пойдет ли учиться — все равно будет вожаком молодежи, то есть таким человеком, которому ве-

рят люди, за которым они идут. А что значит быть таким человеком? Это значит, занимать активную жизненную позицию, характерную для тех, кто прошел в Афганистане испытание огнем, потеряв в нем все наносное, ненастоящее, обретая одно общее для всех воинов-интернационалистов качество — Человечность. И Павел Мещеряков не исключение.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Павел Мещеряков награжден орденом Красной Звезды.

(1987 г.)

КРАСНАЯ ЗЕМЛЯ

Трудно дались эти три километра Сергею Корниенко. Он устал. От того, что за час проходил километр, от того, что не отпускало постоянное напряжение, от того, что уже были обезврежены три ребристых «итальянки», от бесконечности пыльной дороги, от того, наконец, что некуда да и некогда укрываться от немилосердного солнца. Корниенко работал. Сосредоточенно и привычно делал свое дело.

У Сергея оба деда воевали. Один из них погиб, другой пришел домой в сорок третьем году инвалидом. Танкистом был, горел. Через тридцать лет после войны нашла бывшего фронтовика награда — орден Красной Звезды. Только не любит ветеран про войну рассказывать. Мальчишкой Сергей никак не мог понять — почему, а вот когда сам попал на войну... Необъявленную, как говорят, но ведь войну!

— Помню, прибыли на «точку», — рассказывает Корниенко, — а вокруг все красное. Земля, песок, даже скалы. И такая тишина кругом, как будто здесь никогда никто и не стрелял.

Да, вот такими и запомнились первые дни. Тишиной поразили. Но это только первые дни. А потом нередко видел Сергей красную землю. Не от природы. От крови. Так было, например, когда погиб его друг и наставник сержант Ларин, обезвредивший за службу десятки мин. Он ошибся тогда. А у сапера права на ошибку нет. А ведь именно с Лариным Корниенко обнаружил и обезвредил свои первые мины. У него учился тяжелому ремеслу саперов, которые всегда идут

впереди. Так что понимает теперь Сергей деда. Как фронтовик фронтовика.

Нет, не громкое слово «фронтовик» для тех, кто служил и служит в Афганистане. Вот Корниенко говорит:

— Бывало всякое. Очереди автоматные в полуметре ложились. А то вот два БТРа оказались в кольце, и «духи» уже, может, трофеями их считали. Да только по-нашему все вышло...

Но были такие черные дни, которые даже твердых, волевых людей приводили в подавленное, мрачное состояние. И этого из памяти не вычеркнешь, даже если бы очень хотелось.

Вели колонну. Сначала все нормально шло, и вдруг — подрыв! А на следующий день — опять: у БТРа оторвало заднее колесо. Сами понимаете, как все это давит на психику. Проходит еще день — снова ехать надо. Снова впереди осторожно движется «саперный» бронетранспортер. Как всегда Сергей ехал на «броню», готовый в любую минуту соскочить на землю при малейшем намеке на минированное место. Теперь снова пусть рассказывает Корниенко:

— Стали на колею, начали движение. И тут смотрю — на колее еле заметно выделяется пятно — почва потревожена. Взял щуп и — туда. Не ошибся. Это была «итальянка» с детонирующим шнуром и дополнительным зарядом. В общем нетрудно представить, что было бы...

... Спускались с сопочки на БТРе. Дороги не было, сопочка случайная. Кто бы мог предположить? Громыкнуло резко и коротко, без эха. «Подлетели!» Сергей получил контузию. «Приобретение», впрочем, для сапера неудивительное. Да что говорить, служба — не мед. А Корниенко вскоре после этого пишет рапорт о своем желании продолжить службу прапорщиком. Ему с готовностью пошли навстречу. И дело было не только в том, что считался Сергей в подразделении одним из самых опытных.

Молодой коммунист, член комитета ВЛКСМ подразделения, секретарь комсомольского бюро взвода, авторитет имеет прочный. Во многом благодаря ему во взводе создана крепкая партия.

— Главное, его не надо подгонять, — говорит о Корниенко политработник подразделения офицер А.

Чмыхайло. — Если скажем, в коллективе возникла какая-либо критическая ситуация или замечены нарушения дисциплины, Корниенко не дожидается указаний сверху, сам собирает людей, проводит с ними работу. Способен поставить на место каждого, у кого, как говорится, отклонения намечаются. Словом, дельный помощник, на которого действительно можно положиться.

Вот так. А до этого был Сергей командиром отделения. Во главу угла своей работы ставил личную примерность, требовательность, прежде всего к себе. Стал прапорщиком ответственность возросла. Но ее Корниенко не боится, не привык. Ведь еще в бытность свою мастером производственного обучения отвечал за 15—16-летних подростков, а это, поверьте, далеко не самая благонамеренная аудитория. И ничего, отлично справлялся, хотя не на много старше своих учеников был.

Служба продолжается. Красная эта земля проверила Сергея Корниенко на прочность. Он награжден медалью «За отвагу».

(1988 г.)

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

«1966 год. Февраль. Молдавская ССР, г. Дубоссары. СК-250 — 6.300 шт., калибр снаряда-88 — 3.000 шт., калибр мин-81 — 5.200 шт. Итого: 14.500 шт. Немецкие. Старший группы — старший лейтенант Бир В. С.»

«1967 год. Май. г. Тюмень. Снаряды трехдюймовые, 12.200 шт. Старший группы — капитан Семенов В. К.»

(Из записной книжки подполковника В. Полунина).

Эту книжечку, тоненькую, в синем клеенчатом переплете Виталий Осипович ведет давно, еще с училища. Она имеет свое название: «Учет ликвидации взрывоопасных предметов», в ней заполнены всего два листа. На этих листах — короткие, выразительные записи о количестве разминированных снарядов, мин, фугасов, одним словом, «взрывоопасных предметов».

Вот вопрос: почему все-таки инженерное училище? Что определило этот конкретный, без тени сомнения выбор? Курсант военно-инженерного училища имени маршала инженерных войск Прошлякова. Трудно? Да, наверное, не трудней, чем в любом военном училище.

Ответственно? Бесспорно. Если даже взять стажировку. Первое разминирование было именно на стажировке, когда под городом Дубоссары обнаружили склад немецких мин и снарядов. Там Виталий Полуниин «работал» не с макетами в учебной аудитории. Тысячи ржавых болванок из отменной крупновской стали со взрывчаткой внутри. Из отменной стали... Но ведь шел 1966 год, и ржавчина неумолимо точила металл с... 45-го (43-го, 44-го?) года. Каждый снаряд, каждая мина, как ловушка, готовая сработать неожиданно, страшно и необратимо. Четырнадцать с половиной тысяч ловушек... для первого раза. Вот тогда и появилась в совсем новенькой записной книжке короткая запись: «1966 год. Февраль...»

После училища — командир инженерно-саперного взвода, потом роту принял и, наконец, «в начальники выбился» — возглавил инженерное отделение части. Все как полагается: кабинет, телефоны... Да только «кабинетным начальником» Виталия Осиповича никак не назовешь. Сам он смеется по этому поводу: «Вот уж этого не было никогда!». А что было? Работа. Конечно, жизнь шла своим чередом. Будни, праздники, отпуска... как у всех. И все же во многом ее течение определяла работа. Она срывала в длительные командировки, она вновь и вновь сталкивала один на один с затаившейся в металлической скорлупе смертью. Нет, конечно, что рядом были люди, солдаты. Но когда они смотрят перед началом очередного разминирования, смотрят на тебя, старшего группы, как на бога, ты остаешься один. Ты, твои знания, опыт и твои руки. И надо начинать. И никак нельзя отложить на завтра.

— Это страшно каждый раз. Но ведь надо, — говорит Полуниин. — Тут главное, начать... Когда работаю, страх уходит, ответственность остается. Ну а потом, после первой обезвреженной мины, легче становится, увереннее себя чувствуешь. Солдаты это видят, они в тебя верят и работают спокойно.

«1984 год. Октябрь. 42.000 шт. Старший группы Полуниин В. О.».

«1985 год. Июнь. 34.200 шт. Старший группы Полуниин В. О.».

(Из записной книжки подполковника Полунина В. О.).

... Афганистан. Пыльные дороги, вязкие от грязи дороги, песчаные дороги, каменистые дороги; душман-

ские схроны, душманские базы: мины «сюрпризы», мины-«ловушки», «просто» мины, фугасы; нажимные, контактные, на растяжках. Немилостивого аллаха верные сыновья под руководством профессионалов-инструкторов изошряются. Все идет в ход. Даже бельевые прищепки, даже высушенные бычьи пузыри. Здесь для сапера всегда работа есть, здесь для него академия, здесь или пан, или пропал — третьего не дано.

... Еще не рассеялась пыль, поднятая огнем налетом, а «борты» уже зависли над площадкой. Отползла в сторону дверь — в проем хлынул еще громче грохот, пыльно-желтый свет дня, ветер. Пошла группа захвата! Первым прыгал командир взвода, за ним — Полунин, следом посыпались солдаты. Они тут же веером разбежались по площадке, занимая оборону. Отвалия вертолет, и стала слышна со всех сторон частая стрельба. «Духи» били по месту высадки из автоматов. А крупнокалиберный пулемет молчал, потому что группа захвата так внезапно свалилась сверху прямо на позиции, что мятежники — расчет — едва успели схватиться за автоматы. Но ненадолго. Были пленены. А сейчас стрельба с обеих сторон все нарастала. Ну а что же Полунин? Да ничего. Полунин занимался своим делом. Только вот когда он успел его найти?

Сразу. Как стал на долю секунды в проеме, готовясь к прыжку, так и увидел блеснувшую на солнце проволоку. Кто-нибудь другой, возможно, и подумал бы о чем-то другом. Саперу же могла прийти в голову одна-единственная мысль на этот счет. Она и пришла. «Растяжка! Там что-то заминировано!» Вот так и получилось, что сразу после высадки Полунин приступил к своей непосредственной работе.

Это были фугасы. Несколько штук. И подготовлены они были именно для десанта. Большое количество взрывчатого вещества в пластиковых пакетах, бычьих пузырях. К ним прикреплены мины, выстрелы от гранатомета и даже просто камни. Стоило только задеть растяжку, которая, кстати, держалась на бельевой прищепке, и соединенные детонирующим шнуром фугасы, взорвавшись, накрыли бы осколками большую площадь. Хорошо Полунина наметанный глаз не подвел.

А сейчас вернется ненадолго в кабинет Виталия Осиповича. Вот он выкладывает на стол латунные брусочки с кольцами, какой-то деревянный маленький

ящик с толстыми стенками и обрывками проводов, плоскую черную коробку из пластмассы с тумблерами наверху. Небольшая такая экспозиция на тему подрывного «искусства». В латунные брусочки ввинчиваются детонаторы душманских мин. Ящичек с нарисованными на дне плюсами-минусами для круглых батареек, с пружинами и проводами — замыкатель для самодельной мины. А вот черная коробка — отнюдь не самоделка, о чем и свидетельствует знакомое всему миру клеймо: «Мейд ин Ю-ЭС-ЭЙ». Это так называемая «адская машинка» — блок управления для подрыва заряда на расстоянии.

«1987 год. Сентябрь. 6.200 шт. противотанковых мин».

«1987 год. Декабрь. 7 схронов, 3 опорных пункта. Реактивных снарядов — 1054 шт., противопехотных мин — 30, противотанковых — 60, снарядов 57 мм. — 79 шт., 76 мм. — 92 шт., 82 мм. — 80 шт., взрывчатого вещества — 500 кг, 16 фугасов».

(Из записной книжки подполковника В. Полунина).

... Тогда совместно с афганскими войсками брали крупную душманскую базу. Вот где пришлось попотеть саперам. Мины были установлены везде, причем установлены на неизвлекаемость. В таких случаях от саперов требуются особая осторожность, железная выдержка. Полтора часа шло разминирование... Представьте, что вы полтора часа просидели на бочке с порохом. Фитиль горит, вы это знаете, но не видите его и не догадываетесь о его длине. Может, полчаса до взрыва, а может... Тут, конечно, фитиль не горел, но ведь и Полунин не сидел, он работал, и каждое движение было безошибочным. Сомневаться не приходится. Ошибка сапера, как известно, незамеченной не останется. Припоминается Виталию Осиповичу и другой раз, когда в каждом схроне саперов ждали ловушки. И ничего, ни одна не сработала. Тогда ему помогал Сергей Панасенко, один из учеников подполковника Полунина, которых сейчас, пожалуй, трудно будет всех перечислить, много их.

... Есть такой нагрудный знак «За разминирование». Им награждают после того, как количество обезвреженных «взрывоопасных предметов» перевалило за 9.000. Полунин награжден им. И орденом Красного

Знамени, и орденом Красной Звезды, и медалями... А со знаком все-таки интересно. Ведь если награждать им после каждых 9-ти тысяч, то у Виталия Осиповича Полунича их должно 10 тесниться на груди, потому что на его боевом счету около 100.000 (1) обезвреженных мин, снарядов, фугасов, взрывных устройств. Надо ли искать этому нешуточному количеству смертей эквивалент в хиросимах? Вряд ли. А вот скольким спасенным человеческим жизням эквивалентно это число? Кто скажет? Вот вопрос.

(1988 г.)

ДОРОГИ ДРУЖБЫ

Встречи в пути... Наверное, так можно было назвать этот очерк. Несколько дней длился агитационно-пропагандистский рейд.

Многими дорогами пришлось пройти и проехать его участникам. Пока не всегда и не везде безопасно ездить в Афганистане. Но настанет время и назовут их благодарные афганцы «Дорогами дружбы»...

Сложный кишлак

О проведении совместного агитационно-пропагандистского рейда было договорено заранее. Теперь же, по ходу дела, возникла необходимость уточнить некоторые детали. Вечером к палаточному городку подъехали афганцы. Их БТР, развернув башню, остался у въезда в городок. Гостей проводили в палатку. Туда же прошли офицеры-переводчики... Брезентовый полог откинулся через час. Итак, решено: рейд начинается завтра утром. Идем в один из ближайших кишлаков. «Сложный кишлак», — сказал один из переводчиков. Вскоре афганский БТР скрылся за барханами.

Утро оранжевое, раннее, но прохлады уже нет. Такое ощущение, что раскаленные пески не успели остыть за ночь. Машины, идущие в рейд, уже вытянулись в колонну. На головной укреплен красочный плакат с белой вязью арабских букв, советский и афганский государственные флаги. Наконец, все занимают свои места, воздух наполняется шумом двигателей и плавающими сизыми облачками выхлопных газов. Вперед! Колесна потянулась в пески.

...Кишлак расположен в оазисе. Из-за купы высоких деревьев виднеются саманные дома с характерными трапецевидными башнями. В стенах башен чернеют узкие окна, похожие на бойницы. Подъезжаем к окраине. Там, на въезде в кишлак, стоит у самого дувала стайка мальчишек. В глазах — любопытство и настороженность. В позах — готовность задать стрекача, если что... Машины останавливаются, их на минуту укрывает напалзающая пелена пыли. Когда она рассеивается, видим одного из «вчерашних» афганцев. Это товарищ Каюм — заведующий отделом пропаганды уездного комитета НДПА. Здравуемся, а потом в дело вступают переводчики. Каюм показывает рукой вдоль узкой, змеящейся меж высоких дувалов дороги. Агитмашина трогается с места, ветерок колышет флаги.

Встали в тени старого раскидистого тутовника. Каюм протянул две магнитофонные кассеты, и через пару минут в сонной тишине кишлака зазвучала афганская музыка. Солдаты устраивают агитуголок: развешивают плакаты, рассказывающие о жизни среднеазиатских республик в Союзе, раскладывают красочные книжки; из машины выгружают большие ящики. В них — подарки от советских ребят — игрушки, школьные принадлежности, даже детская одежда.

За Каюмом идем по тенистой улочке, ведущей к базару. Именно там должен состояться митинг.

Против ожидания, крохотная базарная «площадь» почти пуста. В луканах сидят на циновках возле своих товаров торговцы, глядят настороженно и тут же отводят глаза, если на них смотрит кто-нибудь из участников рейда. А товары разные: самодельные конфеты, яблоки, батареи разнокалиберных пузырьков с яркими наклейками, бараньи туши, китайские фонарики, медикаменты. Последние, кстати, стоят в Афганистане дорого, и поэтому тот, у кого много лекарств, считается человеком зажиточным. Мы стоим рядом с одним из луканов. Здесь, под навесом, вместе с отцом сидит паренек лет двенадцати. Вот интересно: одежда на нем старенькая, латаная-перелатаная, но из-под рукава выгоревшей на солнце, синей когда-то рубахи, видны электронные часы в черном пластиковом корпусе с таким же ремешком. Контраст — разительный!

В середине утоптанного, присыпанного соломенной трухой майданчика стоит грузовик. Кузов — произве-

дение искусства. Доски изукрашены чеканкой, рисунками, металлическими бляшками, разноцветными шерстяными кистями и просто лентами яркой материи. Верный признак того, что грузовичок — частный. Да и на его номерном знаке видны буквы — «шахси», что как раз означает — личный».

Между тем, народу немного прибавилось. Правда, большей частью за счет вездесущей ребятни, привлеченной звуками музыки и появлением незнакомых людей. Держатся малыши, однако, на всякий случай, в некотором отдалении от нас, с любопытством поглядывая на стоящие под навесом ящички. Да и почтенные «аксакалы», забывая порой свою восточную невозмутимость, бросают под навес быстрые, но все же полные достоинства взгляды. Но общее выражение глаз почти у всех присутствующих жителей кишлака одно — страх. Затаенный, скрываемый, но тем не менее явно видный. Кого они боятся? Нас? Каюм объясняет. Здесь же так давно была банда. Убили несколько человек. Пригрозили, чтобы с «шурави» — никаких контактов. Банду отогнали подразделения «царандоя», но люди запуганы...

...Выйдя на середину «площади», Каюм начал говорить. Собственно, даже нам было понятно, о чем идет речь. О борющейся стране, которой мешают строить новую жизнь; о дружбе с СССР, который оказывает безвозмездную помощь (жест в сторону ящичков), о необходимости учиться, чтобы уметь читать коран (жест на стойки книг, тетрадей и горку карандашей, линеек). Он говорил. Его слушали. Внимательно слушали, но старались, чтобы это не бросалось в глаза, опасались проявлять интерес. А в голосе пропагандиста уже начали появляться хрипы. Все чаще он прокашливался, но продолжал. Громко, напористо.

И тут меня незаметно толкнул в плечо переводчик:

— Смотри, «аминь» держат! — негромко, но с досадой сказал он и кивнул на сидящих под навесом слушателей.

Я не понял, о чем речь, но глянув на афганцев, увидел, что все они (даже дети!) держат перед собой руки ладонями вверх, как бы собираясь сделать священное «омовение» после еды. В чем дело? Но тут Каюм, заторопившись (он тоже заметил «аминь»), заканчива-

ет речь, воздев руки к небу, «омывает» ими лицо и говорит:

— Амны!

За ним то же самое с явным облегчением делают остальные. Вот и пойми: или это принятый в Афганистане жест, призывающий оратора к краткости, или знак тому же оратору, что суть его выступления ясна и можно заканчивать. Но так или иначе. Каюм уже перешел к «неофициальной» части. Нормальным, «непропагандистским» голосом он, устало улыбаясь, подзывает мальчишек.

Но малыши, переминаясь с ноги на ногу, стоят на месте. Гипнотизируют игрушку взглядами и... стоят. Наконец, самый маленький несмело шагнул вперед. Каюм протянул ему машинку. Все! Она у мальчугана в руках. И ничего не случилось. Взрослые молча и настороженно наблюдают за происходящим. Потом пожилой афганец, взяв за руку совсем еще крохотную девочку, ведет ее через притихший базар туда, где возле ящиков под навесом стоят вперемешку наши солдаты и сарбозы. Девочке дают куклу, и ребенок радостно, во весь рост, улыбается... А через несколько минут возле ящика с игрушками становится тесно от ребятни. Взрослые оживленно переговариваются, но по-прежнему остаются на своих местах. Действительно, «сложный кишлак»...

В тени одного из навесов развернул свой медпункт доктор Тамаров. Но, против ожидания, никто не спешит к нему, и наш добрый «Айболит» мается без работы, то и дело протирая платком толстые стекла очков. Потом только, спустя час, а то и больше, подходит к медпункту улыбающийся, похожий на Щукаря старик. И видно, не столько из необходимости лечиться, сколько из любопытства, усаживается перед Тамаровым на цинковку. Засучив изрядно потертую снизу штанину, он тыкает грязным пальцем в худое, но вполне здоровое на вид колено. Но доктор начинает лечить, и через пару минут колено расцветает какими-то белорозовыми присыпками. Довольный дед, не хромая, с достоинством удаляется. Еще пациент, еще... И все. Как отрезало. Тамаров протирает очки. Сложный кишлак...

Офицер Доронин вместе с переводчиком подходят к Каюму.

— Давай, скажи, пусть идут к грузовой машине. Будем керосин давать.

Переводчик произносит несколько гортанных фраз, Каюм кивает и обращается к дехканам, поминутно укаывая рукой на машину и произнося при этом: «петроль» — керосин.

— Керосин — дефицит, поясняет мне Доронин. — Должны пойти. Давай-ка тоже к машине двинемся. Посмотрим как дела пойдут.

Мы ждали полчаса. Никого. Потом с кувшинами подошли робко два пацана. — Видал? Детей послали! А сами боятся, — с горечью констатирует Доронин. — Боятся. Говорят, что душманы разрешили брать керосин у «шурави» только мулле да старосте. Вот такие дела. Ну да ничего еще не вечер.

Мальчишек с ведрами и банками становится все больше. Они подталкивают друг друга вперед. У многих в руках подаренные только что карандаши и линейки. Солдат в машине наполняет первый кувшин. Ну, здесь вроде бы заладилось. А вот оборудованный на одной из машин агитуголок по-прежнему пустует. Там только несколько сарбозов рассматривают яркие иллюстрации на плакатах. Доронин берет плакат и идет к детям. Те отступают испуганно, но когда офицер разворачивает большой лист с картинками, останавливаются, потом несмело приближаются и с явным интересом начинают рассматривать изображенные на них улицы советских городов, поля, сельхозмашины, лица счастливых людей.

— И у вас так будет, — говорит Доронин. — Переведи! — оборачивается к солдату-переводчику. — Только для этого надо учиться, понимаете? Ты переведи... Ну вот. Видите? Это школа. У нас все дети умеют читать и писать. А вот в таких домах живут. Это — магазин... Дукан, значит. Вот ты умеешь читать? — обращается к одному из мальчишек лет девяти. Тот, выслушав перевод, отрицательно качает головой. — Ну ничего, скоро у вас построят школу, будете учиться. Мальчик недоверчиво смотрит на Доронина. — А это... Это возьми себе. На память.

Малыш крепко прижимает плакат к груди и спешит затеряться среди своих сверстников. Сложный кишлак.

В улусвольстве

По асфальту ехать — одно удовольствие, которое особенно ценится после долгого «плавания» по сыпучему морю пыльных песков. А кроме всего, еще и интересно. Навстречу то и дело попадаются «шедевры». Так в шутку называет изукрашенные снизу доверху афганские машины офицер-переводчик Руслан Мирзаев. Ничего не скажешь, и впрямь — шедевры. Или тянутся нескончаемые вереницы машин «Афсотра» — совместного афгано-советского общества транспортных перевозок. А через полтора часа пути наша колонна останавливается. Там, впереди, — пост царандоя, и перед полосатым шлагбаумом уже скопилось несколько «шедевров». Их проверяют царандоевцы. Хоть и не в пример реже пытаются душманские пособники теперь провозить в таких вот грузовиках оружие, но все же случается. Поэтому проверке этой удивляться не приходится. Но вот трогаемся дальше. Погода между тем испортилась. Задул «афганец». По асфальту змеится песчанная поземка. При резких порывах ветра песчинки секут лицо. Их швыряет целыми горстями, если навстречу проносятся, резко обдавая горячим воздухом, огромные рефрижераторы.

— Все, кончилась малина, — сказал один из офицеров: машины одна за другой ныряли с насыпи вниз, на дорогу, уходящую в дымящиеся от ветра барханы.

...Белое, тусклое сквозь пелену пыли солнце. Техника потеряла свой привычный зеленый цвет — тоже белая. Волосы людей — «седые». Зной, пыль, раскаленный металл, натруженный рев машин. Идем через пески. Время остановилось. До улусвольства, куда мы держим путь, вроде бы небольшое расстояние, но километры даются трудно.

Потянулись кишлаки. Дорога проходит рядом с каким-то фантастически нескончаемым высоким дувалом. Он отражает поднятую колонной пыль и она неподвижно клубится в воздухе. Когда въезжаешь в такое непроницаемое облако, закрываешь глаза — не так «страшно дышать». Вместо лиц теперь — грязно-бурые маски. Но все приободрились, потому что до цели уже недалеко. Вдруг головная машина остановилась, кивнув длинным прутом антенны. Спрыгиваем на землю, идем вперед разузнать, что случилось. Вдруг — команда:

— Наводчики! Внимательно смотреть.

Дрогнули башни боевых машин, стволами уставились в заросли, которые вплотную подступают к дороге.

...Разобран мост через арык. Душманы нередко делают завалы на дорогах, или, вот как сейчас: разбирают мосты, когда устраивают засады. Поэтому офицер С. Шишин, подавший услышанную нами команду, назначает еще и наблюдателей. Те с автоматами наизготовку занимают указанные им позиции. А у моста уже идет работа: мелькают лопаты, кирки, кладутся снятые с машин бревна («устройства для самовытаскивания»). Через полчаса это препятствие остается позади.

...Улусвольство обнесено с четырех сторон глинобитной стеной с бойницами. По углам — сторожевые башни, где и сейчас несут службу сарбозы. Тихо. «Афганец», наконец, выдохся. Наши пропагандисты пошли обговаривать с представителями местной власти план предстоящей работы. Мы отдыхаем от грохота, грядки, пыли... Только от жары по-прежнему некуда деться. Время перевалило за полдень.

...А когда спал, наконец, зной, мы поехали в улусвольство уже из лагеря, оборудованного в некотором удалении от близлежащих кишлаков. Это, как говорится, ознакомительный визит. Собственно работа начнется завтра.

Офицер Ю. Шовковский говорит:

— Вот увидишь, здесь будет совсем иная картина. Здесь рейды уже проводились.

А в общем-то и тут далеко не спокойно. Известно, что в округе действует банда муллы Вали; что год назад душманы убили у улусвола женщину и ребенка: что они нередко грабят окраинные кишлаки улусвольства. Но нет все же у местных дехкан того страха, какой довелось увидеть в первом кишлаке, где мы были. Поверили люди в новую лучшую жизнь.

...Вечер. Возле здания, где размещаются представители власти, собрались сменившиеся с наряда сарбозы, дехкане, детишки. Прапорщик Березкин вытаскивает из машины переносной телевизор «Юность» и ставит его на принесенный кем-то из афганцев стул. Люди тут же рассаживаются вокруг. Завороженно глядят на мер-

цающий экран малыши, взрослые — с детским интересом. Телевизор в Афганистане — предмет пока редкий.

Утром, после небольшого митинга, глазам представилась действительно совсем не похожая на первую картина. Люди улыбались, охотно разговаривали, с большим желанием брали школьные принадлежности, откровенно радовались подаркам. К молодому доктору Ростиславу Бердову — настоящее полонничество. (Поневолу вспомнилось, как никто не хотел идти к Тамарову). Врач давал таблетки, смазывал раны, делал перевязку. Он работа. Одним из его пациентов был двенадцатилетний мальчуган со сквозным пулевым ранением. Душманам безразлично куда и в кого стрелять. Лишь бы платили. А платят хорошо. Потом я спросил у Бердова, с какими болезнями в основном обращаются?

— Да в общем, «набор» невелик. Глаза, животы, кожные болезни. А вывод один. Был бы постоянный медицинский уход, большинство нынешних больных здоровыми бы уходили.

...В улусвольстве оставили все имеющиеся брошюры, книжки и плакаты. Афганцы довольны, приговаривают: «Биснор хуп» — очень хорошо. Но больше всех, конечно, рады дети. Да оно и понятно: в руках красивые яркие игрушки. Кто знает, что запомнится малышам из их, прямо скажем, нелегкого детства? Но, думаю, ни дня этого, ни этих игрушек они уже не забудут.

Не упрощать!

Колонна идет в обратный путь, рейд завершен. Мы побывали в двух очень непохожих друг на друга кишлаках. А как было бы в третьем, четвертом?.. Сложно сказать. Страна идет к новой жизни курсом политики национального примирения. Одни принимают ее с радостью, другие, отщепенцы, — в штыки, третьи — выжидают. Трудно жить в сегодняшнем Афганистане. И также непросто дать оценку увиденному в рейде. Да и не надо упрощать, нельзя. Революция просто не делается, а сложнее всего ее отстоять. И я верю, что афганский народ найдет в себе силы довести начатое дело до конца.

Ровно работал двигатель машины, летела под колеса серая лента шоссе, а я вспоминал лица афганцев.

Разные лица. Решительные, испуганные, довольные, смеющиеся, угрюмые, гордые, равнодушные... Разные... Я еще раз подумал: «Нет, упрощать нельзя!»

(1988 г.)

НАЧАЛО ПУТИ

Колонна медленно тащи́лась между зализанных ветром, выжженных свирепым солнцем сопок. Транспортные машины, потом боевые, снова транспортные, снова боевые. Сергей, шурясь от яркого света, покачивался возле башни бронетранспортера, где укреплен был его безоткатный работяга-гранатомет. «Мирошниченко — наводчик гранатомета». Давно уже, несколько месяцев, звучит фамилия Сергея с этой неперемнной присявкой. И сейчас время от времени он поглядывает на куций ствол, запыленный, но все же пробивающий бурый налет вороненым блеском, на темно-зеленую «улитку» снаряженного магазина гранатомета. Горячий ветер, рев двигателей, ослепительный блеск дня — в глаза, тягучее время... И нескончаемые плешивые сопки.

...Рвануло оглушительно, обожгло раскаленным душным воздухом, сорвавшим с бешеной силой с брони. В следующую секунду тяжело ударило об землю и яркий блеск полудня померк. Сколько это продолжалось, Сергей не понял. Сплошной треск очередей подхлестнул его. Мирошниченко вскочил и, пошатываясь, побежал к дымящемуся, замершему на дороге БТРу. На ходу подсознательно «сфотографировал» в памяти искаленную машину с оторванным взрывом двумя задними колесами, развороченным бортом. Когда привычно влезал на броню, по ней гулко пробарабанила остервенелая стая пуль, заглушив на секунду высокий несмолкаемый звон в ушах. Били со всех сопок. Это была, без сомнения, засада. Ждали душманы именно транспортную колонну.

Сергей навел гранатомет на вершину ближайшей сопки, надавил на горячую гашетку — спустя секунды там, где искрились вспышки выстрелов, выросли косматые султаны взрывов. Сопка сразу замолчала. Мирошниченко перевел ствол на другую, краем глаза не без некоторого равнодушного в тот миг любопытства увидев «пробежавшую» рядом с БТРом торопливую

очередь. Дернулся последний раз и смолк гранатомет. И не было второй «улитки». Но никак нельзя было прекратить огонь, и Сергей, схватив автомат, двигаясь к люку, длинно поливал свинцом вражеские вершины. Из кюветов, из-за израненного БТРа вели огонь его товарищи, которым он в самом начале боя дал драгоценное время, чтобы прийти в себя.

...В ноздри остро шибануло дымным смрадом. В десантном отделении — беспорядочные клочья спальных мешков, налипшая на броню тушенка из сухого пайка, еще что-то трудно узнаваемое. Но Сергею нужны лишь боеприпасы. Вот ладонь легла на знакомые концентрические круги на гранатометном магазине. Теперь — скорее наверх! Снова затянуло пыльными разрывами вершины... Продолжалось все это минут десять, а может дольше — кто их считал, эти минуты. Чья-то бесконечная пулеметная очередь подвела черту этому бою, и стало тихо. Будто ничего и не было. Дымился БТР... И вот тут Сергей явственно ощутил как слабеют ноги, подгибаясь в коленях. Это догнал его, наконец страх. Нормальный, человеческий, о котором и забыл совсем, пока вел бой. Кто-то окликнул: «Как ты, Серега?» Ответил, слыша свой голос, как сквозь вату: «Нормально» и, пересиливая тошноту, пошел помогать перевязывать раненых афганцев-сарбозов. И снова пылит между сопок колонна. Настороже...

Госпиталь, конечно, не лучшее место для раздумий и воспоминаний. Но с другой стороны, по собственному желанию туда никто и не попадает. Ну, а раз уж попал, почему бы и не повспоминать? Сначала мысли чаще возвращаются к последнему бою, и тогда снова начинает тонко пищать в ушах, а ладони даже чувствуют ребристые рукоятки гранатомета. Так было в первые дни. А потом, все чаще, исцеляюще и ярко стали всплывать в памяти «довоенные» картинки. Сергей лежал на спине и, глядя на побеленный потолок, видел не причудливую паутину мелких, еле приметных трещинок, а отчетливые, так по-инному оцениваемые теперь эпизоды недолгой пока жизни. Вот отец попросил его серьезно (как взрослого!) отогнать трактор в парк. Это было в пятом что ли... или даже шестом классе. Да, кажется, в шестом. Водить трактор тогда уже умел. А все же мал был. Растерялся немного и загнал машину в поливной арык. Здорово, помнится, испугал-

ся тогда. Да нет, не гнева отцовского, а того, что не разрешат больше за рычаги трактора сесть. Тогда пришлось оставить, отбросить срочно и аварийно свое детское мироощущение, приличествующую возрасту беззаботность, взяться за лопату и, поплевав на ладони, ожесточенно копать, чтобы трактор смог выехать из арыва. Пожалуй, тогда впервые преодолел себя, подавил свой испуг, сумел с честью выйти из трудного положения. Отец даже ничего не узнал. Да-а... Смотри-ка, сколько лет прошло, а помнится, будто вчера. А вообще-то столько всего было, что поневоле забудешь многое. Но только не главное. А что главное? Вот школа. Был членом бюро ВЛКСМ класса. Справлялся со своими обязанностями хорошо. А впрочем, чего там! Отвечал-то за спортмассовый сектор. А так как сам увлекался вольной борьбой и просто любил спорт, то поручение было не в тягость. Ну, а раньше?

Раньше, чего греха таить, далеко не пай-мальчиком был. Скорее такой, о которых говорят — сорванец! И кто знает, по какой дорожке пошел бы Сережа Мирошниченко, не оказавшись в его жизни одного очень хорошего, по-настоящему доброго Человека. Это классная руководительница Валентина Васильевна. Это еще и Учитель, о котором никто, даже беспробудные двоечники, никогда не скажут: «Вон класснуха пошла». Всегда только так: «Наша Валентина Васильевна». Бывшая фронтовичка, ветеран школы, она умела убеждать, находить самые нужные, самые подходящие до сердца слова. А какие письма она писала ему, Сергею, когда он переживал первые, самые трудные дни в армии! В этих исписанных каллиграфическим учительским почерком листочках были фронтовые воспоминания, тепло и материнское участие. Они очень помогали освоиться в новой для него армейской среде.

Вскоре после выхода из госпиталя, когда молодой, крепкий организм переборол контузию, Сергей получил письмо. На конверте — знакомый до последней буквы почерк. Из дома! «Почему так долго не писал? Очень волнуемся. Думаешь, не знаем, где ты служишь?» Сергей поразился: откуда? Ведь он ни намеком не сообщал о том, что находится в Афганистане. А когда уже выздоравливал, то написал: был, мол, в командировке, потому и молчал долго. Да видно родительское сердце не обманешь. Ну, а что касается служ-

бы в ограниченном контингенте советских войск в РА, то попал сюда Мирошниченко совершенно не случайно, а по желанию, мотивируя его, как, наверное, любой «афганец», возможностью проверить себя. (Сергей сказал так: «Хотел узнать, есть ли у меня мужество?»). Поэтому на мандатной комиссии просто попросился в Афганистан.

...И что за выезд это был? Ну все не слава богу! А в довершение ко всему два бронетранспортера, на одном из которых находился совсем еще необстрелянный молодой солдат Мирошниченко, оказались, так уж получилось, оторванными от основных сил боевой группы. Тишина после этого недолго длилась. Обстреляли с проклятых сопкок. Сначала коротко сыпанули градом пуль, потом, будто спеша, начали густо лепить вокруг боевых машин. Сразу команда: «Под броню». Да только Мирошниченко под броню не полез. Гранатомет-то наверху прикреплен. Приподнял солдат каску, чтобы целиться не мешала, и начал садить по окрысившимся бандитским огнем сопкам... В общем, сбили «духов» с вершины. А там и своих догнали. Потом Сергей все вспоминал: было ли ему страшно? И находил, что, вроде, нет. Но только, когда приходит на память этот случай, так в животе холодеет. Позже Мирошниченко понял, что страшно бывает всем. А умение подавить в себе страх в бою — это и есть мужество. Вот это умение и дала служба. Еще дала служба в друзья-товарищи надежных, крепких парней. Скоро уж и самому уловляться в запас, а помнит Сашу Киселева, в чьем спокойствии и уверенности черпал свои спокойствие и уверенность, именуемые еще стойкостью духа. А сейчас рядом такие орлы, что лучше и не надо. Понимают друг друга с полуслова. В бою ли, в повседневной ли жизни подразделения — понимают.

А в повседневной жизни Сергея Мирошниченко долго был секретарем бюро ВЛКСМ подразделения. На момент избрания Сергей ходил уже кандидатом в члены КПСС, состоял в комсомольском бюро. Авторитет? Лишний, пожалуй, вопрос. В Афганистане в выборные органы подразделений попадают лишь те, у кого он на самом деле есть. Ну, по крайней мере, в большинстве случаев так и происходит. И это «секретарство» тоже кое-чему научило. Например, отстаивать свое мнение, тем более, когда ощущаешь, что нажимаю «сверху»

ты можешь противопоставить свою правду. Тогда еще больше становится авторитет.

— Посмотришь,— ну все отличные ребята, на каждого можно положиться и в бою, и в труде. Да вот хотя бы. Понадобилось переоборудовать опорный пункт. Не скрою, нашлись такие, кто начал канючить: да на кой все это нужно, и так вроде все нормально. Тогда собрали мы бюро и решили там: работать будем так, что всем остальным стыдно станет отлынивать. А как начали — видно было, что все загорелись. За три дня сделали в лучшем виде. Словом, сумели увлечь людей. Вот когда было удовлетворение... Перестройка? Да, собственно, что у нас под ней понимать? Ну, скажем, люди у нас теперь значительно больше стали чувствовать и нести ответственность за свои поступки, за свое подразделение, сами устраняют те недостатки, на которые раньше обратили бы внимание лишь по указке. То есть возрос уровень сознания. Да и тот факт, что у нас очень укрепилась и увеличилась партия — тоже о чем-то говорит. Так ведь?

Почти завершена служба. Осталось, как говорят, всего ничего. Позади два трудных и прекрасных солдатских года. Два «афганских» года. Два года, поставивших рядового Сергея Мирошниченко вровень с отслужившими уже волнами-интернационалистами, которых зовут в народе «афганцами». Он, коммунист, у него есть награда — медаль «За боевые заслуги». Это итоги службы. А что впереди? Может быть, сельскохозяйственный институт в родном Днепропетровске. А может...

Впрочем, что гадать? Впереди — целая жизнь, которой положено достойное начало.

(1988 г.)

УНИКАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Как-то в музее знаменитого театра увидел слепок кисти руки известного музыканта. Думается, что руки хирурга, который провел в Душанбинском госпитале пограничных войск КГБ СССР редчайшую операцию, и руки рабочего, изготовившего инструмент для неё, тоже достойны музейного слепка. В ходе этой операции неразорвавшаяся граната, стоявшая на боевом

взводе, была извлечена из тела воина — интернационалиста.

Участники очередного заседания республиканского хирургического общества, опытнейшие и только начинающие специалисты, были откровенно удивлены. На снимках, что демонстрировал на экране автор операции подполковник медицинской службы Юрий Алексеевич Воробьёв, в толще мышц отчётливо просматривались длинный и короткий цилиндры (корпус гранаты и отошедший взрыватель), которые Воробьёв тут же держал в руках. А потом рядом с ним встал тот, кому была спасена жизнь, и хирурга засыпали вопросами.

...Рядовой Виталий Грабовенко, как и многие советские воины, выполнял интернациональный долг в Республике Афганистан. Подразделение попало под обстрел душманов. Рвануло поблизости от Виталия в тот момент, когда он делал бросок к бронетранспортёру: меняли позицию. Взрывом разметало коробку с боеприпасами...

Едва очнулся, увидел: медики обследуют рану. Осколки, поразившие Виталия в правый бок, вынули. Но руку выше плеча он поднять не мог.

Неблизкий путь сократили авиаторы: вертолёт, а затем самолёт доставили Грабовенко в Душанбе. Дело пошло вроде бы на поправку, но в правой части груди у плеча боль не стихала, казалось, что-то мешает двигать рукой. Тогда было проведено более тщательное рентгеновское обследование. И на снимке возникли неожиданные контуры. Опытный военный, бывший здесь же на излечении, решительно определил: «Это граната на боевом взводе».

— Почему же сразу не обнаружили? — такой вопрос задали на заседании общества коллеги Юрию Алексеевичу.

— Большая и малая грудные мышцы, — рассказывал он, — словно тиски, прочно держали гранату, зафиксировав ее в одном положении. Толща мышц не давала подобраться к инородному телу при осмотре. Это и предотвратило беду. Мы начали готовиться к операции. На помощь прибыли специалисты из Москвы.

Утром 15 августа 1986 года в день операции Виталий проснулся будто от толчка: перед глазами букет цветов. Не сразу сообразил, что наступил день его рождения. О цветах позаботился кто-то из медперсонала.

Он тогда еще не знал, что тревога за его жизнь объединила многих людей. Наступление на затаившуюся смерть шло осмотрительно. Действовать приходилось не по правилам, потому что одной операцией надо было решить две задачи: медицинскую и сапёрную. На запросы о возможном опыте получен ответ: случай, не встречавшийся в практике. Отмечен во время Великой Отечественной войны схожий эпизод — мина вошла в мышцу. Но тогда все было на виду, стабилизатор торчал наружу.

Юрий Алексеевич тринадцать лет назад окончил медицинский институт, начинал в Свердловске, а заканчивал по своей специализации уже в Томске. К серьёзным, решительным делам готовил себя еще студентом. И было от кого это перенять. Дед воевал, погиб в сорок первом. А отец, железнодорожник, всю войну водил эшелоны на фронт. Юрий Алексеевич попросился на стажировку в Курган к известному хирургу Илизарову. Два года постигал секреты чудодея.

И вот решение комиссии: операция поручается ему, Воробьёву. Напарника он выбирал уже сам.

— Многие хирурги предлагали свои руки, — рассказывает Юрий Алексеевич. — Я предпочёл лейтенанта медицинской службы Александра Дорохина. У него была какая-то особая уверенность в успехе дела. Дорохин ассистировал умело.

Вместе с медиками к операции готовились и на Душанбинском заводе имени Ф. Э. Дзержинского — начальник инструментального цеха Владимир Серафимович Бугров и слесарь-инструментальщик шестого разряда Владимир Ильич Васильев. Дело в том, что хирургу потребовался такой захват, который не позволил бы сдвинуть гранату в направлении, чреватом взрывом.

На рабочем месте у Васильева что не механизм, то усовершенствование. Одним словом мастер.

— Алексеич рассказал, что нужно, и мы взялись за дело. Взял их обычный захват: три точки, один и два зубца — удобно, но граната вес имеет. Подумал, что четыре — два и два зубца не помешают. Захват шире будет и устойчивость больше. Наварил, что нужно, из нержавеющей стали. Думаю, как бы не заскользили зубцы. Попалась на глаза трубка пластиковая от воздуховода прядильной машины. Я из нее накладочки на зубцы

приспособил. Бугров говорит: надо руку защитить. Ну тут, кроме подобия гарды от рапиры, ничего и не пришло на ум. Хватило небольшого обрезка стали, взятого из кузнечно-прессового. Но сначала мы с Серафимычем прикинули, что может граната натворить и что ее начинке противопоставить. Таковую и сталь выбрали. Обгибал я щиток прямо на захвате, чтобы зазор как можно меньше был...

Операцию отрепетировали до мелочей. Для хирургов доставили специальные сапёрные комплекты. На снимках, что мне показывали, медики облачались в них, как космонавты. Защита была полной. Вот только руки. Воробьёв сначала решил удлинить все инструменты, но понял, что проиграет в точности. Решил оставить все как есть. Одну руку защитили заводчане. Но та, со скальпелем, оставалась открытой и должна была принять все на себя.

О том, как проходила операция, Воробьёв рассказывал коллегам на заседании республиканского хирургического общества, стараясь как можно точнее воспроизводить обстановку: для специалистов все важно. Не сказал он лишь одного: жена и двое детей не знали, что Юрий Алексеевич будет оперировать. Своих накануне успокоил. Он дескать, начальник, ему самому, мол, такое не положено делать.

Воробьёв вошёл в операционную, когда движение в госпитале было остановлено, вокруг здания выставили оцепление, все возможные шумы свели чуть ли не к нулю. Наготове были дополнительные меры предосторожности. Бригады-дублёры хирургов в любой момент могли приступить к работе, если потребуется. (В аналогичном случае с миной военной поры раненый остался жив, а вот хирурги погибли).

Снова возвращаюсь к снимкам. Мне показали прелюбопытнейший. Кто-то из «нарушителей» сделал фото: Воробьёв в каске, бронежелез, лицо защищено бронестеклом, поверх сапёрного одеяния, которое весит около 30 килограммов, все же стерильная простыня. Он уже начинает операцию, не ожидая помощника. Никто не знает, сколько времени может отвести на операцию граната. За щитом из вертолётного бронестекла виден анестезиолог Владимир Иванович Моисейкин, он только что проделал необходимую процедуру. Операцию снимали в момент входа Дорохина. Над-

рез, захват. Граната словно приклеена к инструменту (ай да слесарь шестого разряда!). Тут же рядом со- оружён на носилках колодец из мешочков с песком. Смертельный груз хирурги опускают в него. За дело берутся специалисты — подполковник Инал Константи- нович Кулумбегов и капитан Виктор Михайлович Сле- денко. Но для этого они облачаются в сапёрное одея- ние, от которого освободились хирурги. Неподалёку в котловане строители соорудили из стальных щитов опа- лубки что-то вроде бункера. Госпиталь безмолствовал, все ждали небольшого хлопка. Но взрыв прозвучал внушительно.

...Стоит тёплая, бархатная осень. Мы сидим с Вита- лием в тенистой беседке. Чувствуется, что вопросов о пережитом ждёт с внутренним напряжением: если опе- рация необычная, то, наверное, необычны и пережива- ния человека, перенесшего её.

Они с Воробьёвым одинаково, по-мужски, отнеслись к происшедшему. Виталий писал домой, что в командир- овке. По указанному на конверте адресу приехал отец Яков Васильевич поздравить с днем рождения — 20 лет сыну. И вышло, что поздравил его со вторым рож- деннем.

— Конечно, о том, что со мной произошло, не забудь- дешь. Да и ребята, с кем служил, не дают скиснуть, пишут из части, интересуются делами. Юрий Алексе- вич постоянно навещает, в долгу я у него. Мне об этом и отец перед отъездом твердил. Кто только мне не по- могал! Бабуля у нас в рентгенкабинете есть — Вален- тина Фёдоровна. Так она моего отца у себя размести- ла, чтобы с гостиницей не хлопотать — неожиданно приехал. Служба у меня заканчивается, думаю пойти учиться. В нашей Верхнячке, что в Черкасской обла- сти, помнить буду Душанбе, город, где люди за мою жизнь горой встали.

(1986 г.)

ПОДВИГ ГЕРОЯ

В биографии Николая Лукашова нет ничего необыч- ного. Она похожа на миллионы других. Родился в 1959 году в селе Новая Московка Тарского района Омской области в семье колхозника. Учился в профтехучили-

ше. До призыва в армию работал на заводе им. В. Куйбышева в городе Омске.

...Служба у Николая подходила к концу, и дома с нетерпением ждали возвращения сына. Но пришло письмо, Николай писал, что решил поступать в военное училище и спрашивал совета. Отец возражать не стал.

Вот и училище позади. Начинал офицерскую службу лейтенант Лукашов в одном из самых трудных регионов — в Средней Азии. Но хотелось испытать себя в экстремальных условиях. И на стол начальника один за другим легли рапорта с просьбой направить для дальнейшего прохождения службы в Афганистан. Просьбу удовлетворили.

...Из служебно-боевой характеристики офицера Н. Лукашова:

«Обладает хорошими организаторскими способностями, отлично ориентируется в сложной боевой обстановке, умело применяет маневр силами и средствами для достижения победы над врагом. В бою действует дерзко, решительно, умело использует складки местности, проявляет разумную инициативу, прилагает максимум усилий для выполнения боевой задачи.

...Душманы несколько раз с дальних подступов обстреляли реактивными снарядами гарнизона афганских и советских воинов, мирные кишлаки. Но, несмотря на мгновенно принимаемые ответные меры, ни сарбозам, ни мотострелкам не удавалось обнаружить пусковую установку.

Афганские товарищи вскоре сумели «вычислить» расположение базы душманов неподалеку от одного из горных кишлаков. По достоверным сведениям также было известно, что кроме прочего оружия, мятежники прячут там пусковую установку и боеприпасы к ней. Был тщательно разработан план совместной операции по ликвидации этой крупной базы. И вот — назначенный день.

Первыми в бой вступили сарбозы. А офицер Лукашов со своими подчиненными, заняв господствующие высоты, ждал сигнала к атаке. Пока бой шел в кишлаке. Сарбозы схлестнулись с группой душманов, которая находилась тут исключительно для того, чтобы отвлечь внимание от базы. Вскоре бой в кишлаке стал затихать. Уцелевшие душманы начали спешно отсту-

пать. И тут заработали душманские минометы, гранатометы и крупнокалиберные пулеметы. Это уже с самой базы. Дальше медлить было нельзя. Используя складки местности, под умелым руководством командира, применив дерзкий маневр, мотострелки быстро «заблокировали» базу душманов.

Дальше события разворачивались молниеносно. По приказу офицера Лукашова три боевые группы под командованием офицера Евгения Шатаева, сержантов Олега Челапко и Александра Дворичанского ударили с фронта и с флангов, опрокинули противника. С противоположной стороны наступали афганские товарищи. Благодаря мужеству, отваге и стойкости солдат, сержантов и офицеров, сопротивление врага было сломлено, и мотострелки начали подступать к базе. В ходе боя, который длился полдня, была уничтожена большая часть банды. Жалкие остатки засели в пещере, где находились схроны.

Подступиться к ним было нелегко. Любая попытка встречалась бандитами мощным огнем стрелкового оружия, пулеметов, гранатометов и огнеметов. Видимо, поняв безвыходность своего положения, басмачи решили принять свой последний бой именно тут, в пещере. Яростно огрызались они на попытку афганских воинов взять последний опорный пункт бандитов. Может, мятежники питали еще какую-то надежду на спасение.

Противник не устоял перед стремительным натиском мотострелков. Забросав вход гранатами, воины, увлекаемые командиром, ворвались в пещеру. Здесь были обнаружены горы оружия, взрывчатки, боеприпасов. Но пусковой установки тут не оказалось. Ее обнаружили при проческе местности на окраине кишлака с полным боевым зарядом. Бандиты успели установить ее позиции, зарядить, но так и не сумели воспользоваться: настолько стремительными и решительными были действия советских и афганских воинов.

— Отличный офицер! И как командир, и как человек, — сказал о нем старшина подразделения прапорщик Василий Гула. Подобные характеристики дают ему и остальные солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры подразделения. Они были с ним под огнем врага, сумели выстоять не только благодаря личному мужеству и отваге, но и во многом благодаря галанту командира, его способности в критический момент со-

хранять самообладание, трезво оценивать обстановку и действовать наверняка.

В этом подразделении Николай начинал службу командиром взвода. Неплохо проявил себя с самого начала. Вывел взвод в передовые. Но и сам рос, много работал над повышением своего идейно-теоретического уровня, командирского мастерства. Через некоторое время кандидатуру Лукашова выдвинули на должность командира роты. И утвердили. Всей своей прежней службой он доказал, что способен руководить таким армейским коллективом. А спустя год офицеру Лукашову было досрочно присвоено воинское звание «капитан», его назначили на должность начальника штаба.

Это всего лишь несколько эпизодов из боевой биографии Николая Николаевича Лукашова. А примеров, которые ярко высветили такие качества офицера, как беззаветная храбрость, мужество, высокое профессиональное мастерство, очень и очень много. За ратный труд офицер Лукашов удостоен орденов Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медали «За боевые заслуги».

Из представления к званию Героя Советского Союза на начальника штаба подразделения офицера Н. Лукашова: «Лукашов Н. Н. принимал участие в бою по захвату и уничтожению базового лагеря бандитов, представляющего большую опасность. Лично руководил передовыми подразделениями группы. Смелыми и решительными действиями обеспечил высадку своего подразделения прямо в боевые порядки мятежников, проявил при этом героизм, мужество и отвагу».

Базу, расположенную в высокогорье, душманы надежно охраняли. На господствующих высотах по всем правилам военной науки были оборудованы пять огневых позиций для крупнокалиберных пулеметов, позиция для переносного зенитно-ракетного комплекса.

Командование операцией по ликвидации базы душманов приняло решение высадить тактический воздушный десант, в задачу которого входило уничтожение пулеметных гнезд, захват ПЗРК, а в дальнейшем удерживать наступление мотострелков.

Начальник штаба подразделения офицер Лукашов вылетел с группой захвата. Вертолеты пролетели меж-

ду хребтами гор на малой высоте и над районом высадки появились неожиданно. Но душманы быстро справились с замешательством и открыли огонь по винтокрылым машинам.

Высаживать десант под огнем врага было слишком рискованно и командир вертолетного звена офицер Р. Фазлеев, мгновенно оценив ситуацию, принял решение садиться... прямо на пулеметы. Ведя огонь из курсового пулемета, вертолет заскользил к позициям душманов...

И скоро все было кончено: десантники, увлекаемые офицером Лукашовым, блестяще выполнили поставленную задачу.

На разгромленной базе десантники захватили 1060 реактивных снарядов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга в Афганистане, офицеру Николаю Лукашову присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

(1988 г.)

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Для офицера Владимира Николаевича Григоровича это было уже не первое после окончания военно-политического училища назначение на должность. Дважды доводилось менять места службы. Но вот так, как тогда, впервые.

В подразделение Григорович прибыл в горячую пору. Через час десантники уходили в горы... И времени у Владимира было только-только переодеться, экипироваться. Командир, правда, предложил ему остаться на месте, разобраться с «хозяйством», присмотреться немного, освоиться, а горы — они никуда не денутся. Но Григорович пошел вместе со всеми. Иначе он просто не мог. Это было не по-комиссарски.

Тогда, правда, получился небольшой «прокол». Григорович чересчур перетянул наплечные лямки вещмешка и после первого же перехода руки затекли. Подчиненные подсказали, как правильно привязать вещмешок к спине, и, действительно, стало много легче. Что

значит опыт такой «работы» Григорович понял тогда сразу.

Все время он учился у подчиненных. И не считал это зазорным. Старший прапорщик С. Васильев, старшины В. Новаков, А. Поддубный, сержант И. Черноус, ефрейтор О. Артамонов — вот только немногие из тех, у кого Григорович учился науке побеждать.

Первыми наставниками у него были офицеры Юрий Лапушко, Владимир Радчук, которые ныне являются слушателями военной академии. Недолго пришлось прослужить им вместе, но у них Григорович получил первые уроки командирской зрелости.

Опора Григоровича в любом деле — партийный и комсомольский актив подразделения. Чисто внешне эти ребята ничем не выделяются из числа сослуживцев, а вот чувство повышенной ответственности за положение в коллективе, неподдельное беспокойство, стремление целиком и полностью реализовать свои возможности, «выложиться», как здесь говорят, — все это Владимир Николаевич сумел развить у своих ближайших помощников, поставить на службу общему делу. Дружный, сплоченный коллектив может многое — в этом он убежден. И есть ли большая забота для офицера-политработника, коммуниста? Нужно сразу оговориться: совсем не просто было тому же Григоровичу найти полный контакт с подчиненными, возник он не сразу, не вдруг. Были на этом пути и неровности, просчеты, ошибки. Тем ценнее то доверие и авторитет, которыми сполна наделен сегодня Владимир Николаевич. «Наш комиссар» — так часто называют его между собой бойцы.

СПГ рвали лишь вековую,
Здесь калился металл добела,
Здесь армейская дружба мужская
Свою прочность в боях обрела.
Дружба та, что огня не боится,
Дружба — доблести, славе сестра,
За чужую спиной не таится —
Полыхает поярче костра.
Дружбу ту пронесли мы с собою,
Нас, как знамя, вела она в бой...

Может и не совсем уж безупречные эти строчки стихов прапорщика Василия Ивановича Гулы, что служит сейчас вместе с Григоровичем, но всем ребятам

они по душе. Потому, что искренни. Потому, что без фальши. А ведь как точно: «Дружба — доблести, славе сестра». Григорович шутит: «Вот и поэтическую строчку заставили работать на сплочение коллектива». Неизвестно каков личный, Григоровича, вклад в это дело, но сегодня и стихи, и песни, что родились в походе, на марше, после боя, здесь в почете. Их читают и поют. И учатся дорожить самым священным в армейской жизни — дружбой, взаимовыручкой, коллективизмом.

Григоровичу повезло. В том плане, что назначили его замполитом подразделения, богатого своими воинскими и боевыми традициями. Здесь прошло армейское становление будущих Героев Советского Союза Виктора Капшука, Николая Лукашова. И сегодня в подразделении более десятка солдат, сержантов, старшин, награжденных за мужество и героизм боевыми орденами и медалями. А сколько уволилось в запас? Но ни один из них не забыт. Так же, как и уволенные в запас не забывают родное подразделение, командиров. Писем приходит много. И с ними работает Владимир Николаевич. Письма — тоже помощники в деле воспитания подчиненных. Кстати, ответные письма почти всегда ребята пишут коллективно, обсуждают каждое из них. И здорово, что есть о чем рапортовать вчерашним сослуживцам, — дела в подразделении ладятся.

Есть еще одна забота у Григоровича: он ведет альбом «Боевой путь подразделения». За два года его службы в этом воинском подразделении альбом пополнился многими интересными фактами, боевыми примерами из жизни коллектива. Заботами Владимира Николаевича восстановлены многие страницы из боевой биографии подразделения. Аккуратно и точно заполняет он альбом. О каждом отличившемся солдате есть в нем строки.

Многие удивляются такой скрупулезности. А что тут удивительного: в политико-воспитательной работе Григорович особую ставку делает именно на пропаганду боевых традиций. Еще. С дальним прицелом работает Григорович. Он знает, что сегодняшней день завтра станет уже историей: никто и ничто забвению не подлежит.

В приумножение славных боевых традиций подраз-

деления офицер В. Григорович вносит достойный вклад. Он — участник более десяти столкновений с бандитами. Проверку на профессиональную зрелость, воинское мастерство и мужество Владимир Николаевич выдержал с честью.

...Десантировалось подразделение за несколько километров от базового кишлака бандитов. Главное — обеспечить внезапность действий. У бандгруппы была реактивная установка, множество боеприпасов к ней. Если душманы раньше времени обнаружат десантников — уйдут в горы, утащат и установку. А еще хуже, успеют ее воспользоваться. Поэтому, как только приземлились, командир поставил особую задачу боевым группам под командованием офицеров В. Григоровича и Н. Лукашова: налегке, в кратчайший срок выдвинуться к кишлаку и «заблокировать» его, чтобы исключить уход душманов. Держать под контролем кишлак и высоты вокруг него до подхода основных сил. По горной дороге туда уже выдвигаются афганские воины.

На господствующих высотах вокруг кишлака подчиненные Григоровича и Лукашова появились настолько неожиданно для душманов, что те не успели даже занять заблаговременно подготовленные позиции. Душманы огнем «прощупывали» крепость обороны советских воинов в надежде найти какой-нибудь уязвимый участок. Упорные их попытки наталкивались на столь же решительные и смелые действия мотострелков.

Вскоре к группам Григоровича и Лукашова подошло подкрепление. Советские и афганские воины успешно выполнили поставленную задачу. В схватке часть банды, в том числе ее главарь, были уничтожены, а остальные душманы сдались в плен. Было захвачено большое количество стрелкового оружия, несколько крупнокалиберных пулеметов, гранатометов и реактивная установка. Важную роль в успешном завершении операции сыграла боевая группа офицера Григоровича...

В этой боевой группе около тридцати человек. Многие из них за мужество и героизм удостоены **высоких** государственных наград, как и их замполит, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды. Кое-кто из этих высоких, смугло-загорелых и обветренных парней вскоре увольняется в запас. Для них это последняя боевая операция. А на смену им уже приходит по-

полнение. И значит, опять все сначала для политработника Владимира Григоровича, рядом с которым мужают на земле Афганистана вчерашние мальчишки.

(1988 г.)

В «ЗОНЕ РИСКА»

Справа от дороги — дувал. За ним — кишлак. А слева от нее — арык и пустырь. Как говорят бойцы «зона риска». Точнее, наверное, будет — зона повышенной опасности. Указателей, ее обозначающих, здесь, конечно, нет. Но мотострелки из подразделения офицера Юрия Козлова, которые не раз уже бывали в разных переделках, знают об этом. Душманы чаще всего обстреливают транспортные колонны именно из кишлаков, близ которых проходят основные дороги. Знают «духи», что советские воины по кишлаку из минометов и пушек не ударят. Там — мирные жители, которыми прикрываются душманы. А от автоматов и пулеметов шуравн мятежников надежно прикроют дувалы и глинобитные дома.

Сюда, к «зоне риска», транспортная колонна, сопровождаемая советскими и афганскими воинами, подъехала к полудню. Офицер Ю. Козлов, старший боевого охранения, который ехал на головной БМП, вышел в связь и предупредил подчиненных: «Быть начеку». Хотя этого можно было и не говорить. Ученые уже.

Саперы быстро проверили дорогу на предмет наличия мин, но ничего не нашли. Подали издали условный сигнал: «Продолжать движение».

Колонна двинулась дальше. Мотострелки напряженно вглядывались в бозмолвный кишлак.

Старший сержант сверхсрочной службы Григорий Бурбицкий — старший на бронетранспортере — перед началом движения приказал мотострелкам укрыться в десантном отделении, через люки и смотровые щели вести наблюдение за обстановкой, а в случае нападения душманов, открывать ответный огонь. На броне же оставил наблюдателями сержантов Александра Савицкого и Леонида Загороднего. Бурбицкий знал, что принял все необходимые меры предосторожности на случай нападения. Но чувство смутной тревоги не покидало его.

Сопровождение транспортной колонны — это всегда риск. Риск напороться на засаду душманов, наткнуться на их мины... Одни дороги в Афганистане чего стоят! Да мало ли что в пути может случиться. Но Бурбицкий со своими бойцами не первый раз принимал участие в сопровождении транспортной колонны и уже, как будто, привык к этой трудной «работе». Ему также было понятно чувство тревоги, которое являлось спутником всю дорогу туда и обратно. Отступало же лишь когда группа боевого охранения возвращалась в расположение. Но возле этого кишлака тревога усилилась.

Бурбицкий окинул взглядом вытянутую нить колонны. Транспортные машины, боевые, снова транспортные... Все идет своим чередом. Пока тихо. «Голова» колонны уже на выходе из кишлака, хвост же еще далеко. Но откуда же эта тревога? Вдруг он поймал себя на мысли: «Ребятишки... Где же они? Почему не видно?»

Когда наша колонна проходит вблизи населенного пункта, первой на дорогу выскакивает босоногая детвора. Риска попасть под колеса машин, пацаны везде пацаны, размахивают руками, кричат: «Эй, командон! Бакшиш. Эй...» Солдаты кидают им банки тушенки, сахар, сухари. Из личного пайка.

Старший сержант сверхсрочной службы Г. Бурбицкий знал, что у его бойцов и сейчас, наверное, лежит наготове что-нибудь из сухпайка для ребятни. Он не запрещал подчиненным этого делать. Не мог. Один жалкий вид этих невинных жертв необъявленной войны кого угодно разжалобит.

А сегодня у этого кишлака мотострелков никто не встречает и не провожает. И эта тишина настораживает. «Почему?» И как ответ на этот вопрос, ухнул выстрел. «Гранатомет!» Старший сержант сверхсрочной службы Бурбицкий рывком обернулся и заметил султан разрыва. Транспортную машину заволокло черным дымом, потом она вспыхнула. Мотострелки дружно открыли огонь по тому дувалу, откуда прозвучал выстрел...

Душманы и на этот раз применили свой излюбленный прием: ударили по середине колонны. Расчет был на то, что поджог машины вызовет панику среди шурави и колонна расколется, что облегчит басмачам за-

дачу. Да и местность такая, что особо не развернешься. Значит, боевые машины лишены маневра.

Но мотострелки проявили большую собранность, выдержку и отвагу. Они дружно вступили в схватку.

Умело руководил действиями подчиненных офицер Ю. Козлов. Механики-водители боевых машин ловко маневрировали под огнем, в то же время прикрывая броней транспортные машины.

С каждым разом огонь со стороны душманов ослабевал. Офицер Козлов держал связь со всеми боевыми группами и руководил их действиями. Вдруг в ларингофонах раздался тревожный голос:

— Товарищ сто сороковой! Я — двести семидесятый... — и тишина.

«Это Бурбицкий, — узнал Козлов. — На что он хотел сообщить? Почему связь оборвалась?» Офицер приподнялся и посмотрел туда, где должен был находиться БТР Бурбицкого. Кроме дыма, пыли ничего не видно. А случилось, как потом выяснилось, вот что.

Бронетранспортер, где старшим был Бурбицкий, одним из первых вступил в бой. Но в ходе перестрелки одна из пуль попала в сумки с пороховыми зарядами для выстрелов из гранатомета, и они загорелись. Рядом с выстрелами — несколько цинков с патронами. Бурбицкий приказал сержантам Савицкому и Загоринскому покинуть боевую машину, а сам бросился к пылающим сумкам. Григорий двумя прыжками оказался возле них, рывком сбросил на землю, спрыгнул и сам. В следующий момент он начал тушить сумки.

Знал ли Григорий, что каждое мгновение в тот момент могло для него стать последним? Что взрывная волна могла его отбросить на десятки метров? Какие силы толкнули его к горящим сумкам с пороховыми зарядами и готовыми каждую секунду сдетонировать выстрелам? Об этом он не думал в тот момент. Времени было слишком мало. Успел только крикнуть: «Товарищ сто сороковой! Я — двести семидесятый! Загорелись сумки с пороховыми зарядами». Он кинулся спасать технику и людей. И даже последние слова сказал уже не в эфир.

Не задумывался Григорий об этом и потом, после боя, когда все было уже позади. Известно, что не задумывался. Потому, что когда об этом спросили у не-

го, он только поглядел на свои перебинтованные после ожога руки и сказал:

— Да на моем месте любой бы так вот и поступил. А как же иначе? Ведь кругом свои...

Бурбицкий срочную служил в Афганистане. Был водителем. За воинскую доблесть при выполнении интернационального долга награжден медалью «За боевые заслуги».

...Тогда спешили на помощь сарбозам, которые вели бой с бандой душманов. На место прибыли к исходу дня. Бой шел до наступления темноты, и стороны перешли к обороне. Службу на посту боевого охранения Бурбицкий нес далеко за полночь. Несмотря на усталость, Григорий бдительно вглядывался в темноту. Это позволило ему обнаружить группу басмачей, которая старалась незамеченной прокрасться в наш тыл.

Не думал Григорий, что останется на сверхсрочную службу. Уже все подготовил к увольнению в запас: и альбом с фотографиями, и «парадку»... Но чем ближе подходил день расставания, тем больше чувствовал, что не сможет так вот просто уехать. Ведь остаются ребята, командиры, с которыми успел сродниться за время службы. И он решил. Написал рапорт, остался на «точке».

Сослуживцы и командиры этому решению Григория были очень рады. Такие, как Бурбицкий очень нужны здесь. Ведь они уже знают, как говорится, почем фунт лиха. А бесценный боевой опыт, накопленный ими за время службы в Афганистане, в запас не должен уйти.

(1988 г.)

ОДНОКАШНИК

«За мужество и отвагу, проявленные при выполнении интернационального долга в Республике Афганистан, майор Юдин Николай Николаевич награжден орденом Красной Звезды и орденом Красного Знамени (посмертно)».

(Выписка из личного дела).

— Дивизион, подъём! Я уже не спал, просто лежал на спине с закрытыми глазами и ждал, что вот-вот прокричит дневальный свою первую команду. Сегодня не

идём на зарядку. У нас сегодня вытряхивание постелей и смена белья. Как всегда, в таких случаях мне не везёт — сегодня я уборщик, а это значит, что надо успеть и постели вытряхнуть, и порядок где положено навести.

— Второе отделение, подъём, что лежите? — Надо вставать, это уже команда Юдина. Прыгаю со второго яруса и сажусь прямо на голову Саньке Анискевичу по прозвищу Папаша. Папаша таких шуток не любит, но ко мне, как к соседу, снисходителен. Вот и сейчас снимает меня и ставит прямо в сапоги, по ошибке в свои, 45 размера. Папаша наш — настоящий деревенский богатырь. От уверенности в себе, своём физическом превосходстве над нами — его невозмутимость и спокойствие. Только в одном случае можно увидеть, что нервы у него не железные, но это лишь у доски, и то, когда подсказать невозможно.

— Отделение становись! — Выстраиваемся на утренний осмотр. Носки равняем по половице. — Расстегнуть верхние пуговицы.

Да, быстро Юдин отработал командирский голос. И месяца не прошло, как стал младшим сержантом, а кажется, что уже вечность нами командует. Замучил всякими придирками. Вот и сейчас наверняка найдёт, к чему придраться.

Вижу, как Папаша наводит расчёской стрелки на «хэбэ». Прилизывает свою шевелюру Витя Иванов. Но Юдина не проведёшь. Папаше — погладиться, Иванову — подстричься... Мне — пришить свежий подворотничок. Вот так.

Больше всех, наверное, перепадает мне. Уборщиком чаще других назначает. Возмутился было — получил наряд вне очереди. Деспот. Юдин маленького роста, весь такой ершистый.

Месяц Юдин командует. Месяц не хожу в увольнение. Нет, что ни говори, Вевка Глухов был лучше. С ним хоть объясниться можно было, поймёт. А этот ну просто непрошибаемый.

Подошёл, помню, в первый раз и говорю: «Коля, запиши в увольнение на субботу». Поднял свою лбину и спокойно так отвечает: «Обратись по форме, товарищ курсант». Господи, да кто по форме обращается на третьем курсе! Увольнением пожертвовал, но унижаться не стал. Неделя прошла, вторая — терплю.

Витька Иванов из увольнения приходит, приносит записку от Галки. Обиделась. Пишет, что соскучилась, ждёт. Подавил гордыню. Обратился по форме: «Товарищ сержант, (подхалимно опустил приставку «младший»), прошу предоставить мне городской отпуск до 22 часов». На виду у всех обратился. Встал Юдин. Чувствую, доволен. Как же — вершитель судеб. И вдруг этот «вершитель» вещает: «У вас тройка по тактике. Троешники в увольнение у меня ходить не будут».

Вот такие дела. Верю, что через год стану лейтенантом. Но в роли сержанта себя просто не представляю. Для меня сейчас это самое высокое и недоступное звание, что-то вроде генералиссимуса. Честное слово, сержантом я просто не смог бы быть...

Листаю страницы курсантского дневника. Записи двадцатилетней давности. Школьный еще почерк. По детски воспринимаются обиды. Скоропалительные выводы. Каждую главку в дневнике, кроме даты, венчает символ: треугольник, внутри которого дробь, где в числителе — дни, оставшиеся до отпуска, в знаменателе — до выпуска. Да, отпуска ждали, как манны небесной.

Листаю страницы. Знакомые фамилии. Некоторые уже стали забываться. О других кое-что знаю. Витя Иванов уволился из войск. Попал по распределению в Среднюю Азию и несдюжил. Сейчас дома в Пскове живёт. Доволен. Работа чистая — радиоинженер. Володя Глухов служит где-то на Дальнем Востоке. Валера Дмитриев — в Закавказье. По-разному сложилась судьба училищных товарищей. И странное противоречие: у многих отличников «не пошла» служба, и наоборот. Видимо, одних только знаний, чтобы стать настоящим офицером, недостаточно.

Юдин... Его фамилия часто встречается в дневниковых записях тех лет. Ясное дело, он был врагом номер один. Я думал о нем больше, чем о любимой девушке. А конфликт между нами разрастался, как снежный ком, и только выпуск из училища обещал развязку. Но до выпуска было далеко, и поэтому следовало искать какой-то выход. Не сидеть же все оставшиеся выходные в училище.

Сознаюсь, одно время сержантские лычки были для меня желанней лейтенантских звёздочек. И даже виделись сны, в которых Юдин подвергался экзекуции разжалования. Мы с ним меняемся ролями. Теперь он

Генерал-майор А. Н. Мартовичский, осуществлявший руководство боевыми частями пограничных войск.

Полковник Г. М. Минин. «Дед» — так его звали между собой офицеры в течение пяти долгих «афганских» лет.

Герой Советского Союза Н. Н.
Лукашов.

Автор «Афганской тетради»
Н. П. Троян.

Перед боевой операцией. Генерал-лейтенант И. М. Коробейников, генерал-майор А. С. Артёмов, полковник В. В. Седых (слева направо).

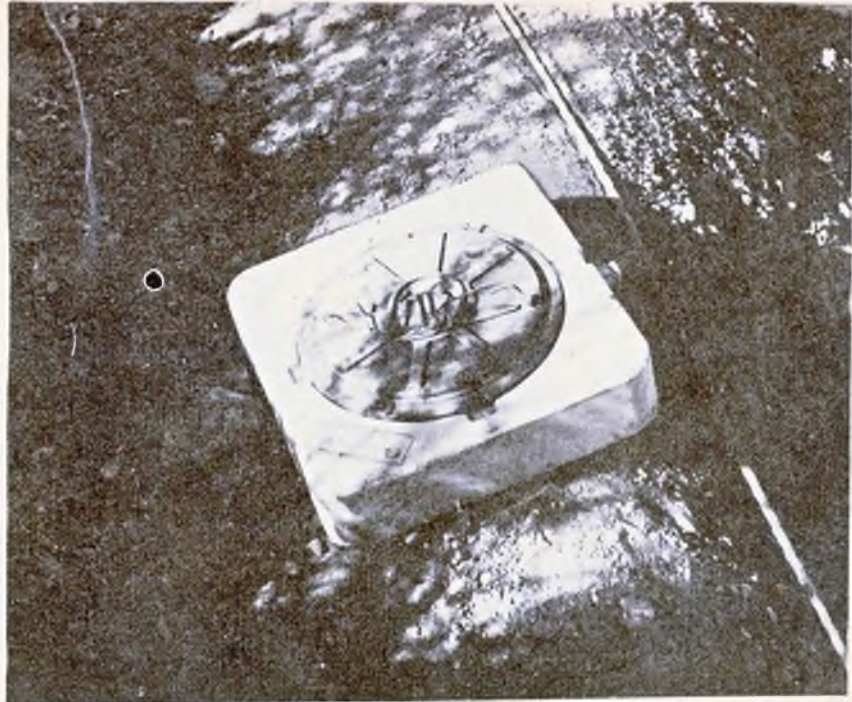
Сергей Еремеев. Последний солдат получивший увечье в Афганистане.

Медяки.

Сапер.

Самодельный минный заряд.

На задание.

Горная дорога.

Виталий Грабовенко перед операцией.

Военный хирург Ю. А. Воробьев перед операцией.

Взгляд «афганца».

Трофей.

Народное ополчение.

Миная война.

В засаде.

Укрепление оппозиционеров.

Очередной номер стенгазеты.

Письмо.

Именной пулемет.

Политчас в роте Царандоя. Пришли свежие газеты.

И он жертва войны.

Интернационалисты.

Метка войны.

Подполковник Борис Иванович Марков.

На учениях.

23 февраля 1989 года* На проводах призыва «ноябрь-86».

На посту.

Герой
Социалистического Труда Мирали Махмадалиев в гостях у пограничников.

Кавалер ордена Боевого Красного Знамени старший сержант Олег Кожевников.

Когда радость одна на троих.

На службу.

Кушка.

Руководители припограничного района частые гости на участке границы.

У полкового знамени.

Встречай, Родина, своих сыновей!

подходит и заискивающе выпрашивает увольнение. Я к тому времени уже знал, где-то вычитал: лучшая месть — пренебречь мостью. И делал благородный жест.

Да, грезилось и такое. Что греха таить, хотелось как то отыграться. Путали мы тогда многие понятия: требовательность за придирки принимали, любили командиров, которые легко прощали наши ошибки, друзей ценили прежде всего за их умение молчать.

Юдин походил на белую ворону. Эдакий строевичок, шагнувший с плаката, что на плацу. Во сне, наверное, носок оттягивает. Уставник, в общем, до мозга костей. Частенько собирались обиженные да угнетённые, ругали за глаза на чём свет стоит. Удивлялись его великому перевоплощению. Ведь пока сержантом не стал — обыкновенным человеком был. Друзей имел. Смеялся вместе со всеми, чудил, в рамках дозволенного, конечно.

Однажды я сочинил стих о нем. Обличал его в чёрствости, властолюбии, отстаивал наши права.

«...Но, прежде всего, мы — люди. У вас к нам не тот подход. Не стоит, товарищ Юдин. Поймите, все это не то. Курсанты — парни что надо. Не видел я дружбы сильней. Товарищ сержант, не надо кичиться властью своей...»

Все второе отделение переписало мой опус в свои блокноты.

Как то, отстояв у тумбочки свой внеочередной наряд, отчаявшись, вызвал его на откровенный разговор. Распаяясь, говорил, помню о курсантском братстве, о том, что его методы руководства неприемлемы здесь, в училище. Слово за словом выплёскивал накопившуюся обиду. Юдин слушал молча, смотрел куда-то в сторону и, казалось, думал совсем о другом. На его широкий лоб набежали частые и ровные морщинки. В серых глазах застыла безысходная грусть. На тонких губах — кривая горькая полуулыбка. Он молчал, а казалось что криком кричит: «Ну как же вы не понимаете. Это армия! Я — командир, пусть маленький, но командир. А вы — подчинённые. И рамки взаимоотношений между нами определены уставом. Никто из вас не в праве осуждать меня». Вслух же он сказал: «Детский сад какой-то. Вы разве не знаете, что действия командира не обсуждаются?»

Обращение на «вы» подчёркивало разделяющую нас

грань. Я — на первой ступеньки иерархической лестницы. Он — на второй. А если посмотреть наверх, то голова закружится — так высока эта лестница. Мне было удобно на просторной первой ступеньке. Чем выше, тем они были все уже и уже. Не каждому дано взойти и удержаться там, на верхотуре. Мы знали, что среди нашего брата есть и такие, которые готовят себя к этому восхождению. Поговорка, осуждавшая солдата, не имеющего в ранце маршальского жезла, стала для них философской формулой самоутверждения. А еще мы были уверены, что наш Юдин — из той же когорты.

Обращение на «вы» и начальственный тон ничего хорошего не предвещали. Конечно, я знал, что действия командира не обсуждаются. Конечно же знал, что амбиция, обида — плохие помощники, особенно, когда пытаешься выяснить отношения. Да и вообще... В армии тот прав, кто имеет больше прав. Эту последнюю фразу я произнёс вслух, и в голосе моем было, наверное, столько отчаяния, что Юдин взглянул из-под кустистых бровей, открыв на секунду свое не то, удивление, не то ставящую в тупик задумчивость, и торопливо, словно боясь, что услышит еще какую-нибудь крамолу, проговорил: «Ладно, ладно... Это ты зря. В армии тот прав, кто любит и умеет работать Как, впрочем, и на «гражданке». И здесь и там правота доказывается, прежде всего, трудом. А твоя беда, мне кажется, вот в чем: не научился подчиняться. Учти, Суворов еще говорил: не научишься подчиняться, не научишься повелевать».

На том и завершился наш разговор «по душам». Юдин оставался Юдиным. Все шло своим чередом. Правда, для того, чтобы не лишать себя возможности ходить в увольнения, мне пришлось избавляться от троек. Так, и без «помощи» Юдина, я стал твёрдым «хорошистом».

Вторые сутки мы на учениях, и вторые сутки льёт дождь. Объявили ужин и разрешён отбой. Только боевое охранение будет бодрствовать. В движении теплей. Бреду к своему окопу. Заглядываю — на дне воды по колено. Стенки оползли. Спать придётся здесь, хоть ветер не достанет. Сбрасываю в окоп крупный валун. Плюхнулся и почти весь скрылся в мутной воде. Опускаю вещмешок. На нем буду сидеть, а ноги какнибудь пристрою на глиняных стенках.

Ребята зовут на ужин. Какой там сейчас ужин. Хотя вон она, кухня, в ста метрах всего. От неё бредёт Саня Турбанов, помахивая пустым котелком. Интересно, как каша. «Пригорела», — говорит, и опускается в свой окопчик. Опускаюсь и я в свой. Автомат пришлёпываю к стенке. Держится. Чтобы поудобней было, отковыриваю боковые углубления для ног. Откидываюсь назад. Кажется, дождливая чёрная пелена неба начинается сразу за срезом окопа. Вытяни руку, и нащупаешь её — холодную, вязкую, как мокрая губка. Хотя я сейчас сам как губка. Вот уж поистине, ни одной сухой нитки.

Сверху висит чья-то сгорбленная фигура, и голосом Юдина вопрошает:

— Жуков, ты?

— Я.

— Ну, как ты тут?

— Лучше всех, — отвечаю бодро, с нескрываемой иронией. Но под шум дождя Юдин, видимо, уловил лишь нотки моей ложной бодрости.

— Молодец! — искренне хвалит меня Юдин. — Что поделаешь: на войне, как на войне, — говорят французы.

При чем здесь французы, думаю я, и уже готов сорваться, сдерзнуть и даже заорать, проклиная того чёрта, который дёрнул меня поступать в военное училище, но Юдин вдруг говорит:

— Слушай, ну-ка давай плащ-палатку.

— Зачем? — Удивляюсь я, — Мне даже лень пошевелиться, а тут лезь в вещмешок. К чему? Все равно мокрый...

— Давай, давай, — потарапливает Юдин. — тут есть одно интересное рацпредложение. Вот увидишь — теплее будет.

Пришлось сниматься с насиженного места. Юдин расстелил плащ-палатку над моим окопчиком, ее края привалил комьями земли, и я оказался в склепе. Дождь мелко барабанил по брезентовой крыше. Ветер уже не задувал. И скоро стало действительно теплей и вроде как уютнее. Тогда я достал банку сгущёнки, проткнул ее штык-ножом и впервые за долгое время хорошо подумал о Юдине. Но тут, словно движимый злым духом, на меня с воплем испуга сваливается кашевар. Словестная перепалка, слепая возня в грязи. Повторное об-

устройство ночлега. Хорошие мысли о Юдине больше не возвращались. В тяжёлой полудрёме я ждал рас-света и время от времени скрепел песком на зубах, по-сасывая сгущёнку. Порча лакомства для меня была, пожалуй, самым грустным и обидным происшествием той тактической ночи.

Две, уже тронутые желтизной любительские фото-графии. На первой — колонна машин. Привал. Генцы Сураев с серьёзной миной поднял над головой сигналь-ные флажки — позирует фотографу. Остальные не зна-ют, что попали в объектив: кто сахар грыз, накапли-вая килокалории, кто с лёгкой улыбкой слушает «так-тическую байку» преподавателя, кто завалился на обо-чину дороги, разглядывая хмурое осеннее небо.

Если внимательно присмотреться, то можно увидеть в лицах, жестах, позах курсантов то напряженное ожи-дание, которое бывает у солдат перед боем. С одной лишь разницей: лица курсантов не тронуты тенью об-речённости и страха перед возможной близкой смертью. На учениях не свистят пули над головой. Все возвра-тятся живыми.

Второй снимок. На фоне той же обочины, но уже залепленной сырым снегом, сбилось в кучу наше вто-рое отделение. Кто есть кто — распознать трудно. Из-под капюшонов плащей ОЗК улыбаются серые, словно разбухшие от холода и сырости лица. В центре, в ля-гушачьей позе, Юдин. Это он, когда возвращались в училище, первым нарушил сонное молчание в машине, потрясая своей «бриллиантовой» рукой. Юдин сидел впереди, облокотившись на борт, и его руку сквало коркой льда. Когда колонна встала и был объявлен пятиминутный перекур, Юдин, как каратист, разбиваю-щий кирпичи, саданул со всего маха рукой о скамейку и первым спрыгнул с машины. Неуклюже, вразвалку, он бежал трусой, скользя в придорожной грязи, раз-миная затёкшие ноги. Похож он был на мокрого взъе-рошенного воробья, скачущего по осенней засоренной земле в поисках съедобной былинки. Потом остано-вился, повернулся к нам и, замахав руками, словно раст-репанными крыльями, крикнул:

— Второе отделение, ко мне! Фото для потомков. Команду можно было не выполнять, ясное дело: дура-чество. Но оно-то и подкупало. Юдин менялся прямо на глазах. С ним явно что-то происходило. Он стано-

вился прежним Колькой Юдиным. Но от чего этот обратный крен?

Когда выстраивались перед фотографом, каждый пытался изобрести позу пошлее, и это всех развеселило. Всю оставшуюся дорогу пели. А когда приехали, отмылись, распарились в бане, и — в клуб на танцы. Не танцевал только один Юдин. Кто-то помнится, тогда сказал, что его девушка вышла замуж, и теперь он всем им не верит.

Вот в чем дело, решил я. Познавший беду неизменно становится добрей, соучастливей к чужим бедам.

Я стоял на набережной Ялты и стрекотал любительской кинокамерой. Море, пальмы, люди, спускающиеся к пляжу. Одно лицо показалось знакомым. Тронул рычажок трансфокатора. Вырвал это лицо из толпы, приблизил на весь кадр. Это был Юдин. Он тоже узнал меня. Шел и улыбался и его загорелая лысина отсвечивала гляncем. Сколько же? Да, десять лет мы не виделись. Лысина сделала его совсем не похожим на того училищного Юдина.

Мы встретились как закадычные друзья, и вспоминая курсантские годы, никто и словом не обмолвился о наших бывших отношениях. Может быть, ему было неловко от того, что иногда перегибал палку, мне — за свою тогдашнюю инфантильность. Теперь-то я понимал, что значит для офицера иметь в помощниках хотя бы одного такого сержанта, каким был Юдин.

Утром, когда дом отдыха еще спал, Юдин забежал за мной на зарядку. Впервые за все это время я увидел, как встает солнце. Оно словно выплавлялось огромной золотой каплей, с трудом отрываясь от массы воды.

На пляже не было ни души. Под высоким навесом томились в тесноте лежаки. Ночные волны вздыбли вдоль среза воды гряду мокрой гальки, и теперь мерно накатываясь, смывали с нее пучки водорослей.

Мы стояли на молу, опираясь на холодные металлические перила, и разглядывали подрагивающие холодец медуз. Было зябко, но хотелось пить: полчаса бежали к морю. В это время к воде спустилась группа мужчин. По их лицам, по тому, как они тяжело рассаживались, с неохотой стали перебрасываться картами, было видно, что жажда иного происхождения мучила их основательно.

«...Так люди мучаются от жажды у моря целого воды», — продекларировал, усмехнувшись Юдин. И тут он заметил сквозь толщу зеленой воды бутылку. «Может, целая!»

— Откуда в море целые бутылки? — сомневаюсь я.

Мы присмотрелись — тусклым светом обозначилась пробка. Сознаюсь, будь там, на дне, даже клад, не прыгнул бы за ним. Юдин прыгнул. Он разделся, обнажив атлетическую грудь (доносились слухи, что после училища стал заниматься йогой), и в красивом прыжке вошел в воду.

Мужчины на берегу услышали всплеск и обернулись. Юдин вынырнул.

— Промахнулся, не рассчитал глубину. Метра четыре будет, — крикнул он и резкими толчками поплыл к основанию мола, туда, где бетонная кромка почти вровень с водой. Наверх поднялся красный, словно из парилки выскочил.

Во второй раз он не промахнулся. Мужчины на берегу даже привстали, когда Юдин вышел из воды с бутылкой. Она была темного стекла, без наклейки. Когда он протянул её, я увидел на крышке фирменный знак «Пепси».

Мы снова стояли, облокотившись на перила, смотрели на медуз и, не торопясь, по глотку отпивали из бутылки. Мужчинам на берегу она, наверняка, казалась из под пива.

Мы молчали. Думали о судьбе. Ну что ей стоило сделать повезу — чей еще двух земных грешников. Дарила бы счастливые случайности, как вот сейчас «пепси». Приехал бы, к примеру, из отпуска в свою глухомань, а тебя ждет хорошая новость: перевод позападней... Сказал об этом вслух, Юдин погрустнел.

— Ты знаешь — сказал он задумчиво, — может, это покажется странным, но, поверь, мне там хорошо, где работы много. Без рисовки. Когда легко — просто неинтересно. А к Средней Азии уже привык. Жара толстеть не даёт. А у судьбы одного бы попросил: с начальством не ругаться. Много нервов эти стычки отбирают, пока докажешь свою правоту. Понимаешь, не могу, не научился лебезить, что думаю то и говорю. Помнишь: «Служить бы рад, прислуживаться тошно!» Когда было сказано, а до сих пор в точку бьёт. Некоторые-то ради карьеры только и служат. И вот что

страшно — пролезают в большое начальство, умузряются как-то.

Гораздо позже, в разговоре с офицерами, которые служили под началом Юдина, я услышу: «На работе не щадил себя. Все время с солдатами. Кросс — впереди бежит, не угнаться. Вообще, отличный был человек, бесстрашный. Одна беда: где надо было лизнуть, гавкал. Правду-матку всегда резал. За это к некоторым начальникам в немилость попал...»

Мы дождались, когда солнце наконец-то оторвалось от притяжения морской глади. Пляж заполнялся людьми. В бутылку мы вложили записку, заткнули той же фирменной пробкой и забросили в море. В ней было двестише: «Наши души спасать не надо, спасибо за «пепси», ждем шоколада». Первая строка принадлежала Юдину, вторую присочинил я. Ведь не зря в училище считался поэтом.

— Насчёт шоколада,— это ты зря, морем он не доплывёт.— Сказал Юдин.

— Рифмы другой не нашёл. Дисквалифицировался. Не до стихов нынче.

— Надо было — апельсины...

И мы вспомнили свою стажировку после первого курса в Прибалтике. Как однажды штормом выбросило на берег несколько ящиков с апельсинами. Ящики разбило о камни, а апельсины разбросало по берегу.

Всего неделю мы провели вместе. У Юдиных заканчивался срок путёвки. Уже сидя на автовокзале, он сказал:

— Ялта, конечно, райский уголок. Но жить здесь ни за что бы не согласился. Как здесь работать? Пляжники отвлекать будут. Вот у нас обстановка по-настоящему боевая. Соскучился по своим парням.

Глядя на его лицо, я понял: он давно уже там, в своих «песках». Он приосанился как-то, весь напряжился. От курортной расслабленности не осталось и следа. Только лысина отливала бронзой загара.

Никто из нас и предположить тогда не мог, что это была наша последняя встреча. Хотя, кто может сказать, что ожидает нас завтра...

Уже пятый год в день гибели Юдина я прихожу домой, устанавливаю в большой комнате кинопроектор. Смотрю на море, напляжную истому человеческих тел,

а воображение рисует иное, то чего не видел, но о чём слышал много раз.

Холодные горные кряжи. Сырой каменный мешок. Они нырнули туда в азарте преследования и попали в западню. Вот Юдин отводит солдат в укрытие. За их спинами крошат камень визгливые пули. Теперь как-то надо выбить бандитов, засевших за скальным выступом. Но как? Способ один: броском обойти их слева. Рисковать людьми он не хотел, пошел один.

Там, в Ялте, он мне как-то сказал: «Знаешь, у меня такое чувство, будто жизнь вечна». «Конечно, вечна,— материя не исчезает, проходили...» «Нет,— отмахнулся он,— ты меня не понял. Не верится мне, что когда-нибудь на пенсию выйду, стану дряхлым стариком, лекарства начну глотать, а потом того... в мир иной. Несправедливо лишать жизни человека. Только во вкус войдёт, а тут — на тебе — госпожа старость. Если человек родился, то он должен существовать вечно...»

Тогда, помнится, мы долго спорили. Сегодня я спорить бы не стал. Сегодня я убеждён: память делает человека бессмертным. Память о совершённых им делах. Подрастёт сын, и я расскажу ему о Коле Юдине. Он тоже должен знать о нем. А еще расскажу о своих друзьях — «афганцах»: Саше Богданове, Герое Советского Союза Валере Глезденёве, военном журналисте. Все они были настоящими солдатами, недрогнув, встретили смерть на боевом посту. Хотя, как каждый из нас любили эту жизнь...

(1988 г.)

Александр Плотников

СЕМЬ МИНУТ НАДЕЖДЫ

Отец отложил в сторону топор, приставил к подпленному стволу лесины рогатину и навалился на нее всем телом так, что вздулись вены на загорелой и искусанной гнусом шее. Вековуха-сосна задрожала, затрещала, пошла было к земле, да стала вдруг.

— Помоги мне, сынок,— повернул голову отец.

— Не могу я,— сказал Валерий. — Я далеко.

Мать перестала сбивать сучья с поваленного дерева, распрямилась и попросила:

— Помоги ему, сынок. Он изработался уже совсем.

— Я сейчас, мама,— Валерий потянулся навстречу дорогим ему людям.

Сейчас зайдет капитан Рафаил Гильмединов, борттехник его МИ-8 и зашумит:

Командир, тревога! Нам на вылет.

Так всегда прерывался этот повторяющийся время от времени сон, и Валерий, весь напрягшись, ждал, удивляясь: «Почему не появляется Рафаил?», ждал до тех пор, пока окончательно не проснулся. И сразу пришла ясная мысль: «Ни Гильмединов, никто другой и никогда, наверное, его так не разбудят. Он — майор Валерий Попков — дома. А война на афганской земле теперь в прошлом».

...Вертолет шел, как казалось лейтенанту Попкову, среди гор-близнецов, и не за что было зацепиться взглядом, пометить в памяти и на карте как ориентир. Он беспокойно заглядывал вниз, озирался по сторонам и был близок к состоянию безотчетного страха за то, что может не выполнить возложенные на него в этом первом полете на войне обязанности летчика-штурмана. От этого оберегал только Никандрыч.

О мастерстве капитана Помыткина, Валерий слышал еще в Сызранском высшем военном авиационном училище летчиков. В боях с душманами капитан творил чудеса: доставлял десант и грузы в самое пекло, не раз приводил «вертушку» на аэродром с немислимым числом пробоя и сажал машину с отказом двигателя хвостового винта, чего теоретически быть не могло, но было. И Валерий возликовал, когда узнал, что назначен правым летчиком в экипаж к знаменитому Помыткину и именно с ним, любимым в Афганистане всеми вертолетчиками Никандрычем, предстоит ему лететь на первое боевое задание.

Никандрыч же сидел слева и казался совершенно спокойным и даже вальяжным, слушал доклады своего «зеленого» летчика-штурмана вполуха и четко сообщал на землю координаты огневых точек и опорных пунктов противника, которых, как ни старался, так и не смог разглядеть Валерий. Заговорил с ним Помыткин только тогда, когда покинули на площадке раскаленную от работы и солнца машину.

— Из Удмуртии, говоришь, родом. Поселок Киль-

мезь. Земляки, выходит,— говорил он, улыбаясь и разглядывая Валерия так, словно только что увидел лейтенанта.— А родители из леспромхоза? С доброй, значит, закваской.— И неожиданно закончил.— Наш, по всему видно, будешь, пойдет дело. Только давай учись.

Вроде бы не намного был Помыткин старше Валерия, и слова его звучали, как отцовские. Может быть, оттого что были они в той стороне, где старшинство не годами меряется? Отец тоже все про учебу толковал. Самому-то ему не повезло с грамотой, с войны всю семью кормил: сестер и братьев выучивал. И очень он гордился тем, что один из них — Евгений — на заводе в Воткинске большой человек, кандидат технических наук.

— Вот такие мы, Попковы! — говаривал при случае отец.— С такой фамилией в Удмуртии, что в России Ивановых. А наш-то Попков вон в какие люди выбился. И ты, Валера, не отставай, учись.

Валерий учился. Не о такой учебе, конечно, отец говорил, но вот так вышло. У старшего лейтенанта Саши Петренко больше всего учился штурманскому делу. Классы у этого великолепного летчика проходил в основном в воздухе и под огнем. Капитан Владимир Перов, весельчак и балагур на земле, прозванный «пещерным летчиком» за байку, что рассказывал молодым, как громил душманов, залетев в пещеру, и суровый, расчетливый в боевой обстановке, вывез, что называется, его как летчика. Еще один урок — подвиг капитана Александра Пашковского.

Пашковский шел в паре с капитаном Николаем Калитой. Они делали обычную работу вертолетчиков. В первую ходку высадили десант и блокировали душманов на небольшом плато среди гор. Во вторую, сейчас, надо было посадить машину среди боя и выгрузить мотострелкам боеприпас. И тут «вертушка» Калиты сильное обычное задрала хвост и стремительно пошла к земле. Секунды — и она уже подпрыгивала на косогоре, чадя гарью.

Александр Пашковский посадил свою машину опасно, как подметили бы на разборе в мирные будни, рядом с подбитым вертолетом. Дождался, когда втащили окровавленного, с оторванной ногой Калиту, и прыгнул на землю. На ходу крича: «Взлетайте!», рванул к машине-подранку.

Масло из гидросистемы там летело во все стороны, и, промедли он, выбило бы его все без остатка. И тогда... Отказала бы несущая система, а летчика размозило бы по кабине ручкой управления. Но Пашковский успел за несколько секунд до этого поднять подбитый вертолет и дотянул его до своих.

Вот такую школу проходил Валерий Попков. Учиться в ней надо было на отлично. И только на отлично, потому что жизнь на войне могла вдруг взять и проэкзаменовать.

Валерий встретил этот час капитаном и командиром экипажа. В тот день под Ханабатом было жарко. Сверху нещадно полило солнце, а внизу полыхала земля, и трассеры хищными осами носились у борта. Уже свистела лопасть, пробитая пулей, будто сигнализировала, что пора, пока не поздно, уходить на базу, но их ждали мотострелки с топливом и боеприпасами. И пара МИ-8 упорно пробивалась, посылая «нурсы» по наиболее досаждавшим огневым точкам, огрызаясь пулеметами, туда, к пятачку, придавленному горами к кишлаку, на котором, кроме «вертушек», нашим ребятам никто помочь уже не мог.

Вертолет капитана Ильгиса Шарипова зашелся пламенем на глазах. Клубок из черного дыма и огня со страшной силой потянула к себе земля...

В кроватке заворочался, захныкал сыннишка. Валерий приподнялся на локте и, вглядываясь туда, где спал малыш, вдруг подумал, что этот родной человечек сейчас вернул его из тех мест, где побывать он не желает даже недругу. Там было много крови и смертей и еще железное слово «долг». Сын затих, и Валерий откинулся на подушку.

И вновь перед глазами встал клубок из черного дыма и огня, который со страшной силой потянула к себе земля. От него неземные, потому что другие не смогли бы, силы оторвали белый цветок парашюта. Он плыл, раскачиваясь, на фоне черных гор.

Не выпуская парашют и факел-машину из поля зрения, Валерий повел свой вертолет на разворот. Он видел и чувствовал все на поле боя, отыскивая площадку для МИ-8 как можно ближе к приземлившемуся летчику. Под бортом четыре чалмы нырнули в окоп, и следом одна из посланных душманами пуль сринкошетила по блистеру. Справа, клюнув носом в землю, рва-

нул вертолет Шарипова, и осколки зацокали по машине Валерия. Впереди, освободившись от строп, бежал по арыку человек в кожанке и с непокрытой головой. К нему с гор, близлежащей сопки и из кишлака стекались черные, серые и полосатые халаты. Валерий посадил вертолет метрах в двадцати от бегущего.

Колеса лишь коснулись пожухлой травы, и позамок из пыли от вращающихся лопастей только собиралась разыграться, а его экипаж — майор Сергей Шустиков, капитан Рафаил Гильмединов, прапорщик Эрадж Курбанов — был уже на земле и, взяв вертолет в круг, словно заслонив собой, неистово бил из автоматов по метнувшимся было к машине душманам. Не сделай они так, в какое-то из мгновений отметил Валерий, вот эти, распластавшиеся в неестественных позах вокруг вертолета, сожгли бы его, как спичечную коробку.

— Командир! — услышал он голос Рафаила. — Там ребята!

— Давай! — крикнул машинально и тут же закричал снова. — Их там нет! Не-т-у! Но Гильмединов уже устремился к высоте, где догорала машина Шарипова. За ним, отставая на несколько метров, бежали Сергей Шустиков и Эрадж Курбанов.

Валерий кричал, зная, что никакая сила теперь их не остановит. Там, возможно, еще были их друзья, самые близкие на этой афганской войне люди. «Нет у них там!» Кричал, не зная, что это кричит его испытывающая нечеловеческое напряжение плоть, отыскав, видно, в крике отдушину.

Его машина была отличной мишенью. И он пустил ее в пляс. Раз! Ручку управления на себя, шаг-газ до упора. Два! Ручку от себя, шаг-газ отпустил... Вертолет то подпрыгивает, как мячик, вверх-вниз, то отскакивает влево, пружинит и уходит вправо. Позже, намного позже Валерий скажет, что, когда предугадывал выстрелы из гранатомета, отличался от робота лишь тем, что пот заливал глаза. А сейчас, в этой смертельной пляске, он считал разрывы. Так было легче делать то что делал, потому что один из них мог прервать этот счет.

Первый ухнул на скале по правому борту. Второй взметнулся у подножия сопки слева. Третий он отметил опять на скале, но граната теперь пошла поверху.

Когда блеснул четвертый, на борт забрался спасшийся летчик. Валерий оглянулся и увидел Ильгиса Шарипова. Судьба, видно, готовила его к такой переделке, наделив от рождения решительным и взрывным характером, а потом на время забросив в десантные войска, где он получил отменную физическую подготовку. Ильгис сориентировался, когда сориентироваться, казалось, было невозможно, прыгнул сквозь огонь и выжил.

Шарипов, не говоря ни слова, припал к пулемету. Валерий глянул еще раз в его сторону, увидел вздрагивающее в такт очередям плечо, страшный оскал и вздувшийся желвак на измазанной сажей щеке. И подняв машину в воздух. Судя по тому, что выстрелов стало меньше, он своими действиями задал душманам трудную задачку: вертолет уходил, а на земле оставались люди, которые не походили на десантников ни числом, ни одеждой, но вели бесперебойный огонь из автоматов.

Но вертолет не ушел. Он сделал разворот и сел возле дымящихся останков сбитой боевой машины. Это был единственный, наверное, шанс спасти членов экипажа, забрать живыми. Этот шанс Валерий не упустил бы ни за что, даже если бы абсолютно точно знал, что вот сейчас, после одного из выстрелов душманов, превратится в пепел. И еще потому, что теплилась надежда, споря с опытом, теплилась все семь минут этого дерзкого боя после посадки, что Саша Щеняев, Ильфат Бариев, Виктор Долгарев там, живы, ну, может быть, изранены, ну, может быть, обгорели, но живы. И уже его экипаж был на месте, а он все медлил со взлетом, рискуя до страшного, ждал, что вот-вот и кто-то из ребят Шарипова загрохочет ботинками, забираясь на борт.

...Дня через два среди летчиков распространили листовку, в которой рассказывалось, как капитан Валерий Попков, сделав посадку, спас Ильгиса Шарипова. Листовку озаглавили «Побратимы». Попков в это время был на боевом задании и узнал о листовке только через несколько месяцев.

...С боевым товарищем капитаном Евгением Кузнецовым Валерий встретился возле входа в столичную гостиницу «Москва». Они шагнули навстречу друг другу, обнялись. Два непохожих внешнею человека — Кузнецов с белесой копной волос и по-казацки отпу-

ценными пшеничными усами и Попков с коротко остриженной круглой головой, смуглый и коренастый,— и с очень похожими судьбами стояли в центре Москвы, хлопали друг друга по плечам, спинам:

— Женька, живой! Вот ты какой стал!

— Валерка, жив-здоров! Да еще в Москву пожаловал!

К тому же еще и Героем! Вот это да!

— Твой экипаж и Ильгнев тогда назвали побратимами. Знаешь об этом? — спросил Кузнецов Валерия уже в номере гостиницы.

— Листовка — новость. А вот побратимы... — Попков потер в задумчивости шрамик на верхней губе. — Мы, Женя, в общем-то все, кто там побывал, побратимы. Все, кто учил воевать и кто учился, кто вышел оттуда и кто не вернулся. И кто больше из нас Герой, не просто оценить. Я всю дорогу сюда об этом думал. Помнишь Никандрыча? А Сашу Петренко, Володю Перова, Сашу Пашковского...

— Помню, Валера. Потому твоей Звезде радуюсь. Это вроде каждому из ребят награда.

...Валерий до утра так и не сомкнул глаз. Ночную темень уже разбавила серая дымка, и стала видна вся нехитрая обстановка квартиры. Он лежал и думал. О друзьях, о службе, о семье. И еще о том, что было бы куда как лучше, если бы эта война, на которой он стал Героем, была сном, а все, что снилось ему там, — явно: отец валит деревья, мать сбивает с них сучья, и он работает рядом с ними. И так продолжалось бы, как в далеком детстве, без крови, смертей и горечи утрат.

(1989 г.)

На южной
← границе →

Юрий Шипулин

В СХВАТКЕ С ОГНЕМ

Тогда шестнадцатого сентября 1988 года, день начался обычно. Уходили и возвращались пограничные наряды. Начальник заставы, старший лейтенант Пётр Немынов, составив план охраны границы на следующие сутки, посмотрел на часы. Было 15 часов. Выйдя на улицу и почувствовав резкий перепад температур подумал: «Печёт так, как-будто разгар лета...» Вдруг мысли прервал громкий доклад дежурного по заставе: «Товарищ старший лейтенант, с поста наблюдения сообщили, в тылу участка пожар, горит трава».

— Поднять заставу по команде «Пожар!» — чётко распорядился Немынов.

Небольшой дымок и языки пламени первыми заметили, войны инженерного подразделения, которым руководил капитан К. Ахвадыев (ныне майор), которые вели работы в районе заставы. Огонь они заметили метрах в четырёхстах от них. Дружно солдаты бросились к месту пожара, на ходу снимая с себя куртки «хэбэ», других средств для тушения пожара под рукой не было. Так и тушили сбивая пламя куртками. Но ведь многие знают, особенно те кому довелось бывать в Средней Азии летом, что представляет собой трава и камыш высушенные южным солнцем, с какой скоростью распространяется в них огонь. И к тому времени, когда с заставы пришли на помощь, пожар бушевал в полную силу, охватывая жаром и опустошая все большую площадь и без того малоплодородную землю.

Сильно пересечённая местность, скальные выступы разбросанные тут и там, препятствовали тушению пожара. А под рукой только куртки, да большое мужество.

Быстро огонь подбирался к сплошной стене камыша, готового вспыхнуть, как порох. А за камышом — шеренги фисташковых деревьев, где пожар может разгуляться еще сильнее.

Ветер усиливался и менял направление. Пётр Немынов понял, что огонь может дойти и до небольшого кишлака. Раздумывать дальше было нельзя. С рядовыми Александром Безлюдовым, Яном Шкепой и младшим сержантом Ринатом Шахрамановым начальник заставы бросился к камышу, начал руками ломать неподатливые стебли, стараясь расчистить полосу, не дать огню перекинуться на камыш. Но сильный порыв ветра бросил пламя прямо в лицо. В один миг сухой камыш превратился в яркий факел, поглотивший людей. Сразу из пламени удалось выскочить лишь младшему сержанту Шахраманову.

Огонь, казалось, полыхал целую вечность, вспомнил потом Ринат, но на самом деле камыш горел секунд тридцать. Но и за это короткое время успело полностью прогореть обмундирование на офицере и солдатах. Немынов и Шкепа сами выбрались с выгоревшего места. Им помогли затушить одежду и вдруг услышали крик Безлюдова Саши. Он упал в горящих камышах, задыхаясь от дыма...

Авиаторы быстро доставили пострадавших пограничников в военной госпиталь. Медики приложили все усилия и умения, но жизнь удалось сохранить не всем...

Все в пограничном отряде знают начальников застав, потому что именно они руководят коллективами, которые непосредственно несут службу по охране Государственной границы.

Четыре года прошло между окончанием Высшего пограничного военно-политического училища КГБ СССР имени К. Е. Ворошилова и днем, когда командир, коммунист Пётр Немынов принял свое последнее решение. После окончания училища был замполитом на одной из застав, а затем назначен начальником другой.

Биография короткая, да и что можно успеть за двадцать пять с небольшим лет жизни. Товарищи по службе отмечают специальные знания Петра Немынова, требовательность и дисциплинированность, высокое чувство долга.

Еще короче биография рядового Александра Без-

людова. Его характер и убеждения были проверены схваткой с огнём. Он скончался от множества полученных им ожогов, но остался в этой схватке победителем...

Через месяц после случившегося, принятым совместным постановлением райкома партии и райисполкома одна из улиц посёлка Московский Хатлонской области, названа именем Петра Немынова. И думается, правильно сделали местные власти, увековечив имя бесстрашного пограничника, погибшего в схватке с огнём, отстаивая народное добро.

(1988 г.)

Юрий Дмитриев

НА КРАЙНЕМ ЮГЕ...

До сих пор не уходят из памяти тревожные ночи Кабула. Подобравшись по-воровски к сонному городу, душманские грузовые «тойоты» с ракетами на борту высыпают свой смертоносный груз по мирным жилым кварталам. Бесчинствуют до тех пор, пока их не засекут артиллерийские батареи и не накроют ответным огнём. То и дело просыпаешься от гулких залпов, разрывов, шума ракеты...

Все это отчетливо вспомнилось на берегу пограничной реки Амударья, отделяющей нашу страну от Афганистана. Последний раз был здесь нынешним февралем, когда завершался вывод советских войск. Полки и батальоны, сражавшейся тогда сороковой армии, возвращались на родную землю. На южных рубежах оставались, как это и положено, лишь пограничники.

Да, безопасность здесь гарантируется. Каждый метр советской земли под бдительным оком солдат в зеленых фуражках и широкополых панамах, защищающих от адской жары. А вот желанного спокойствия на границе явно не хватает. И не по нашей вине.

Беседую с начальником войск Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа генерал-лейтенантом И. М. Коробейниковым. Стройный, худошавый, с загорелым суровым лицом, этот человек прошагал, облетел, объездил все тысячекилометровые участки

границы — ущелья Памира, пески и барханы Туркмении, безлюдные камышовые заросли прикаспийских районов. Не раз участвовал в боевых операциях, пулеметную и автоматную дробь знает не понаслышке. Недавно ему вручена высшая награда Родины — орден Ленина.

— Почти одиннадцатилетняя война в соседней стране, — говорит генерал, — принесла ей голод, разрушения, большие людские потери. И нам, пограничникам, тоже немало хлопот. Сейчас, когда ушли наши войска, многие вооруженные отряды мятежников местами близко придвинулись к границам округа. А это — более двух тысяч километров. Среди них — экстремисты, религиозные фанатики, просто злонамеренный уголовный люд. И, конечно, вооруженные отряды из наиболее оголтелых контрреволюционных организаций, которых в Афганистане пока еще немало. В руках у них — минометы и безоткатные орудия, реактивные установки, ракеты «Стингер», бронетранспортеры. Добра от них не жди. Помните ракетный обстрел нашего таджикского райцентра Пянджа? Могу привести и более свежий пример. Слетайте в один из наших погранотрядов, недавно награжденный орденом Красного Знамени...

Спустя два часа экипаж военного АН-26 под командованием майора Льва Кузнецова и штурмана капитана Евгения Ревы доставил нас на один из отдаленных участков границы. Здесь в ночь с 11 на 12 августа развернулись события, о которых так сказано в донесении:

«...Пограничный наряд в составе старшего лейтенанта Рыбчевского Ю. И., младших сержантов Шимановича Ю. В., Лаврушкова Н. Г., Данилова В. Б., ефрейтора Василевского А. В., рядовых Ларникова В. В., Дородных С. И., Девизорова Н. Л., организовал службу «заслона» двумя группами на правом фланге пограничной заставы на берегу реки Амударья.

Около полуночи наряд услышал всплеск воды, а через некоторое время в секторе наблюдения группы младшего сержанта Шимановича Ю. В. появились фигуры неизвестных. Отрезав неизвестным путь к воде, наряд подал оклик «Стой!». В ответ раздались выстрелы. Пограничники открыли ответный огонь, завязался бой. В ходе боя осколками вражеской гранаты был

ранен младший сержант Шиманович, который, однако, продолжал вести огонь и руководить боем. В результате грамотных, смелых и решительных действий пограничников была сорвана попытка нарушения гос. границы СССР вооруженными преступниками, несколько из них уничтожены, один задержан.

Язык донесения скуп. Нет подробностей, эмоций. А хотелось бы, чтобы читатели представили все драматические перипетии этого ночного поединка. Густые камыши. Кромешная темень. Луна упала куда-то за горизонт. Лишь изредка на противоположном берегу вспыхивают автомобильные фары. Какая-то подозрительная возня. И вдруг,— всплеск воды. Похоже, подкрадывающаяся лодка.

Рядовой Владимир Ларионов, 19-летний пулеметчик, бывший токарь Кузнецкого приборостроительного завода Пензенской области, различает в темноте фигуры неизвестных. Они уже на нашем берегу. Пригнувшись, короткими перебежками приближаются к колхозным рисовым чекам. Ларионов ближе всех к неизвестным. Он быстро выскакивает из засады и властно подает команду: «Стой!..» В ответ pistolетные выстрелы и граната — большой убойной силы, противотанковая. От веером проносящихся горячих осколков его спасает высокий камень, за которым воин успел укрыться. Но его командир младший сержант Юрий Шиманович получает свою долю металла. Раны, к счастью, оказались не смертельными. Его быстро перевязывает рядовой Сергей Дородных...

В район столкновения уже бегут остальные воины во главе с офицером Юрием Рыбчевским, выдвигается поднятая по тревоге группа с заставы. Бандиты бросают вторую гранату. Пытаются отстреливаться. Но их настигают меткие очереди Ларионова и других воинов. Когда уже на рассвете после боя воины осмотрели берег, нашли одного из налетчиков. Мертвого, лежащего у самой кромки воды с зажатой в руке осколочной гранатой. Не успел выдернуть чеку. Не смог метнуть се.

Был я после этого в подразделении, где служат отличившиеся пограничники. У входа в казарму список их сослуживцев, награжденных в разное время боевыми орденами и медалями. Они разъехались по разным местам страны, несут теперь вахту трудовую. А в са-

мой казарме бросились в глаза портреты двух воинов в траурной рамке. Совсем юные, почти мальчишечьи лица, снимки, чувствуется, любительские. Не носить, к сожалению, этим парням своих боевых орденов. Смотрят они, ушедшие из жизни, может быть, даже и нецелованные, но до срока повзрослевшие и словно говорят: «Помните нас всегда, боевые друзья! Мы честно выполнили свой долг...»

Понятие долга и ответственности у воинов границы, пожалуй, наиболее обострено. Ведь молодые совсем люди. Только год-полтора надевшие солдатскую форму. Тому же лейтенанту Рыбчевскому, вчерашнему выпускнику Алма-Атлинского высшего пограничного училища, всего 24 года. А посмотрите, как ревностно несут службу, заботятся друг о друге, прикрывают собой товарища. Считанные секунды потребовались лейтенанту с его группой воинов, чтобы стремительным броском преодолеть колючий кустарник, вязкий песок и очутиться рядом с ведущими огонь солдатами. Он тут же с автоматом в руках бросился к берегу, отсекая обратный путь нарушителям. Другие воины организовали круговую оборону, не пропустив в наш тыл ни одного бандита.

На другом, не менее напряженном участке мне показали внешне безобидные песчаные пешеходные тропы, по которым пока нельзя передвигаться. «Осторожно — мины!» — гласит небольшой фанерный дорожный знак. Да, эта земля таит грозную опасность. Враждующие между собой мятежные группировки, чтобы отрезать путь своим противникам, ставят здесь тайком продолговатые пластмассовые мины, в основном итальянского производства. Поскольку совсем рядом наши колхозные поля, жители здесь передвигаются, пасут скот, пограничникам приходится ликвидировать и эту нечисть. Несколько строк только из одного донесения:

«...Рядовой Ильшат Индрисов, находясь в разведывательном дозоре, обнаружил шупом мину, присыпанную землей. Призван Альметьевским РВК Татарской АССР, до призыва окончил нефтяной техникум.

...Старший лейтенант Владимир Стародубов, выпускник военного училища 1986 года, находясь на границе и исследуя местность, обнаружил с помощью специального устройства две замаскированные мины.

...Рядовой Петр Задорожнев, призванный из Цели-

ноградской области, в полдень 19 августа этого года обнаружил две крупноразмерные мины. В составе поисковых групп были две мино-розыскные собаки — Макс, 4 года, и Карий, полтора года. Все мины уничтожены...»

Тоже — только констатация фактов. Откуда эти парни призывались, мы указываем специально. Пусть знают на их родине, как в нестерпимую жару борются наши воины с минной опасностью. Пусть станет известно и о бесстрашном зам. начальника одной из отдаленных застав лейтенанте Викторе Чуприне, уроженце Ставишенского района Киевской области и его подчиненном сержанте Василии Николенко, бывшем хлебоборбе с Одесщины, которые, будучи обстрелянными душманами с сопредельной стороны, не оставили своей позиции до подхода основных сил с заставы. Таковы здесь тревожные будни...

Однако здешняя граница не только огрызается огнем. Наши недруги пытаются использовать ее как канал для контрабанды. Речь идет в основном о наркотиках, обильно поступающих сюда в основном из Пакистана. Это — опиумный мак, терьяк.

— К каким только хитроумным приемам не прибегают контрабандисты, — рассказал нам начальник Отдельного контрольно-пропускного пункта «Термез» молодой подполковник Валерий Кужин. — Это и международные контейнеры, следующие курсом на Англию, Канаду и другие страны с якобы экзотическими фруктами, а на самом деле напичканные гашишем. Это — автоканистры, мешки с удобрениями, потайные уголки железнодорожных вагонов и речных барж, просто прикрепленные к телу мешочки с тайным грузом. Нашим воинам приходится проявлять недюжинное чекистское мастерство, чтобы пресекать контрабанду...

Естественен вопрос. А где наши афганские воины-коллеги? Как они охраняют границу? Беседуем об этом с генерал-майором Б. Н. Агаповым.

— Мятежники фактически блокировали посты правительственных погранвойск, — сказал он. — Препятствуют их выходу к месту службы, мешают исполнять им обязанности. Все делается ради черных замыслов

Когда я покидал пограничный округ, мне сообщили наш знакомец — пограничный АН-26 — вылетает в обычный рейс. На его борту ценный груз, хотя и малага-

баритный,— государственные награды, в том числе медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За отличие в охране Государственной границы СССР» и другие. Предназначены они для вручения отличившимся солдатам и офицерам. Хорошо это, конечно, приятно, что их тяжкий бойцовский труд не остался незамеченным. Только вот следовало объявить об этом гласно, широко, принародно. Чтобы знали об этом и страна, и родные, и близкие храбрецов-пограничников.

(1989 г.)

Александр Ворошилов

ГРАНИЦА НЕ ЗНАЕТ ПОКОЯ

...В 1931 году басмаческая банда Абды-хана бесчинствовала в селениях Туркмении. Ликвидация преступной шайки была поручена группе пограничников во главе с помощником коменданта погранучастка И. Поскребко. Трое суток в условиях беспощадной жары и песчаных бурь двигался отряд Поскребко, чтобы перерезать путь банде к колодцу Досуок. 15 сентября туда подошла первая группа басмачей. Пограничники разгромили ее. Жажда гнала к колодцу и остальных бандитов. Более ста басмачей навалились на небольшую группу пограничников. Схватка была жестокая. В разгар боя затаившийся в кустах саксаула басмач нанес смертельную рану Ивану Поскребко. Однако бандиты не сломили пограничников и отступили...

У бюста героя, чьим именем названа пограничная застава, алеют живые цветы. Пограничные наряды, уходя на службу, отдают честь скромному монументу — дань памяти, верности традициям пограничных войск.

Это действительно глушь, какой ее привык воспринимать человек неискушенный. Окрестные сопки преобразаются только раз в году, на несколько десятков дней по весне, когда покрываются пламенеющими тюльпанами и маками, прочная зелень создает другие орнаменты природного цветущего ковра. И только. Все остальное время эта безликая местность с клочками иссушенной зноем травы...

Но и здесь служат, здесь выполняют свой воинский долг пограничники, не смотря на объективные и субъективные причины. А их хватает: тот же вопрос с водой, трудностями снабжения (отдаленность района накладывает свой отпечаток). Но пограничники не унывают. Не случайно последние проверочные занятия коллектив именной заставы выдержал успешно. И если в прошлом были промахи, то ныне о них практически не вспоминают. Многое сложилось благодаря коллективной ответственности, что взяли на себя воины. Приняли ее после долгих дискуссий, хорошенько взвесив все «за» и «против». Трудно быть в ответе за дела всего коллектива, но если предъявить к себе повышенные требования, то и общая атмосфера в подразделении будет хорошей.

И уже есть результаты. Несколько солдат и сержантов — Сергей Романчук, Рамзис Валиев, Олег Тимофеев и Олег Старченко награждены за успешную службу, высокие результаты в боевой и политической подготовке нагрудным знаком «Отличник погранвойск» II степени.

Перестройка внесла свои коррективы и в жизнь этого подразделения. Смелее люди стали в своих суждениях, открыто критикуют недостатки и предлагают пути их устранения. Среди активистов и молодые коммунисты — сержант Леонид Демишев и ефрейтор Илмир Хайруллин.

Среди многих достоинств воинского коллектива заставы имени И. Поскребка главная — бдительное несение службы на порученном участке государственной границы. Судите сами — за этот год задержано более десятка нарушителей государственной границы.

Но пусть об этом лучше расскажут сами участники событий.

Политработник лейтенант Игорь Ковалецко:

— В тот день мы уже достаточно «поработали». Несколько сработок, выезды по ним тревожных групп нарушили планы боевой и политической учебы, давила усталость.

Во второй половине дня, когда мы уже возвращались на заставу после очередного выезда, вышли на связь с подразделением. И тут — сообщение, которое передал дежурный (им в тот день был младший сержант Алексей Матрос), что в нескольких километрах

от нас вновь дал знать о себе один из участков сигнальной системы. Действовали быстро, слаженно и вскоре обнаружили следы неизвестных. Вожатый службы собак ефрейтор Олег Старченко сразу поставил Мухтара на след. Вместе с ним я и рядовой Владимир Овсянник начали преследование, а рядовые Рамзис Валиев и Николай Попов поспешили наперерез неизвестным. Вскоре они обнаружили место, где, судя по всему останавливались нарушители.

То холм, то лощина, то подъем, то спуск. Но вот снова «нырнули» вниз. Там мы и задержали двоих — деваться им было некуда.

Провели личный досмотр, сверили их следы с теми, что были на контрольно-следовой полосе — все сошлось. Вызвали машину. Водитель Валиев торопил Попова, который осматривал стоянку неизвестных (на маленькой высоте были сложены шкуры баранов и джейранов, разбросаны вещи). Тут-то он и обнаружил четыре снаряженных автоматных магазина. Затем еще 150 патронов — целый арсенал...

Сообщили на заставу о задержанных, и о том, что возвращаемся.

Можно простить немногословие офицера: видно, не привык он рассказывать о том, в чем сам принимал участие. Пограничники обычно характеризуют происшедшее набором привычных фраз типа: «Прибыли, начали преследование, задержали». Вот и все. Пусть расписывает тот, кому это надо. Вот и сержанту Сергею Васильеву тоже, вроде, не надо. Ну раз попросили...

— В десять часов утра дежурный по заставе принял тревожный сигнал. Вместе со мной в составе тревожной группы были рядовые Сергей Скубак и Олег Харава. Выехали быстро — участок дороги ровный, кругом сопки.

По прибытии проверили контрольно-следовую полосу. Следы на ней обнаружили быстро. Удивились — в тот день было несколько случайных сработок — попривыкли. А тут — следы.

— Поволновались, но надо работать. Определили их давность, направление, приняли меры к их обозначению, одним словом, действовали строго по инструкции.

Вывод напрашивался единственный: «наследили» двое, пройдя туда и обратно. Связались с заставой и

получили оттуда распоряжение оставаться на месте до прибытия подкрепления. Оно не заставило себя ждать. Особые надежды возлагались на сержанта Александра Кочеткова и его Герду — они уже хорошо зарекомендовали себя в службе.

Я, Харава и Степан Кантор получили задачу выдвинуться на машине и перекрыть нарушителям пути к отступлению, отсечь их от линии границы. Ушелья и сопки машина преодолевала на хорошей скорости — нужно было спешить, здесь всегда не хватает времени. Прибыв в назначенный район, двинулись навстречу тревожной группе. Невдалеке показался колодец — возле него нами был обнаружен один неизвестный, испуг и растерянность которого бросились в глаза. Посадили его в машину и оставили под охраной водителя, сами стали осматривать местность. Кантор обнаружил стоянку нарушителей. Ее местонахождение выдали пять ишаков, навьюченных емкостями с водой, продуктами питания. Рядом, в лошине, прятались еще двое мужчин — они не знали о нас, хотя конечно предполагали возможность встречи и растерялись, оказавшись в окружении пограничников. Вскоре и эти присоединились к первому задержанному. Мы двинулись дальше, поддерживая связь с основной группой. Затем встретились с ними. А они — сами с «уловом»: троих задержали. К месту встречи подъехал и капитан М. Полянский.

И вот мы на пути к заставе. Полянский на машине выехал первым и... обнаружил невядалеке от дороги две отары. Свернул к ким, а там еще и люди. — Двое, с автоматами. Однако, без выстрелов и долгих погонь обошлось тогда. Но кто знает, не заговорят ли автоматы в следующий раз, ведь граница, на которой несут свою службу воины именной заставы, самая, что называется, горячая. В Афганистане продолжают бои. Да и несомненен интерес к нашим южным рубежам со стороны воюющей афганской оппозиции, а точнее, их западных покровителей. Свидетельство тому — рассказ начальника заставы имени И. Поскребка старшего лейтенанта Сергея Михеева:

— Занимался новый день. Для нас, имеющих свой распорядок жизни, это время не было минутами пробуждения после безмятежного ночного сна. Граница не знает покоя. И вот в восемь тридцать утра тревожный сигнал собрал всех. Со мной в группе были младший

сержант Алексей Матрос, рядовые Власов и Валиев... Мне сразу не понравилась обстановка. Спинай, всей кожей ощущал на себе чей-то взгляд, даже не по себе стало. Осмотрелись, медленно двинулись по щели, и тут Валиев заметил неизвестного. Подбежали, скрутили в один момент, сами словно наэлектризованные были.

Напряжение отступило, выпустило из своих тисков. Тут уже более детально стали осматривать «гостя» и его снаряжение. А оно, поверьте, не простое, отличное от того, что имеют при себе чабаны. Прежде всего, это автомат с двумя магазинами к нему, семикратный бинокль, удобная куртка со специальными карманами для носки боеприпасов. Да и куртка-то с уликой — на плече потертость от долгого ношения оружия...

(1989 г.)

АББРЕВИАТУРЫ И УСЛОВНЫЕ НАЗВАНИЯ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В КНИГЕ

АКС	— автомат Калашникова складывающийся.
«Афганец»	— выполнявший интернациональный долг в Афганистане.
БМП	— боевая машина пехоты.
Борты	— вертолеты.
БТР	— бронетранспортер.
«Варшавка»	— полевое хлопчато-бумажное обмундирование.
«Град»	— реактивная ракетная установка.
«Духи»	— душманы.
ДШК	— крупнокалиберный пулемет.
ДэШа	— десантно-штурмовое подразделение.
«Зеленка»	— местность благоприятная для растительности.
Парадки	— парадное обмундирование.
ПТВ	— противотанковый взвод.
РПГ	— ручной противотанковый гранатомет.
«Светлячок»	— осветительная мина.
сухлай	— сухой паек.
«Точка»	— место дислокации подразделения.
«Тюльпан»	— см. «Черный тюльпан».
Хэбэ	— хлопчатобумажное обмундирование.
«Черный тюльпан»	— самолет перевозивший погибших воинов.
Шурави	— советский воин.
эНШа	— начальник штаба.
эРэСы	— реактивные снаряды.

СОДЕРЖАНИЕ

Выполняя воинский долг. *Юрий Шипулин* 3

ЗАГРАНИЧНАЯ ЗАСТАВА

Николай Троян

Рустак	11
Песня десантно-штурмовой	12
Десант	13
Товарищ Марков	13
Навабад	14
Имам-Сахиб	15
Чакав	15
Чешма-Инджир	16
Прощание с Кайсаром	16

Сергей Иванов

Бой на границе	17
Память	18
Афган	19
«Солдат России»	20
Возвращение домой	21
Кровавый песок	21

Андрей Лопанов

Обелиск	23
«Другу»	24
Скоро домой	25
«Самодельная песня»	25
Письмо к любимой	26

Сергей Игнатьев

«Воспоминания о прошлых днях»	27
«Кто мы такие?»	28
Письмо из дома	29

Александр Гидымов

Воинам интернационалистам	30
Боевые ордена	31
Письмо Сергею	32
Прощай, Афганистан	33

Алексей Денисенко

Горе	35
Краснозвёздный вертолёт	36
Не интересно всем, что ты устал.	38
Заграничный десант	39

Василий Гула

40

Виктор Гуриневич

Кудук	43
Сто дней	44
Караваны	45

<i>Александр Клейков</i>	
«Афганский снег»	45
<i>Александр Ковалёв</i>	
Разговор	46
О парнях из ДШ	47
<i>Павел Попов</i>	
Нам не забыть	49
<i>Сергей Васильев</i>	
Выход на задание	51
<i>Максим Карнаухов</i>	
Снег	52
<i>Павел Мартынов</i>	
Журавли	52
Память	53
<i>Юрий Петров</i>	
На перроне	54
<i>Сергей Кахович</i>	
О них	55
Заграничная застава	57
<i>Александр Новобранный</i>	
Одноклассники	59
Суровые будни	60
Возвращение	60
Размышления о жизни	61
Другу в день рождения	62
«Крик сердца»	63
Война не должна повториться	63
О тех кто «мельчает»	64
Кто прав, кто виноват	64
<i>Анатолий Ребанов</i>	
Осмотр врачей	65
<i>Владимир Абрамитов</i>	
Обстрел Пянджа	67
Русская баня в Афганистане	69
Гимн юным	70
<i>Пётр Овчинников</i>	
Привет ветеранов	70
Воспоминания	71
Память	72
<i>Юрий Шипулин</i>	
В память о товарищах	73

МУЖЕСТВО

*О. Бучнев, С. Дугалев,
А. Панкратьев, Ю. Шипулин,
Ю. Жуков*

Жизненный выбор	77
Такой характер	81
Уважительная причина	85
Кому светят звёзды	88
Рассвет в горах	91
Спроси с себя строже	96
И снова в дорогу	97
Воздушный боец	100
И не умолкнут огненные строки	107
Все мы здесь стали другими	111
«Спасибо доктор»	112
Тот, кто идёт впереди	114
Память живёт	148
По закону братства	121
Эднажды и навсегда	124
Чтобы познать себя	128
Комбат Жданов	131
Я не останусь в стороне	136
Красная земля	141
Третьего не дано	143
Дороги дружбы	147
Начало пути	155
Уникальная операция	159
Подвиг героя	163
Новое назначение	167
В «зоне риска»	171
Однокашник	174
<i>Александр Плотников</i>	
Семь минут надежды	184

НА ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ

Юрий Шипулин

В схватке с огнём	193
-----------------------------	-----

Юрий Дмитриев

На крайнем юге	195
--------------------------	-----

Александр Ворошилов

Граница не знает покоя	200
----------------------------------	-----

1 руб. 80 коп.

«Ирфон»